

ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
В СТРАНАХ БАЛТИИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Сборник статей под редакцией д. э. н. А. В. Гапоненко

Рига 2013

**ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ
В СТРАНАХ БАЛТИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Сборник статей под редакцией д. э. н. А. В. Гапоненко

Сборник статей посвящен рассмотрению причин возникновения, форм существования и механизмов реализации этнических конфликтов в Латвии, Литве и Эстонии в период 1991–2013 г. Представленные авторами материалы являют собой попытку осмысления опыта борьбы нетитульного населения этих стран против действующих в них режимов этнической дискриминации.

ISBN:978-9934-8113-5-7

© Институт европейских исследований.
Рига, 2013 г.

ВВЕДЕНИЕ

СССР просуществовал три четверти века. Все это время правящая в нем коммунистическая элита проводила политику формирования из крайне разнородного в этническом отношении населения страны единой политической нации. Эта нация получила не совсем корректное с современной научной точки зрения название советский народ.

Советская нация строилась на основе принципов интернационализма, то есть равноправия всех этносов. Для обеспечения этого равноправия основная часть этносов получила при коммунистах свои государственные образования: союзные и автономные республики, округа, а какое-то время даже районы и поселки. В рамках созданных государственных образований эти так называемые титульные этносы имели возможность свободно развивать свой язык и культуру, открывать школы и вузы, создавать свои СМИ, издавать на родном языке книги, газеты и журналы. Многие этносы смогли впервые обрести свою собственную письменность. Жили в рамках рассматриваемых национально-государственных образований и нетитульные этносы. Они имели более низкий социальный статус и значительно меньшие возможности для этнического развития.

В качестве официального в СССР использовался русский язык. Причиной этого была большая численность русского населения. Доминировала в СССР сильно советизированная русская культура. Причиной этого было

развитие именно русских культурных институтов, наработка ими большего количества высококачественной «культурной продукции». Однако СССР не был государством русского народа. У русских даже не было своего собственного государственного образования, собственного подразделения правящей коммунистической партии.

В процессе строительства советской нации правящая элита не допускала возникновения этнических конфликтов. Главным инструментом управления взаимоотношениями между отдельными этносами была доминирующая коммунистическая идеология. Однако когда идеи всеобщего равенства не срабатывали, коммунисты не останавливались перед необходимостью применения силы. Конфликтующие на этнической почве элиты лишались социального статуса, отделялись от своих масс. В крайних случаях применялись массовые переселения конфликтующих народов на новое место жительства и ликвидация их государственных образований. Русский народ не был в этом отношении исключением.

В последние годы существования Советского Союза коммунисты от применения мер силового воздействия в ходе разрешения как социальных, так и этнических конфликтов отказались. Затем они пошли на ослабление контроля над общественным сознанием, включая сектор межэтнических отношений. В результате этого в ходе развернувшихся после 1986 года демократических преобразований к власти во всех союзных и большинстве автономных республик пришли национал-коммунисты. Они начали перераспределять все ресурсы в свою пользу и в пользу своих родных этносов. Интернационалистские идеи были напрочь отброшены.

Все это привело к немедленному проявлению успешно сглаживаемых до этого коммунистами этнических конфликтов. Возникли настоящие этнические войны между Арменией и Азербайджаном, между Грузией, Абхазией и Южной

Осетией, между Молдавией и Приднестровьем. Внутри Киргизии и Таджикистана на этнической почве развернулись гражданские войны. Отчасти принял силовые формы разрешения этнический конфликт между Узбекистаном и Киргизией. Этнические столкновения развернулись в Чечне, Татарской и Башкирской автономных республиках. Под ударами всех этих этнических столкновений СССР распался на пятнадцать независимых государств.

Латвия, Литва и Эстония вышли из состава СССР на волне мирных протестов масс титульного населения, которые организовали местные национал-коммунисты. Однако новые прибалтийские элиты не довели дело до открытого противостояния с проживавшим в их республиках нетитульным населением, прежде всего с русскими. Причин этому было несколько. Во-первых, бывшие национал-коммунисты титульного происхождения ставили первоначально своей целью только присвоение накопленного в советское время общественного богатства и ради этого не были готовы идти на какие-либо риски лично для себя. Во-вторых, русское население было крайне советизировано и не имело собственной элиты, а потому против него можно было проводить политику «мягкой» этнической дискриминации. В-третьих, до 1993 года в прибалтийских республиках стояли российские войска, которые могли встать на защиту русского населения, подвергающегося открытому насилию. В-четвертых, излишнюю активность национал-радикалов в странах Балтии сдерживали США, которые не собирались в этом районе развязывать из-за прибалтийских русских Третью мировую войну.

Именно с подачи США в прибалтийских постсоветских государствах и стали формироваться режимы правления, при которых вся власть и богатство сосредотачивалась в руках титульных элит, а массы нетитульного населения обрекались находиться на нижних ступенях социальной лестницы – этнократии. Для создания этих режимов на тот момент были все

необходимые предпосылка: бывшие национал-коммунисты умели эффективно манипулировать массами титульного населения, а русское население не имело собственных элит и было слабо мобилизовано в этническом плане. Для закрепления этого положения на длительный период в Латвии и Эстонии был введен институт негражданства, который лишил подавляющую часть нетитульного населения возможности участвовать в политических процессах. В дополнение к этому, нетитульное население подверглось силовому вытеснению за границу, жесткой этнической дискриминации, деморализации. Удар был рассчитан, прежде всего, против прибалтийских русских и русифицированных национальных меньшинств, которых США рассматривали в качестве потенциальной опоры находившего рядом геополитического противника – России. Предполагалось, что в течение достаточно короткого времени русских удастся маргинализировать, а потом и ассимилировать. Заодно под этнократический пресс попали и проживавшие в Литве поляки, хотя инструмент лишения гражданства против них, а заодно и против литовских русских, не применялся.

В результате установления этнократических режимов в странах Балтии сохранилась также действовавшая отчасти еще в советское время этническая дискриминация в отношении малых этносов: латгалов, жемайтов, сету.

Однако расчеты правящих балтийских элит и стоящих за ними США не оправдались. К началу 2000-х годов во всех трех прибалтийских странах, которые на немецкий манер стали называться балтийскими, выявились элиты, которые стали формировать русские общины. В Литве начала складываться сильная польская община. Они стали защищать свое право на самостоятельное этническое существование. Этнические конфликты в странах Балтии перешли после этого из скрытой в открытую форму.

Во всех трех странах Балтии возникли массовые движения протеста против сворачивания образования на русском языке.

Поляки в Литве начали борьбу за сохранение польских школ. В Эстонии русское население пошло на конфликт с властями из-за оскорбления их национального символа – памятника Воину-освободителю в Таллине. В Латвии был организован референдум по приданию русскому языку статуса второго государственного. После его завершения начался референдум за ликвидацию института безгражданства, а когда власти незаконно запретили его проведение, то была создана массовая оппозиционная организация – Конгресс неграждан. Эта организация провела выборы в Парламент непредставленных, который стал по факту представлять интересы русской общины республики.

Первое время после распада СССР Россия практически не оказывала поддержки проживающим за рубежом соотечественникам, поскольку была занята урегулированием своих внутренних проблем. С начала 2000 г. она стала проводить активную политику в области сохранения русского языка, образования и культуры, защиты этнических прав соотечественников, проживающих за рубежом. Были созданы финансовые фонды поддержки, при российских посольствах образованы координационные советы соотечественников, оказывалась помощь в проведении их республиканских и международных конференций. При помощи посольств реализовывались разнообразные культурные и образовательные проекты. В повестку дня российского МИДа вошли вопросы борьбы с массовым безгражданством и дискриминацией соотечественников в странах Балтии.

С начала 2000-х положение польского меньшинства в Литве также становится предметом пристального внимания польского МИДа. Польша принимает решение о введении «карты поляка», уравнивающей права поляков, проживающих за рубежом и на родине. Правительство берет под опеку польские школы в Литве.

С момента образования независимых балтийских стран этнические конфликты в них были, по преимуществу, пред-

метом закрытых исследований, которые проводили англосаксонские ученые для своих правительств. Их результаты не были известны широкой научной общественности. Официальные балтийские исследователи факты этнической дискриминации инородцев в своих странах предпочитали игнорировать. Российские власти говорили лишь о российских соотечественниках и не акцентировали внимания на том, что их дискриминация носит явный антирусский характер. Причиной этого была неопределенность с артикулированием позиций власти по «русскому вопросу» внутри самой России. По этой же причине вопросы этнической дискриминации русских за рубежом практически не попадали в круг исследований академических российских ученых и интересовали только патриотически настроенных российских общественных деятелей.

Авторы, предоставившие материалы для настоящего сборника, являются в основном представителями дискриминируемых в Латвии, Литве и Эстонии групп населения и поэтому излагают свои позиции в терминах теории этнических конфликтов. Как кажется составителю сборника, этот подход позволяет наиболее адекватным образом описать сложившуюся в странах Балтии в постсоветский период ситуацию и дать материал для выработки решений по демонтажу реакционных по своей сути этнократических режимов.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БАЛТИИ:

СОДЕРЖАНИЕ, ФОРМЫ, МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ

*д. э. н. Александр Владимирович Гапоненко,
президент Института европейских исследований, Латвия*

В середине 80-х годов XX века СССР столкнулся с необходимостью провести приватизацию весьма масштабных и неэффективно используемых государственных средств производства. Попытка решить эту проблему в ходе т. н. «политики перестройки» вызвала конфликт внутри монополюльно правящей коммунистической партии и ослабила централизованную систему власти в стране. Конфликтом воспользовались властные группировки титульной коммунистической номенклатуры в союзных республиках и стали прибирать власть к своим рукам. Особенно активно национал-коммунисты действовали в республиках советской Прибалтики. Именно они инициировали начало распада единой советской нации на составлявшие ее отдельные этнические элементы.

В 1988 г. прибалтийские национал-коммунисты создали массовые общественные движения: Народный фронт Латвии, Народный фронт Эстонии и литовский «Саюдис». Актив этих движений состоял, в основном, из гуманитарной титульной интеллигенции. Интеллигенция стала проводить мобилизации народных масс с помощью радикальных националистических лозунгов. В результате этих мобилизаций из достаточно аморфной советской нации стали быстро выкристаллизовываться латышский, литовский и эстонский народы.

В 1990 г. титульная коммунистическая номенклатура, при поддержке своей интеллигенции, приходит к власти во всех трех прибалтийских республиках. Эту власть она использует для личного присвоения государственной собственности и ради этого соответствующим образом организует процесс ее приватизации. Номенклатуру интересует также пожизненное сохранение за собой постов и связанных с ними доходов в государственных органах власти и управления, то есть институционализация своего статуса монополично правящей бюрократии. Поэтому она старается не допустить установления какого-либо контроля народа над своими действиями.

Коммунистические лозунги титульной номенклатуре приходится отбросить как противоречащие сути проводимых ею социально-экономических преобразований, и она начинает позиционировать себя как национал-либералов, выступающих за переход от всеохватывающего государственного управления к чисто рыночным отношениям.

Параллельно с проведением приватизации государственной собственности прибалтийская коммунистическая номенклатура принимает стратегический курс на вывод своих республик из состава СССР с тем, чтобы полностью избавиться от контроля со стороны вышестоящих властей.

В августе 1991 года, после очередного острого политического конфликта в Москве и при активной помощи Запада, прибалтийским национал-коммунистам удается реализовать стратегию избавления от внешнего контроля. Прибалтийские республики становятся независимыми. После этого они, на старый немецкий манер, начинают называть себя странами Балтии.

Главным политическим противником балтийских национал-либералов после обретения независимости становится та часть местной коммунистической элиты, которая осталась стоять на социалистических и интернационалистских по-

зициях. Эта часть властной группировки опиралась на поддержку преимущественно нетитульного населения, удельный вес которого в общей численности населения на начало 1989 г. был достаточно велик: в Латвии – 48,0%, в Эстонии – 37,9%, в Литве – 20,4%. Нетитульное население по своему этническому составу состояло из великороссов, малороссов, белорусов и русифицированных национальных меньшинств. В Литве, кроме того, более 7% от общей численности населения составляли этнические поляки.

Опасаясь, что коммунисты-интернационалисты смогут сплотить вокруг себя нетитульное население, бывшие национал-коммунисты проводят против них масштабные люстрации. Компартии запрещают, их имущество конфисковывают, ключевых руководящих работников арестовывают, партийных активистов лишают гражданских прав, не принимают ни на какую работу. Запрещают коммунистическую и советскую символику, отменяют все старые государственные праздники, сносят памятники деятелям коммунистического и советского движений – все те символические инструменты, с помощью которых интернационалисты проводили мобилизацию массы советской нации на свою поддержку. Все эти правовые ограничения действуют до сих пор.

Вторым соперником для бывших национал-коммунистов становится собственная интеллигенция, которая проводила для них мобилизацию титульного населения и потому пользовалась в его среде большим влиянием.

Бывшая номенклатура перехватывает у интеллигенции националистические лозунги и вооружает ими свои собственные, национал-либеральные по своей направленности партии. Так появляется партия «Латвияс цельш» в Латвии, Социал-демократическая партия в Литве, «Партия реформ» в Эстонии. Титульная интеллигенция бывшими национал-коммунистами искусно оттесняется от реальной власти. К 1993 году массовые народные движения полностью исчезают с

политической арены балтийских стран. Из остатков народных фронтов и «Саюдиса» титульная интеллигенция формирует национал-радикальные партии. В Латвии появляются партии «ДННЛ» и «Тевземей ун Бривибай», в Литве – Консервативная партия, в Эстонии – «ИРИ». Национал-либералы берут потом эти национал-радикальные партии на роль младших партнеров в создаваемые ими правящие коалиции.

Поскольку для единоличного присвоения государственной собственности новоявленные национал-либералы были слабы, и к тому же мало смыслили в рыночной экономике, то они стали искать себе союзников. Наиболее подходящей на роль союзника им представилась титульная эмиграция, которая образовалась в основном из лиц, бежавших на Запад после окончания Второй мировой войны из опасения понести наказание за совершенные ими преступления против своего народа или за коллаборационизм. Эта эмиграция была многочисленной, хорошо организованной и имела опыт капиталистического хозяйствования.

За помощь в реализации власти западная эмиграция потребовала от национал-либералов возврата ее собственности, которая была конфискована коммунистами в 1940 г. Зато на приватизацию государственной собственности, созданной в советское время – несравненно большей по своему объему, – эмиграция не претендовала. Не интересовали эмигрантов и посты в государственном аппарате, поскольку они намеревались и дальше жить на Западе, давно ставшем для них родным домом.

Интересы западной эмиграции на родине стали представлять партии национал-радикального толка. Эти партии эмигранты активно подпитывали как идейно, так и материально.

Западная эмиграция принесла с собой в страны Балтии агрессивный антикоммунизм и реваншистские настроения. Однако бывших секретарей парткомов, райкомов, горкомов

и ЦК республики титульного происхождения это вполне устраивало, поскольку позволяло отвлечь внимание народа от их собственных коммунистических грехов и инициированного ими, крайне сомнительного с точки зрения социальной справедливости, процесса приватизации государственной собственности. Поэтому национал-радикалы открыто, а национал-либералы скрытно взяли на вооружение эмигрантские лозунги построения этнически чистых обществ – «латышской Латвии», «литовской Литвы» и «эстонской Эстонии». Эти лозунги дополнили положениями о советской оккупации стран Балтии, обвинениями русских в геноциде титульных народов, оценками равнозначной преступности коммунистического и нацистского режимов. Данная идеологическая конструкция позволила теоретически обосновать притязания бывших национал-коммунистов на не контролируемую народом власть и найти точки соприкосновения с эмиграцией. Идеология построения этнически чистых обществ принимается новой правящей элитой в качестве государственной.

Серьезно упрочив свои позиции после вывода российских войск в 1993 году, новые правящие элиты во всех трех странах Балтии стали строить этнические иерархии, на вершине которых находилась титульная бюрократия, посередине остальное титульное население, а внизу социальной лестницы – массы инородцев. Для построения таких обществ было выбрано четыре основных инструмента.

Во-первых, осуществлялось силовое вытеснение части нетитульного населения за границу. Происходило это путем лишения инородцев права на проживание в стране посредством выселения их из денационализованного жилья, через недопущение до ряда профессий и рабочих мест, посредством ограничения возможностей заниматься частным бизнесом.

Политика силового выдавливания инородцев была достаточно эффективна. Доля нетитульного населения в период

с 1989 г. по 2011 г. сократилась в Латвии с 48,0 до 37,9%, в Эстонии – с 37,9 до 31,0%, в Литве – с 20,4 до 15,8%. Наиболее интенсивно вытеснение инородцев шло в первое десятилетие после отделения прибалтийских республик от СССР. Во второе десятилетие эмиграция стала носить в большей степени трудовой характер, захватила уже и титульное население.

Во-вторых, оставшиеся в балтийских странах инородцы были принудительно разделены на граждан и неграждан, с лишением последних целого ряда фундаментальных прав. Основанием для такого рода деления был выбран критерий принадлежности к общности граждан, существовавшей до восстановления советской власти в 1940 г. В Латвии гражданства в 1991 г. лишилось две трети инородного населения. В Эстонии в 1992 г. негражданами стало девять десятых всех инородцев. Литовские правящие элиты вводить институт негражданства не стали. Причиной этого было то, что все семипроцентное польское население имело довоенные корни и лишить его гражданства не представлялось возможным, а двенадцатипроцентное русское население первоначально достаточно быстро выезжало за границу, стало невелико и не представляло для новой литовской элиты большой опасности.

Неграждане полностью отстранялись от принятия политических решений, их не допускали к государственной службе, они не могли создавать партии, не могли заниматься такими доходными интеллигентскими профессиями, как адвокат, нотариус, детектив, землемер и т. д. При приватизации неграждане получали меньшее количество сертификатов, им начисляли меньший пенсионный стаж, они не могли работать на руководящих должностях в банках и акционерных обществах, приобретать землю. Всего в Латвии и Эстонии было введено и действует до сих пор более 70 ограничений в правах неграждан.

С конца 90-х годов XX в. латвийские и эстонские неграждане получили возможность натурализоваться. Однако

требования к натурализующимся были такими высокими, что многие не могли их выполнить. Часть неграждан приняла российское гражданство, часть – гражданство других стран. Однако в Латвии до сих пор 14% населения является негражданами, в Эстонии таковых 7%. Эстония предоставила негражданам право голосовать на муниципальных выборах. После этого процесс натурализации в обеих странах практически полностью остановился.

В-третьих, все нетитульное население новых балтийских стран подверглось прямой этнической дискриминации.

Главным средством дискриминации стал язык титульного народа, которому придали статус единственного государственного, хотя практически все титульное население на этот момент свободно владело русским языком. Во всех трех балтийских странах людей недостаточно владевших государственным языком уволили с государственной службы и с принадлежащих государству предприятий и учреждений. Тех, кто работал в частном секторе, стали подвергать языковым проверкам, штрафовать, понуждать хозяев предприятий к их увольнению. С помощью установления высокого уровня требований к знанию государственного языка инородцы не допускались до престижных и высокодоходных интеллигентских профессий, хотя для занятия ими таких знаний и не требовалось.

Русский язык был принудительно исключен из официальной сферы: на нем нельзя было обращаться в государственные и муниципальные учреждения, получать от них решения, вести деловую документацию, проводить на нем собрания и совещания.

Все государственные СМИ были переведены на языки титульных народов, а для частных СМИ установили обязательные квоты вещания на титульных языках. При нарушении этих квот хозяев СМИ штрафовали, а при повторном нарушении издания закрывали. Так, например, в Латвии за

нарушение языковых квот была в показательном порядке закрыта радиостанция «Русское радио». Первый Балтийский телевизионный канал неоднократно штрафовали как за нарушение языковых квот, так и за критику официальной трактовки истории стран Балтии.

Больше было нельзя вывешивать таблички с названием улиц, площадей, городов, рек, озер, гор, дублируемые на русский или польский язык. Действует обязательное латышизированное, литуанизированное и эстонизированное написание имен и фамилий нетитульного населения во всех официальных документах.

Другой важной компонентой политики дискриминации в странах Балтии стала ликвидация социальных институтов, которые воспроизводят национальную идентичность нетитульного населения.

Сразу после провозглашения независимости было запрещено преподавание в государственных высших учебных заведениях на русском языке и из вузов уволили подавляющую часть русских преподавателей. В Латвии учредили частный вуз гуманитарного профиля с преподаванием на русском языке – Балтийский русский институт. Филиалы этого вуза открыли в Литве и Эстонии. Однако власти двух последних республик под надуманными предлогами закрыли эти филиалы. По их мнению, даже за свои деньги русские не имели права обучаться в высшей школе на родном языке.

К началу 2000-х годов обучение русских детей в государственных средних школах стали принудительно переводить на латышский, эстонский и литовский языки. В Литве на литовский язык принудительно переводилось также обучение польских детей. Из содержания школьных программ нетитульного населения целенаправленно изымалась всякая родная этническая компонента, а взамен навязывались ценности титульных народов.

Практически прекратилось финансирование из государственных и муниципальных бюджетов учреждений русской

и польской культуры. Из музейных экспозиций исчезли артефакты, свидетельствовавшие о жизни нетитульного населения стран Балтии на протяжении последнего тысячелетия. Власти стали издавать книги и журналы, в которых история нетитульного населения представлялась в искаженном виде. Наибольшую известность получила книга «Латвия: история XX вв.», в которой концлагерь Саласпилс, в котором местные нацисты в годы войны осуществляли массовое уничтожение нетитульного населения, был представлен как обыкновенный трудовой лагерь. Государственные библиотеки перестали закупать книги, журналы и газеты на русском и польском языках, а старые книжные фонды на этих языках стали целенаправленно уничтожать.

Русское и польское население балтийских стран не может свободно восстанавливать старые и устанавливать новые памятники своим политикам, ученым, деятелям культуры, чем подрывается их ценностная система. Например, в Вильнюсе властями был снесен памятник русскому генералу И. Черняховскому, а памятник польскому поэту А. Мицкевичу восстановить не разрешили. В Таллине варварски перенесен из центра города на окраину памятник Воину-освободителю. В Риге предпринимались неоднократные попытки взорвать памятник Воинам-освободителям. Во всех трех республиках безнаказанно оскверняются захоронения советских воинов, русские, польские, еврейские кладбища. Отдельно следует отметить дискриминационное отношение властей к русской православной церкви: ей не возвращают конфискованные государством культовые и хозяйственные здания, не разрешают сделать выходными пасхальные и рождественские праздники. Все эти действия можно охарактеризовать как попытки стереть коллективную память нетитульного населения.

В-четвертых, нетитульное население балтийских стран подвергается запугиванию и деморализации со стороны правящих титульных элит. Русскому населению навязывается

чувство вины за «советскую оккупацию», за мифические репрессии против латышей, литовцев и эстонцев, которые были в свое время, но носили исключительно социальный, а не этнический характер. С этой же целью активисты русских и польских общественных организаций подвергаются преследованиям со стороны полиции и спецслужб.

В качестве элементов политического давления на нетитульное население следует рассматривать и включение в состав государственной идеологии элементов национал-социализма. Например, на государственном уровне почитаются герои национальных формирований СС, празднуются дни образования нацистских войск, предоставляются государственные пособия и льготы бывшим legionерам войск СС и национальным партизанам, сражавшимся на стороне нацистов. Напротив, участники войны на стороне сил антигитлеровской коалиции пособия и льготы не получают. Некоторые из них, как, например, Василий Кононов в Латвии, были привлечены к суду и осуждены за то, что боролись с местными нацистскими формированиями в годы войны.

Под влиянием ассимиляционного давления правящих элит из сильно советизированного нетитульного населения бывших прибалтийских республик начали формироваться самостоятельные этнические общности. В Латвии, Литве и Эстонии возникли русские общности, в состав которых вошли практически все этнические великороссы, малороссы, белорусы и русифицированные этнические меньшинства. Процесс становления русских общностей затруднялся тем, что в составе их интеллигенции преобладали специалисты технического профиля, которые не владели навыками управления массами населения. В Литве сформировалась самостоятельная польская общность.

К началу 2000-х годов балтийские русские и польские общности начали структурироваться. В их составе выделились собственные политические, экономические и ин-

теллектуальные элиты. Эти элиты стали заботиться о воспроизводстве социальных институтов, которые обеспечивали воспроизводство национальной идентичности, начали мобилизовать массы на их защиту. Таким образом в Латвии, Литве и Эстонии возникли самостоятельные русские общины, а в Литве еще и польская община.

После образования самостоятельных русских и польской общин этнические конфликты в странах Балтии перешли из скрытой в открытую форму проявления. Наиболее острыми из этих конфликтов были следующие.

В 2003–2004 годах в Латвии возникло движение протеста против насильственного перевода русских школ на латышский язык обучения. Стихийно образовавшийся Штаб защиты русских школ собрал активистов, которые организовывали митинги и демонстрации протеста, собиравшие десятки тысяч школьников и их родителей. Родители проводили собрания, подписывали петиции, устроили многодневную голодовку протеста. Так называемую «реформу русских школ» удалось остановить. Правда, власти депортировали из страны руководителя русского движения сопротивления А. Казакова и подвергли уголовному и административному преследованию других активистов Штаба защиты русских школ.

В 2011–2012 годах, в ответ на референдум латышских национал-радикалов с предложением запретить преподавание в государственных школах на родном для детей русском языке, обществом «Родной язык» был инициирован референдум за предоставление русскому языку в Латвии статуса второго государственного. За эту инициативу на референдуме проголосовало абсолютно все русское правоспособное население.

В 2012–2013 годах русские активисты инициировали и провели выборы депутатов в Парламент непредставленных. Парламент претендует на роль центрального института представительства во власти как 300 тысяч латвийских неграждан, так и всего русского населения.

В Эстонии в 2008–2009 годах активисты из общества «Ночной дозор» организовали массовые протесты русского населения против унижительных действий властей в отношении их святыни – памятника Воину-освободителю в Таллине. Протесты были жестоко подавлены полицией, а активистов стали преследовать в уголовном порядке, часть из них вынудили уехать из страны.

В 2012 г. эстонские русские создали общество «Русская школа», которое отстаивает право русских детей учиться в средней школе на родном языке. За защиту права на сохранение национальной идентичности эстонские власти вновь стали использовать против активистов общества инструментарий запугивания и уголовного преследования.

В 2008–2009 годах в Литве Ассоциация преподавателей русских школ провела акции протеста против принудительного перевода русских школ на литовский язык обучения. В том числе была организована массовая голодовка учителей.

В 2012–2013 годах польская община Литвы организовала митинги протеста против лишения права национальных меньшинств обучаться на родном языке. Эти митинги были поддержаны представителями местной русской общины.

За два десятилетия нахождения у власти титульные бюрократические элиты установили в балтийских республиках классические этнократические режимы. Эти режимы характеризуются тремя основными чертами. Во-первых, в них несменяемо властвуют титульные бюрократические элиты. Во-вторых, титульное население формально контролирует свои правящие элиты через стандартные демократические процедуры, а нетитульное население таких возможностей лишено. В-третьих, правящая титульная элита управляет обществом через нагнетание этнических конфликтов и за счет этого уходит от реального политического контроля со стороны масс титульного населения.

Когда массы титульного населения устают от пустых обещаний национал-либеральных политиков, последние

закрывают одну и открывают другую партию, проводят очередные парламентские или муниципальные выборы, но сохраняя весь тот же набор персон во власти. По существу, реализовалась мечта бывшей национал-коммунистической номенклатуры: она бессменно находится у власти и сохраняет в неприкосновенности свой социальный статус и доходы.

В рамках балтийских этнократических систем сложились и партии, которые претендуют на выражение интересов той части нетитульного населения, которая имеет права гражданства. Это партия «Центр согласия» в Латвии и Центристская партия в Эстонии. Однако они, по большей части, только симулируют активность в решении русского вопроса. Более активные латвийская партии ЗаПЧЕЛ, Русская партия Эстонии и Русская партия Литвы, не справившись с поставленными задачами, утратили поддержку русских общин. Польская выборная инициатива более эффективно защищает интересы поляков в Литве и пользуется неизменной поддержкой польских и даже части русских избирателей. Практически все перечисленные партии постоянно находятся в оппозиции и существенно не влияют на природу балтийских этнократических режимов.

Постоянное акцентирование правящими национал-либеральными партиями внимания населения на этнических проблемах позволяет им уйти от ответственности за плохую реализацию социально-экономических функций. Не случайно в период экономического кризиса 2008–2012 годов падение объемов производства и уровень безработицы в странах Балтии были самыми значительными в Европе, тяжесть кризиса легла исключительно на плечи простых трудящихся, но никаких протестов со стороны простых латышей, литовцев и эстонцев не было. Правящие титульные элиты запугали своих трудящихся тем, что их недовольством могут воспользоваться инородцы и это подорвет фундамент национальных государств.

Наряду с крупными русскими и польской общинами в странах Балтии существуют небольшие еврейские общины. Многочисленное коренное еврейское население было уничтожено в годы войны местными и немецкими нацистами и к 1991 г. в его составе уже преобладали приезжие из других союзных республик. После установления этнократических режимов основная масса евреев эмигрировала из стран Балтии, опасаясь, что вновь могут быть подвергнуты преследованиям. В настоящее время доля евреев не превышает одной десятой доли процента в общей численности населения каждой из балтийских стран.

Большинство евреев живет на русской культурно-языковой основе и лишь частично поддерживает свою национальную идентичность, участвуя в некоторых религиозных и светских мероприятиях своей собственной общины. Евреи подвергаются массе этнических ограничений, как члены русской общины, однако существуют и специфические способы дискриминации евреев. Так, во всех странах Балтии открыто процветает антисемитизм. Он присутствует и в высказываниях национал-радикальных политиков, и в публикациях в СМИ. Еврейские кладбища подвергаются осквернению. Были неоднократные попытки взорвать синагоги. Еврейским общинам так и не вернули их довоенную собственность в полном объеме.

Этнические евреи ведут активную правозащитную деятельность в рамках русской общины, и эта деятельность поддерживается членами этой общины.

Титульные народы стран Балтии не являются однородными в этническом отношении. Так, в Латвии, наряду с латышскими-балтиешами, проживает самостоятельный и достаточно крупный этнос – латгалы. Балтиеши сформировались на базе лютеранства и под воздействием немецкой культуры. У латгалов базисной религией является католицизм, а доминирующим при их формировании было польское культурное влияние. У латгалов свой собственный язык и своя, более древняя, чем

у балтиешей, письменность. На этом языке изданы тысячи наименований книг, журналов и газет. Латгалы имеют своих писателей, художников, историков, музыкантов, учителей. В Литве, наряду с литовцами, существует самостоятельный жемайтский этнос. В Эстонии, помимо эстонцев, живет самостоятельный этнос сету. В последнее время происходила активная эмиграция сету в Финляндию и его численность значительно сократилась. Этническая самоидентификация у латгалов достаточно высокая, но процесс формирования самостоятельной общины у них еще не закончился. У жемайтов и сету процессы развития самоидентификации идут достаточно медленно.

В созданных титульными балтийскими элитами иерархических системах латгалы, жемайты и сету занимают более низкое социальное положение, чем собственно латыши-балтиешей, литовцы и эстонцы, но более высокое, чем русские и поляки. Более высокий социальный статус им обеспечивает поголовное гражданство и хорошее знание языка титульного народа. Вместе с тем латгалы, жемайты и сету не имеют возможности обучать своих детей в школах на родном языке, знакомить их с основами истории и культуры своего народа. На языках этих народов не издаются журналы и газеты, у них нет возможности создавать свои радио- и телепередачи за государственный счет. И если в отношении сету и жемайтов это можно объяснить их малой численностью, то в отношении латгалов дело в принципиальном нежелании латышей-балтиешей давать им возможность развивать свою национальную идентичность. В состав правящей элиты латгальцы могут входить только том случае, если они полностью отказываются от своей особой этнической самоидентификации.

В целом можно говорить о том, что латышско-латгальский, литовско-жемайтский и эстонско-сету конфликты носят скрытый характер. В отношении русских и поляков

рассматриваемые малые этносы занимают позицию титульных элит, хотя и не столь агрессивную.

На состояние этнических конфликтов в странах Балтии определенное влияние оказывают «материнские» государства нетитульных этносов, прежде всего Россия и Польша, в меньшей степени Израиль.

Россия нейтрально именуется русских российскими соотечественниками, но оказывает поддержку именно в воспроизводстве русской идентичности.

Русским детям предоставляются квоты на получение бесплатного высшего образования в России, их активно приглашают на различного рода семинары и курсы, организуемые российскими посольствами. На страны Балтии на русском языке вещают Первый Балтийский телевизионный канал, канал РЕН ТВ Балтия, радиостанции «Голос России» и «Русское радио». Выделяются средства на поддержку русской культуры и русского языка. Для финансирования этой деятельности в России специально был создан фонд «Русский мир». Неграждане Латвии и Эстонии получили право безвизового въезда в Россию.

До начала 2000-х Россия тесно увязывала развитие политических и экономических связей со странами Балтии с положением в них русского населения. После этого рубежа, под давлением крупного российского капитала, занятого экспортом углеводородов, эти две темы были разделены. Во всех конфликтах по поводу массового безгражданства русского населения, ущемления его прав на получение образования на родном языке и использование русского языка в официальной сфере Россия ограничивалась сначала принятием дипломатических заявлений. В последнее время начал действовать Фонд правовой поддержки российских соотечественников, проживающих за рубежом. Он оказывает помощь в защите прав соотечественников от дискриминации в национальных и международных судах.

Польша проявляет большую политическую активность в поддержке своих зарубежных общин. Это выражается в интенсивном политическом давлении на страны Балтии при защите прав поляков учить детей на родном языке и использовать польский язык в общественной сфере. Оказывается финансовая поддержка развитию польской культуры и изучению польского языка. Польша ввела «карту поляка», которая дает проживающим за рубежом соотечественникам практически те же права, что и польским гражданам.

Израиль поддерживает еврейские общины в вопросах обучения детей на иврите, дает возможность получить на нем высшее образование на этнической родине, борется за возврат собственности еврейским общинам, против возрождения неонацистских настроений в странах Балтии. В решении двух последних проблем свой вклад делают и международные еврейские организации.

Самостоятельными игроками, влияющими на развитие этнических конфликтов в странах Балтии являются США и Евросоюз.

США скрытно поддерживают национал-радикалов, которые проповедуют антирусские и даже неонацистские настроения. Управляемый через деятельность национал-радикалов этнический конфликт позволяет ухудшить взаимоотношения между Россией и Европейским союзом, в который с 2004 года входят Латвия, Литва и Эстония. В результате развития этого этнического конфликта эти два важных геополитических соперника США ослабляют свои позиции.

Евросоюз рассматривает организованные русские общины стран Балтии в качестве фактора потенциального российского влияния. Поэтому евробюрократия особо не препятствует проведению латвийскими, литовскими и эстонскими этнократами политической линии на ассимиляцию русского населения. Возникающие этнические конфликты с участием русского населения она предпочитает просто не замечать.

В целом следует отметить, что развитие этнических конфликтов в Латвии, Литве и Эстонии в постсоветский период инициировала бывшая коммунистическая номенклатура, которая с их помощью обеспечила присвоение государственной собственности, полное сохранение властных позиций и гарантированные доходы. Реализует свою власть титульная бюрократия с помощью этнократических режимов, которые включают в себя механизмы вытеснения нетитульного населения за границу, лишение его прав гражданства, языковую и культурную дискриминацию, запугивание нетитульного населения и разрушение его социальных институтов.

Открытую форму в настоящее время приобрели русско-латышский конфликт в Латвии, русско-эстонский в Эстонии, русско-литовский и польско-литовский в Литве. Латышско-латгальский, литовско-жемайтийский и эстонско-сету конфликты носят пока скрытый характер, но тоже медленно развиваются.

Россия и Польша оказывают давление на балтийские этнократические режимы, однако последние позволяют себе полностью игнорировать это давление. Причиной этого является поддержка этнократических балтийских режимов как США, которые заинтересованы в поддержании этнических конфликтов в разогретом состоянии, так и Евросоюзом, который негативно относится к проживающему в нем русскому населению.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЛАТВИИ

*к. ф. н. Михаил Юрьевич Родин,
Институт европейских исследований, Латвия*

Контекст исследования

В качестве концептуальных и методологических ориентиров для анализа этнополитических конфликтов и национальных идентичностей в Латвии в нашем исследовании мы опираемся на теорию Хантингтона о существовании культурных идентичностей, или «цивилизаций», вовлеченных, вследствие своих глубинных этнических корней и культурного наследия, в неизбежные конфликты. Данные конфликты приводят в итоге к «столкновению цивилизаций». Мы разделяем убеждение Хантингтона о том, что «идентичности означают». Наши отличия состоят в концентрации внимания к микроэтнополитическим и культурным общностям и идентичностям одного региона – Латвии. Наш интерес был вызван тем, как особенная латвийская нация и ее этнические группы, а также образующие их идентичности (безусловно входящие в западную и славяно-православную цивилизации) конституируют столкновение или толерантное сосуществование.

На неизбежный характер политизации этничности и этнических конфликтов в мультикультурных этнических обществах указывал в своих работах Горовиц, что дает методологические основания для понимания причин и динамики этнокультурных отношений в Латвии. С точки зрения теории демократии этнический конфликт представляет собой опасность для демократического режима, особенно в случае

доминирующей этнической группы, субординирующей этнические меньшинства.

В рамках существующих подходов к анализу конфликтов и идентичностей мы придерживаемся примордиалистской версии конфликтологии. Согласно данной версии исследований этнополитики тип примордиалистской этнической группы служит причиной конфликта, который иррационален, аффектативен и, в принципе, неразрешим; «питательной основой» данных конфликтов являются «священные символы» прошлого, религиозное, этническое и культурное наследие. Примордиалистские этнические конфликты и национальные идентичности чаще воплощаются в различные формы насилия или открытого противостояния.

Несмотря на всеобщую признаваемость инструменталистского влияния экономических факторов на массовое сознание и поведение, мы не считаем, что этнические и культурные конфликты можно безусловно объяснить только дефицитом социально-экономических ресурсов или экономическим кризисом макросреды. Объяснительные причины этноконфликтов априори включают в себя ряд «труднообъяснимых факторов». Поэтому примордиализм традиционно рассматривает «*clash of civilizations*» Хантингтона как неизбежный и неразрешаемый.

Поле тестирования примордиалистского подхода к анализу конфликтов и идентичностей для нас служит этническая демократия в Латвии (теоретическое обоснование которой дают Смуха С. и Ярве П., 2005). Этническая демократия в Латвии включает в себя ряд особенностей. Во-первых, существование институционального доминирования титульной нации и полное ресурсное обеспечение моноэтнической властной элиты политической гегемонией; во-вторых, отсутствие демократического представительства этнических меньшинств и неравенство в обладании гражданскими правами и свободами.

Цели работы

Целью настоящей работы является анализ взаимодействия этнических и культурных идентичностей как катализатора этнокультурного плюрализма или конфликтов в латвийском обществе. Отсюда основными вопросами будет выяснение того, каковы основные модели национальной идентичности в рамках иерархизированной этнополитической стратификации в Латвии; и при каких условиях политическая идентичность и разнообразие этнокультурной самобытности разных национальностей способствуют демократическому согласию или приводят к взаимной конфронтации.

Зависимые и независимые переменные

Этническая и культурная идентичности как факторы этнокультурных конфликтов для нас выступают в качестве независимых переменных. Демонстрация мотивационной готовности и поведенческих актов на конфликт между различными этнокультурными и этническими общностями являются зависимыми переменными.

Исследовательские гипотезы

1) Готовность к конфликту и его реализация в актах противостояния к режиму в Латвии напрямую подключена к этнополитическим и этнокультурным составляющим национальной идентичности доминирующей титульной нации и субординированных этнических меньшинств;

2) кризис либерализма демократических мультикультурных и этнических обществ способствует политической радикализации требований этнокультурными меньшинствами большего признания и осуществления своих культурных практик и идентичностей.

Методы и данные

В основу анализа национальной идентичности и этнополитических конфликтов в Латвии было положено

проведенное в августе – сентябре 2011 года сотрудниками латвийского Института европейских исследований ассоц. проф. А. Гапоненко и ассоц. проф. М. Родиным социологическое исследование. Анализ этнополитических и социальных отношений в Латвии был осуществлен накануне и после парламентских выборов 2010 года. На фоне углубляющегося экономического и институционального кризиса в Латвии дается описание и анализ радикализации этнополитического поведения и массового сознания. Анализ институтов и акторов латвийской этнодемократии приводится в контексте как внутренней, так и внешней политики.

Используемые методы исследования представляют собой сочетание количественного анализа при измерении национальной идентичности и этнических конфликтов и качественных методов описания характеристик латвийской этнодемократии. Основное намерение состояло в проведении однопанельного исследования населения, основанного на пропорциональной репрезентативной выборке, отражающей национальные социально-демографические и стратификационные параметры (техническое описание стратегии выборочного исследования дается в Приложении 1). Данные опроса общественного мнения были собраны посредством формализованных анкет-интервью у 1102 респондентов в Латвии. Анкета, выполненная на русском и латышском языках, содержит более 1000 переменных и их параметров.

Результаты исследования

Политическая идентичность в латвийском политическом процессе

Национальная идентичность может быть объяснена как набор интернализованных политических и культурных норм и типов поведения, которые трансформируются через политическую социализацию от одного поколения к другому конкретной этнической группой. Структурно национальная идентичность состоит из двух общностей: политической

идентичности и этнокультурной идентичности (Айзенштадт, 1991).

Представим вначале общие данные замеров политической идентичности жителей Латвии. Политическая идентичность, как правило, рассматривается в качестве официальной принадлежности к политическому сообществу (или государственно-территориальному образованию). Согласно выбранной методологии, политическая идентификация обнаруживает себя в процессе включения в политическое сообщество и интернализацию государствообразующих национальных символов. В процессе отождествления с национальной символикой образуются коллективная идентичность и чувство преемственности. Национальные символы, слабо подверженные коррекции временем и историческими модификациями, обладают большой этномобилизующей ролью в интеграционном процессе государственного строительства.

Каждая из областей политической идентификации имеет определенный набор переменных, которые были отобраны после предварительного обследования и отражают эмпирические значения. Причем исследовательское внимание было сосредоточено больше на персональное акцентирование и идентификацию с помощью набора формализованных отношений с политическим сообществом и политической символикой. Базируясь на предшествующих исследованиях этнополитических процессов в Латвии в рамках Института европейских исследований, в качестве «работающих» переменных идентификации с политическим сообществом для респондентов были предложены: общая привязанность к Латвии, поддержка латвийской независимости, удовлетворенность демократией в Латвии и отношение к институту гражданства. Альтернативные идентичности касались отношения к России и Европейскому союзу в родственных областях.

В свою очередь, выстраивание персональной идентичности посредством соотнесения с политически значимыми

и этнически образующими символами и ценностями дает возможность более отчетливо представить границы и содержание этнической сплоченности и интегрированности. К таким этнокультурным и политическим символическим маркерам, образующим собирательный образ этнического большинства и этнических меньшинств общества, можно отнести: символы национальной государственности – гимн и флаг; национальные праздники – День независимости (18 ноября), День восстановления независимости Латвийской Республики (4 мая), Лиго (23 июня); национальные памятники – памятник Свободе в Риге, памятник Воинам-освободителям в Риге, Латгальская Мара в Резекне; национальные кладбища – Братское кладбище, Покровское кладбище и Гарнизонное кладбище в Риге. В качестве альтернативных этнокультурных и политических символов, отображающих общественный спектр этнических культур и самоидентификаций, в исследовательский инструментарий были включены российская политическая символика, этнокультурные образующие – Кремль в Москве, День Победы (9 мая), День труда (1 мая).

Помимо индикаторов этнокультурного и политического значения исследовательская модель политической идентификации включает в себя индикаторы личностной удовлетворенности и мотивации к проживанию в Латвии: желание родиться и жить в Латвии. Аналогичные индикаторы были адресованы к территориальной мобильности по отношению к России.

Согласованность положительных образов и самоидентификация представителей титульной нации и этнических меньшинств в выбранных концептуальной моделью переменных гипотетически образует идеальную модель успешной и интегрированной политической идентичности в Латвии.

Общее представление о политической идентичности среди жителей Латвии представлено в *таблице 1*.

**Таблица 1. Политическая идентичность и этнические группы
(%)***

Переменные	Этнические группы			
	Всего	Латыши	Русские	Другие
Привязанность к Латвии	83.3	90.1	74.4	81.3
Привязанность к России	26.8	6.4	54.6	26.1
Привязанность к ЕС	34.9	41.2	23.4	21.6
Поддержка латвийской независимости	45.0	72.0	13.9	27.6
Удовлетворенность демократией в Латвии	34.7	51.0	18.6	16.4
Удовлетворенность демократией в России	31.6	19.7	47.8	31.4
Важность латвийского гражданства	62.4	60.2	64.4	65.7
Национальный гимн Латвии	83.0	97.5	67.8	68.6
Национальный флаг Латвии	85.3	92.6	74.6	70.9
Национальный гимн России	13.6	2.4	27.6	17.1
Национальный флаг России	13.0	2.8	25.4	27.0
Памятник Свободы в Риге	71.6	93.9	47.5	52.2
Памятник Воинам-освободителям в Риге	48.9	26.0	78.3	53.7
Латгальская Мара в Резекне	25.2	34.1	13.5	24.7
Кремль в Москве	21.3	11.9	34.5	38.1
День независимости (18 ноября)	58.6	86.6	31.2	34.3
День восстановления независимости Латвийской Республики (4 мая)	44.4	72.2	15.1	17.9
Лиго (23 июня)	84.4	92.4	76.6	74.7
День Победы (9 мая)	47.3	15.5	82.4	72.4
День труда (1 мая)	21.3	15.6	25.6	31.3
День легионеров (16 марта)	25.9	29.2	2.2	2.2
Братское кладбище в Риге	64.1	81.5	48.1	46.3
Покровское кладбище в Риге	14.0	7.2	20.5	23.2
Гарнизонное кладбище в Риге	9.9	6.4	12.1	17.1
Саласпилсский мемориал	39.3	34.2	45.8	41.0
Братское кладбище в Лестене	26.5	41.6	9.5	15.6
Желание родиться в Латвии	52.3	68.5	34.9	38.1
Желание жить в Латвии	17.2	56.8	33.7	35.8
Желание родиться в России	8.4	1.3	18.0	9.0
Желание жить в России	30.0	1.8	22.2	9.7

* В данной таблице содержатся только положительные ответы («очень привязан» и «скорее привязан», «полностью согласен» и «согласен»).

Данные показывают, что больше 80% жителей идентифицируют себя с Латвией, что, по сути, является серьезным аргументом в пользу политической интеграции между этническим большинством и этническими меньшинствами. Вместе с тем факторы статуса гражданства и этнической принадлежности чувствительно корректируют общую картину формальной соотнесенности с национальной идентичностью. Русские и представители других этнических меньшинств значительно уступают латышам по идентификации с формальным членством с латвийским государством. Более того, этнические русские практически в одинаковой степени идентифицируют себя как с Латвией, так и с Россией, что, впрочем, не является противоречием, а лишь фиксирует ситуацию «наложенных» идентичностей ввиду как исторического сосуществования, так и мобильности в эпоху интенсивно размывающихся национальных и государственных границ. Проблема скорее заключается в том, насколько идентичность этнического большинства, субординирующего этнические меньшинства, порождает или, наоборот, нивелирует этнические конфликты в рамках национального общего.

Факторами, принципиально отличающими этническое большинство и этнические меньшинства, является выражение поддержки латвийской независимости и удовлетворенность демократией в Латвии. Как показывают данные таблицы, лишь 13,9% латвийских русских поддерживают латвийскую независимость, считая, что «для меня независимость Латвии всегда была одной из важнейших вещей». 18,6% опрошенных русских удовлетворены демократией в Латвии. Такая же невысокая оценка уровня демократии со стороны латвийских русских присутствует и в адрес России. Чуть выше показатели поддержки независимости и удовлетворенности демократией в Латвии у остальных представителей этнических меньшинств.

Крайне невысока среди представителей этнических меньшинств и территориальная идентичность с Латвией. Доля тех, кто выразил желание родиться и жить в Латвии, находится в пределах 30%, «территориальной привязкой» которых является возрастной и семейный уровень. Среди представителей латышской национальности личностная удовлетворенность и мотивации к проживанию в Латвии не превышает 70%, а миграционная мотивация к проживанию в странах Западной Европы, США и Канады превышает подобный интерес у представителей этнических меньшинств.

Показательны данные о персональной идентификации с национальными символами, выполняющими важную роль в успешной политической интеграции и национальной гомогенизации. Фактически именно национальные символы и их персонификация социальными группами создают «nation-state», обладающее устойчивыми признаками стабильности и устойчивости. Как видно из таблицы 1, существуют разительные отличия в уровне идентичности с национальной символикой среди опрошенных. На данные расхождения в распределении идентификации помимо этничности как принципиального фактора влияет гражданский статусный фактор, возрастной и образовательный факторы.

Если доля ответивших на вопрос о личной привязанности и значимости к таким символам, как национальный гимн и флаг Латвии, памятник Свободы в Риге, среди латышей на треть превышает такие же позиции среди представителей нетитульной нации, то в отношении других идентификационнообразующих факторов картина еще более резкая.

Данные нашего исследования позволяют утверждать, что важнейшие национальные символы, такие как национальные памятники, праздники и кладбища, группируются и выступают в качестве формы этнического воспроизводства вокруг строго разделенных групп этнического большинства и

этнических меньшинств. Ориентация латвийских русских и других этноменьшинств на российские и советские национальные символы усиливает их многослойную политическую идентификацию и стратегию защиты от институциональной гегемонии этнического большинства. Принципиальные отличия в виде процентных соотношений между титульной нацией и этническими меньшинствами в области политической символической идентификации фиксируют процесс «негативной идентификации» как результат псевдоинтеграционной этнополитики. Этническое разделение, неразрешимые этноконфликты, а также приобретенный статус периферийных социальных образований этнических меньшинств – таковы итоги этнополитики и политической социализации населения Латвии.

В ходе исследования наши гипотезы о политической модели латвийского общества подтвердили существование двухобщинного разделенного общества: латыши ориентированы на восстановление и поддержку национального государства, а этнические меньшинства (прежде всего русские) больше ориентируются на достижение политического равенства и демократического представительства.

Этнокультурная идентичность в латвийском политическом процессе

Согласно нашим исследованиям 1996, 2000, 2003, 2011-х годов, институциональное доминирование латышской нации с характерными для нее ресурсами защиты и внутренней сплоченности сочеталось с практикой этнического и лингвистического «нарциссизма» и культурного реваншизма. В то же время развитие этнокультурных меньшинств в Латвии строго происходило в подчиненных ими рамках ассимиляционной политики.

Наша концептуальная модель этнокультурной идентичности в Латвии включает в себя дименсии этнической,

лингвистической, культурной идентификаций, а также культуры межэтнических взаимоотношений.

Обратимся к анализу этнической идентификации. По данным ЦСУ ЛР на 2011 г., население Латвии составляло 62,1% латышей, 26,9% русских и 11,0% представителей других национальностей. В нашем исследовании мы пользовались демографическими данными до публикации об итогах национальных переписи, поэтому общее количество латышей составляло 57,7%, русских 30% и 12,3% лиц других национальностей. Статистические данные, а также данные массовых опросов убедительно показывают на численно превосходящую группу этнических латышей, общее количество которых увеличилось на 4% к 2011 году и составляет более 2/3 населения страны. Этническая идентификация, согласно нашему исследованию, принципиально не отличается от статистических данных об этнической принадлежности. Более дробные индикаторы об этнической идентификации позволяют уточнить общую картину.

На вопрос: «*Представители какой этнической группы есть в Вашей семье?*», 94,1% латышей указали на лиц латышской национальности и 12,2% – на представителей других этнических групп. Аналогичная ситуация наблюдается среди лиц нетитульной нации, у русских среди членов их семьи и друзей 78,5% составляют этнические русские и 2,7% – латыши. Представители иных этнических образований также составляют большинство среди членов их семьи и друзей.

Достаточно сплоченная этническая идентификация в Латвии родственна строгой дифференциации статуса этнических меньшинств. На вопрос: «*Как Вы считаете, Вы принадлежите к этническому меньшинству?*», 6,8% латышей готовы принять статус этнического меньшинства, 33,7% русских и 55,5% – лица других групп (*таблица 2*).

Таблица 2. Этнокультурная идентичность и этнические группы (%)*

Переменные	Этнические группы			
	Всего	Латыши	Русские	Другие
Говорю на латышском в семье	51.3	92.7	7.3	13.4
Говорю на русском в семье	46.6	5.6	91.2	80.6
Говорю на латгальском в семье	0.6	0.4	0.2	3.0
Угроза исчезновения латышской нации	16.7	15.6	19.0	14.2
Угроза исчезновения латышского языка	18.2	16.3	21.7	15.7
Угроза исчезновения латгальского народа	36.6	28.3	35.3	44.8
Угроза исчезновения латгальского языка	33.5	35.8	51.2	52.7
Языковая дискриминация	48.7	27.6	74.9	56.8
Доминирование этнической принадлежности	61.4	58.0	66.6	59.0
Этнический реванш	44.7	24.9	67.3	57.5
Культура этноменьшинств растворится в латышской	16.2	26.0	4.9	10.4
Выучить латышский язык	86.6	96.6	75.6	78.4
Отправлять детей в латышские сады и школы	46.1	63.1	28.8	27.6
Ввести преподавание в школах на латышском языке	35.9	64.7	5.4	11.9
Поддержать латышские культурные организации	38.9	58.8	16.6	24.6
Принять латышские ценности и культуру	55.4	72.8	33.6	50.0
Лачплесис	49.0	75.4	20.2	26.1
Карлис Улманис	26.0	43.0	7.1	13.4
В. Ленин	4.5	2.0	7.6	5.2
И. Сталин	2.8	1.1	5.3	2.0
В. Путин	17.2	2.7	33.7	27.6
Д. Медведев	18.8	2.1	26.3	24.0
Я. Райнис	52.0	76.4	23.4	38.1
Ф. Трасун	5.4	6.7	3.4	6.7
А. Пушкин	43.6	13.5	79.8	58.2
Т. Шевченко	8.3	3.4	11.4	18.7
А. Мицкевич	4.2	2.5	3.7	12.6
Я. Колас	3.9	2.7	3.1	11.2
Ш. Алейхем	3.9	2.0	4.6	9.7

* В данной таблице содержатся только положительные ответы («очень привязан» и «скорее привязан», «полностью согласен» и «согласен»).

Неразрывно с этнической идентификацией выступает языковая идентификация, служащая одной из важнейших предпосылок строительства нации. А владение и использование языка титульной нации этническими меньшинствами является не только выражением лояльности к нации, но и служит одним из ключевых факторов в интегративных процессах. Зона пользования национальными языками была тестирована путем обращения к лингвистической ситуации в семье. На вопрос: «*На каком языке Вы говорите в семье?*», 92,7% латышей используют в семье свой родной язык, 7,3% русских используют латышский и 13,4% лиц этнических групп также используют латышский язык в своей семье. Наоборот, 5,6% латышей говорят в своей семье на русском языке, 91,2% русских и 80,6% лиц других групп используют в семье русский язык. Использование в целом латгальского языка в семье незначительно – не более 0,6%, среди представителей латгальской нации объем использования данного языка не превышает 3%. Отметим, что этнические меньшинства в отличие от русских демонстрируют большую степень ассимиляции в латвийское общество через латышский язык, чем у других групп. Согласно нашим данным, представители всех этнических групп меньшинств высоко оценивают значимость латышского языка в обществе и выражают активную мотивацию в изучении и использовании языка титульной нации. Различия касаются значительного сокращения зоны употребления русского языка среди латышей (несмотря на их высокий уровень владения русским языком); также немного выше квота использования европейских языков среди этнических групп меньшинств, особенно среди молодого поколения.

Лингвистическое разнообразие в мультикультурных и этнических обществах неизбежно приводит к определенным барьерам в социальных коммуникациях и дискриминационной политике. Языковая дискриминация как социальная проблема

вызывает беспокойство у 27,6% латышей, 74,9% русских и 56,8% у остальных этнических групп. Вместе с тем на угрозу исчезновения латышской нации и латышского языка как катализатор этнических конфликтов указали не больше 20% среди всех опрошенных, невзирая на национальную принадлежность. В целом институциональная гегемония латышского языка и лингвистическая ассимиляция вызывают чувство обеспокоенности среди представителей этнических меньшинств и служат причиной этноконфликтов и миграции.

Культурная идентификация, как и этническая идентичность, в Латвии обладает отчетливо консервативным характером. Мультикультурные идентичности обладают значительным уровнем гомогенизации, внутренней сплоченности и собственной защиты для дистанцирования от других социальных групп. Согласно нашему исследованию, этнические группы в Латвии обладают высокой степенью культурной самоидентификации, в то время как межкультурные коммуникации носят дефицитный характер культурного плюрализма и общественного диалога. Причем доминирующая этнокультурная общность титульной нации обладает всеми институциональными и идеологическими ресурсами для этнокультурной гегемонии и ассимиляции. По мнению преобладающего количества респондентов-латышей, этнические меньшинства должны отправлять детей в латышские сады и школы, поддерживать латышские культурные организации, принять латышские традиции и другие культурные ценности, а преподавание в школах должно вестись на латышском языке. В связи с этим показательно отношение респондентов к перспективе будущего развития культуры этнических меньшинств. 26,0% латышей, 4,9% русских и 10,4% представителей остальных меньшинств считают, что культура русских и других национальных меньшинств в Латвии в будущем растворится в латышской культуре.

Обращение к анализу ориентаций и разделения этническими группами социально значимых и культурно-образующих символов также позволяет дать более подробную картину разделенной этнокультурной идентификации в Латвии. На вопросы: «*Кто является Вашим национальным героем?*», среди предложенных респондентам альтернативных персоналий (Лачплесис, Карлис Улманис, В. Ленин, В. Путин, Д. Медведев), и «*Кто является Вашим национальным писателем?*» (Я. Райнис, Ф. Трасун, А. Пушкин, Т. Шевченко, А. Мицкевич, Я. Колас, Ш. Алейхем), были получены ответы, демонстрирующие принципиальные различия у существующих этнокультурных сообществ.

Культурное и ценностное обособление, резкая демаркация этнокультурных идентичностей в Латвии служат препятствием для согласительной и толерантной этнополитики. На основании нашего исследования можно прийти к заключению о том, что в Латвии существует сильное культурное разделение между этническим большинством и меньшинствами с взаимно отталкивающей ориентацией к мультикультурной интеграции.

Этнические конфликты: причины и степень протекания

Важным атрибутом анализа межэтнических конфликтных отношений является выявление источников или причин данных конфликтов. Однако отслеживание причин этнических конфликтов методами социологии наталкивается на ряд сложностей, ввиду как их видового многообразия, так и отсутствия четких границ между рядом ближайших, видимых на поверхности причин и более глубоких, уходящих своими корнями в сферы менталитета и культурных атрибутов. Каждый такой конфликт (или ряд конфликтов) уникален, и для него характерен только ему присущий набор компонентов, их специфическое сочетание. Отсюда любые попытки

представить объяснительную схему этнического конфликта на основе ряда гипотетических причинных утверждений или, наоборот, выверенных обнаружений изначально будут неточны и неполны.

Так, расхожими причинами этнических конфликтов в Латвии среди экспертов и представителей массового сознания указываются этническое происхождение и язык титульной нации, отношение к историческому прошлому и его интерпретация, страх перед современной Россией. С целью выяснения возможности, причин и степени протекания этнических конфликтов в Латвии было выдвинуто несколько вопросов респондентам, предусматривающих формализацию ответов. На вопрос: «*В какой мере Вас беспокоят следующие проблемы в Латвии?*» (касающиеся вопросов этнических конфликтов), положительно ответили 27,8% латышей, 36,6% русских и 41,0% представителей иных групп. В таблице 3 приведены данные о возможной конфронтации между этническим большинством и этническими меньшинствами.

Таблица 3. Этнополитические конфликты в Латвии (%)

Вопрос: Сегодня в Латвии проживают различные этнические группы. Каково Ваше мнение о возможной конфронтации между этими группами? Пожалуйста, определите по шкале от 1 до 5, в какой мере эта конфронтация возможна*.

3.2	11.7	26.1	28.0	29.8
-----	------	------	------	------

* Представлены только положительные ответы: «*Конфронтация возможна*», «*Конфронтация маловероятна*».

Если вопрос об этнических конфликтах в целом беспокоит лишь четверть из опрошенных, то мнение о возможной конфронтации между этими группами выразили около 15% респондентов. Как видится, большинство опрошенных не считают возможной этническую конфронтацию.

Как показывают данные таблицы 3, в случае возможной конфронтации лишь малая часть респондентов – 7,7%, среди которых преобладают представители нетитульной нации, указали на открытое физическое столкновение как форму протекания данной конфронтации. В основном, по мнению респондентов, в случае возможной конфронтации произойдет лишь острый устный обмен мнениями (43,3%).

Анализу причин этнических конфликтов в Латвии посвящена *таблица 4*.

Таблица 4. Причины этнической конфронтации (%)

Вопрос: По Вашему мнению, каковы причины данной конфронтации, в какой мере? Пожалуйста, пользуйтесь шкалой от 1 до 5, где «1» означает – в большой мере, а «5» означает – в малой мере (один ответ в каждом ряду)*.

Переменные	В большой мере – В малой мере				
Экономическое неравенство групп	20.6	21.7	24.8	16.3	16.6
Политическое неравенство групп	27.5	24.3	24.9	11.6	11.7
Экономический кризис	21.9	24.0	23.1	14.0	17.1
Угроза ассимиляции	12.7	22.2	29.0	19.9	16.2
Борьба за власть между элитами этнических групп	25.6	24.1	21.5	14.8	14.0
Отсутствие гражданства	23.6	19.0	24.3	18.6	14.5
Влияние России	16.3	17.4	27.4	16.6	22.2

* Представлены только положительные ответы: «В большой мере», «В малой мере».

К числу причин этнических конфликтов в Латвии, создающих наиболее широкую среду для проявления активного межэтнического взаимодействия, можно отнести: экономическое и политическое неравенство этнических групп, экономический кризис, угроза ассимиляции, борьба за власть между элитами этнических групп, отсутствие гражданства, влияние России. Как показывают данные, гипотетический набор причин этнических конфликтов достаточно выражает

позиции у половины орошенных респондентов. Причем на отсутствие гражданства и влияние России как причины этнических конфликтов указало вдвое больше русских и других представителей этнических меньшинств, что было вполне ожидаемым.

Дискуссии и выводы

Этническая стратификация и неравенство в Латвии

Особенностью этнической политики в полиэтнической Латвии с момента провозглашения независимости является постоянный поиск эффективных способов и средств инкорпорации этнических групп титульной нацией. Формально провозглашаемое равенство и идеология общественной интеграции (наибольший интерес к которым спорадически обнаруживается в моменты общенациональных и региональных выборов) латышской властной элитой окончательно дискредитированы ассимиляционными процессами к 2013 году. Провал интеграционной политики и доминирование процессов ассимиляции, а также нарастания этнической иерархии в Латвии в целом разделяется как властными кругами, так и достаточно неоднородным экспертным сообществом и массовым сознанием.

Этнополитическое неравенство и субординация в распределении прав и привилегий, власти и ресурсной базы воплотились в внешней этнической стратификации. Отметим, что границы и внутренняя структура этностратификации в Латвии до сих пор окончательно не оформлены и значительно уступают пройденному ею пути демократического транзита к концу 90-х. Этносоциальная стратификация, основанная на этнической иерархии и неравенстве разных этнических и социальных групп, включает в себя разнообразные способы их воспроизведения (чаще всего консервации) и

легитимации. Этническая стратификация задается всем многообразием этнокультурных сфер национального развития и преемственности, прежде всего выражаемых в национальной культуре, языке, традициях. Очевидно, что осознание и оценка сложившихся неравноправных форм этнополитических отношений, представленности во властных структурах, сферах занятости и достатка, уровня образования, культуры и т. д. являются основными причинами этноконфликтов в Латвии.

В свою очередь, оценочный аспект этнической стратификации, а также демонстрация различных форм отношения к ней со стороны этносоциальных групп является объектом современных исследований этносоциологии и других родственных ей гуманитарных дисциплин. Вместе с тем, несмотря на внушительный объем проведенных исследований и накопленных знаний в области этнополитики как в Латвии, так и в Балтийском регионе местными исследователями (И. Апине, Н. Муйжниекс, В. Волков, Б. Зепа, А. Гапоненко и др.) и зарубежными экспертами, собственно тематика этнической стратификации представлена явно недостаточно. Отсюда картина объяснения этнических конфликтов и их типов в Латвии зачастую выливается в социолингвистические и общекультурные замеры сознания и поведения взаимодействующих этнических групп.

Этнодемократический режим в Латвии имеет два одинаково важных и относительно независимых измерения: социальное (или вертикальное) и культурно-политическое (или горизонтальное). Первое измерение отражает иерархическую структуру общества. На его основе выделяются социальные слои, различающиеся как уровнем социального статуса, масштабом и структурой используемых ресурсов, механизмами воздействия на политический процесс, так и близкими социально-политическими и

культурными характеристиками. В основе же групп, образуемых с помощью второго измерения, лежит общность убеждений, культуры и интересов. Эта общность выражается в действиях, сознательно направляемых или опосредованно способствующих разным сценариям общественного развития. Объединение таких общностей «по горизонтали» дает социальные слои, а «по вертикали» – основные общественно-политические силы, различающиеся наличием ресурсного потенциала, социальной встроенностью и сплоченностью. «Пересечение» названных аналитических дименсий позволяет выделить социальные группы, играющие значительную роль в процессе преобразования общества, то есть выступающие в качестве иерархических акторов политического процесса (в частности, титульной нации или доминирующего этнического большинства или моноэтнической политической элиты). Такой подход к идентификации реальных акторов современного общественного процесса представляется продуктивным, поскольку позволяет оценить и прочность социальной базы основных общественных сил, и возможности их консолидации друг с другом, характер и масштабы ресурсов, которыми они располагают для достижения своих целей. Тем самым исследователи современного этнополитического процесса получают надежный методологический аппарат, с помощью которого можно более обоснованно судить о возможных и наиболее вероятных сценариях общественного развития.

Отметим, что понимание вертикального и горизонтального измерений этнической стратификации как исследовательских инструментов значительно отличается среди политологов, вследствие чего описание и анализ этнополитических конфликтов и их классификации так же сильно разнятся. Так, представители школы плюралистических

этнокультурных обществ традиционно описывают влияние «институционального плюрализма» на процессы этнической политики, результирующего в этническую сплоченность и демократический плюрализм. Напротив, в этнически разделенных сообществах Горовиц предлагает различать вертикально разделенные общества от горизонтально стратифицированных (*Horowitz, 1985*).

Базируясь на исторических примерах этнической сегментации и исключенности, Юнг предлагает введение в научный оборот модели «единственно доминантной группы и меньшинств» или «ведущую культуру с центральными институтами с различными этническими группами на периферии» (*Young, 1976*). Родственной является концепция этнической стратификации у Ротшильда, рассматривающего существование в этнически разделенных обществах доминирующего большинства и подчиненного меньшинства или этнических периферийных сегментов; причем с целью стабилизации мультикультурного и этнически сегментированного общества допускается достижение биполярного баланса этнических, отверженных меньшинств (*Rothschild, 1981*). Классифицируя различные этнократические режимы, Ротшильд выделяет модели вертикальной иерархии, параллельной сегментации и сетевидной смешанной модели. Если в вертикальной иерархии пирамидальной конструкции наличествует жесткая этническая субординация и мобилизация, а при параллельной сегментации различные этнические группы также достаточно ассиметричны и разбросаны по своим ресурсным составляющим, то при сетевидной смешанной модели все этажи социальной структуры включают в себя представителей всех значимых этнических групп.

Предполагается, что при достижении сетевидной смешанной модели полинационального общества создаются

предпосылки для постепенного и мирного разрешения этнических конфликтов (*Rothschild, J., 1982*).

Поиск причин этнических конфликтов, факторов их влияния и сопутствия, а также представленные типы этнической стратификации с успехом базируются среди балтийских экспертов на ставших классическими моделях объяснения Дж. Ротшильда и Д. Горовица. Вместе с тем границы применения и интерпретативная адаптация достаточно проблематичны и не всегда вписываются в рамки конкретного случая. Можно вполне согласиться с выводом группы латвийских исследователей во главе с Б. Зепой о том, что было бы ошибочным считать этническую ситуацию в Латвии стабильной и неизменной, сделанным ими в результате исследования «Этнополитическая напряженность в Латвии: поиски путей разрешения конфликта» (Б. Зепа, 2005). Возражение может вызывать приписывание структуре этнической стратификации жителей Латвии сетевидной смешанной модели, благодаря чему общие выводы об этнополитической ситуации в Латвии смещаются от конфликтогенности и вертикальной этностратификации к невятной ассиметрической форме латвийского общества с предпосылками для постепенного и спокойного разрешения этнических конфликтов. Эмпирической базой для данных выводов служат общие демографические данные, исследование рабочей силы по материалам ЦСУ, данные массовых опросов. Как утверждают авторы, в Латвии есть определенные сферы, в которых больше заняты латыши (государственное управление, образование, сельское хозяйство), и есть сферы, где выше доля нелатышей (транспорт, промышленность, строительство), но существенных различий в доходах латышей, русских и представителей других национальностей не наблюдается. К ослабляющим факторам риска этнического конфликта, как полагает Зепа и ее коллеги, следует отнести

то, что в Латвии этнические группы не сконцентрированы однородно в конкретных регионах и хозяйственных отраслях, а представлены во многих и разных сферах деятельности, выполняют разные экономические функции и рассеяны по разным регионам, образуя сетевидную смешанную модель.

Итоговый вывод исследовательской группы Б. Зепы состоит в том, что в случае с Латвией ситуация, когда каждая этническая группа представлена в разных видах деятельности и нет существенных отличий в доходах по этнической принадлежности, оценивается как фактор, который снижает возможность эскалации этнического конфликта. Приведенная оценка состояния латвийской этнополитической ситуации в терминах лишь возможности существования этнического конфликта и сглаживающей противоречия этностратификацией достаточно распространена как в современных публикациях, так и в средствах массовой коммуникации. Да и само включение признания и терминологии этнического конфликта в научный оборот и политическую риторику в качестве оценочного знания в большинстве случаев вызывает крайне враждебную реакцию, упреки в ненаучности и отсутствии лояльности к режиму. Думается, что приводимая выше оценка (как и сетевидная смешанная модель этностратификации Ротшильда) скорее правомерна по отношению к средним и низшим этапам социальной пирамиды латвийского общества. По умолчанию отсутствует наиболее важное с точки зрения источников и рисков этнических конфликтов – анализ властной и, в частности, моноэтнической политической элиты, концентрирующей в своих руках властные и экономические ресурсы (*Стэн А., 1997, 2003; Родинс М., 2012*). Латышская политическая элита, демографически, социально и интеллектуально не репрезентируя латвийское общество, составляет всего лишь менее процента от всего населения, обладая всеми ресурсными возможностями

этнической политики и мобилизации и выстраивая господствующую политику этнического ренессанса и этнополитического реванша. Абсолютная этническая гегемония (более 90%) характеризует бюрократический класс и органы национального и регионального управления, на содержание которого отводится несопоставимо с другими социально-профессиональными группами значительная часть национального бюджета. Отсутствие политической представленности этнических меньшинств в органах власти и управления служат не только препятствием для выражения и защиты ими своих интересов, но также и является причиной для дефицита репрезентативной демократии в Латвии.

Существование вертикальной этнической стратификации в Латвии, а также наличие закрытой и сплоченной элитной и корпоративной композиции латвийского общества позволяет прийти к выводу об искусственности и функциональности для властных кругов этнополитических конфликтов как инструментов сплочения и воспроизводства латвийской этнодемократии.

Национальная идентичность как конфликтообразующий ресурс в Латвии

При первом же приближении к феномену этнокультурной идентичности в Латвии возникает недоумение по поводу необходимости каких-либо новых эмпирических данных, обнаружениях и оценках происходящего. Вместе с тем потребность в постоянном мониторинге латвийских этнополитических отношений и динамики нарастающих этноконфликтов в условиях интенсивной европейской территориальной мобильности и кризиса европейского мультикультурализма явно актуальна.

«Спящие» этноконфликты и «замороженные» этнические отношения, с присущей им оппозиционной устной историчес-

кой памятью в Советской Латвии, трансформировались в открытое противостояние в постсоветский период. В нынешней Латвии устойчиво сформировались этнокультурные идентичности доминирующей титульной нации и этнических меньшинств. Интенсивный и болезненный период поиска и обретения новых режимных идентичностей к середине 90-х закончен, а политической формулой латвийской государственности стало – «этнокультурные и этнические множества в одном целом». Однако данные мультикультурные и этнические сообщества, а также практика их взаимоотношений не обернулась либерализацией этнических отношений. Ни один из сложившихся демократических институтов Латвийской Республики так и не смог привести к сколь-нибудь заметному нивелированию социально значимых культурных различий и этнических границ, как и подключению богатейшего опыта взаимоотношений предшествующих поколений.

Этнокультурная преемственность русских и других латвийских этнических меньшинств, предшествовавшая периоду Атмоды, однозначно трактуется как нежелательная, просоветская и вызывающая разнообразные формы остракизма. Образ «матрешки, воблы и водки» старательно «прикреплен» к этнокультурной составляющей этнических русских, наиболее количественно представленной в латвийском обществе. Невзирая на провозглашаемые демократические принципы и публичную риторику этнокультурной толерантности и интеграции властной элиты, этнические меньшинства были эффективно «выведены» из ролевых позиций принятия политических решений.

Отслеживая содержательные и нормативные изменения в латвийской этнополитике, можно утверждать об их введении и реализации как результата ожиданий и воздействий (а иногда и санкций) внешних структур и политических акторов, в частности Европейского союза и России. Противодействие

рекомендациям ОБСЕ и другим международным правозащитным организациям по поводу защиты и расширения индивидуальных прав и свобод этнических меньшинств систематически наталкивалось на патетику их непригодности ввиду существования «национальной специфики».

Как считает канадский политолог У. Кимлик, суть проблемы этнических дискриминируемых групп состоит в требовании уже большего, чем индивидуальные права и свободы. Этнокультурные меньшинства в современных сообществах хотят не только общегражданских прав, но также особых прав, которые позволили бы признать их особые этнокультурные практики и идентичности (*Кутлика, 2004*). Игнорирование прав этнических меньшинств, дискриминационная политика в адрес их притязаний, а также представление об идентичности меньшинств как зоны культурной аномалии становится острой проблемой и катализатором пересмотра и либерализации демократических норм и ценностей.

В случае с балтийскими странами, существование балтийских русских и представителей других этнических групп, их особые и сложившиеся этнокультурные идентичности являются достаточной причиной необходимости признания их особых прав, а также закономерным условием демократического развития данных политических режимов.

Главным выводом нашего исследования является то, что этническое большинство и субординируемые этнические меньшинства в Латвии идентифицируют себя с идентичностями «разных миров», что потенциально или явно результируется в этнополитических и культурных конфликтах. На основе факторного анализа были выявлены существование устойчивых и высоких корреляций между переменными этнической принадлежности, языка и национальных символов культуры. Высокая этнокультурная

самоидентификация национальных и этнических общностей в Латвии характеризуются также устойчивыми этническими связями и групповой сплоченностью.

Данные исследования свидетельствуют в целом о снижении этнической предвзятости и предрассудков, враждебных настроений по отношению к этническим меньшинствам; представление респондентов об исчезновении латышской нации, культуры и языка, а также национальной мести как расхожих стереотипах не является статистически значимым и противоречит утверждениям властной элиты. Несмотря на наличие положительных условий для национальной консолидации, латвийское государство не заинтересовано и не обладает действенными инструментами для решения этнокультурных конфликтов и развития их политической и этнокультурной идентификации.

Заключение

Общее заключение, к которому привели концептуальные подходы и эмпирические данные нашего исследования, как и обнаружения и взгляды в процессе гражданской включенности в общественно-политическую жизнь, позволяют судить о существовании двух принципиально разделенных политических и этнокультурных общностях при институциональном доминировании титульной нации. Интегративный ресурс в обществе полностью исчерпан, а сама риторика общественной интеграции (навязанная извне как одно из условий евроинтеграции) вызывает лишь раздражение и смутные ассоциации. Представления о политической общности (иначе, отношение к государству), достаточно оптимистично разделяемые большинством населения Латвии к концу 90-х, полностью девальвированы к 2013 г. Атрибуты латвийского государства и его узнаваемые маркеры, так же как

и идеология независимости, стремительно нивелируются в общем котле рыночных отношений, европейской интеграции и неконтролируемой миграции.

В контексте примордиалистского подхода национальной идентичности и этнических конфликтов титульная идентичность консервативна и капсулирована, запас прочности которой значительно подпитывается историческими, культурными и лингвистическими символами прошлого. Доминирующая латышская национальная идентичность, встроенная в вертикальную иерархизированную этническую стратификацию, выступает главным модератором в этнических отношениях. Мобилизуемая этничность на топ-позициях этнической стратификации приводит к концентрации элитарных и гегемонистских инструментов по созданию границ и устойчивости собственной национальной идентичности и эффективной защите от давления извне. «Правильная» этничность как определяющий фактор обладает наибольшим ресурсом конкурентности в сравнении с иными личностными, профессиональными и деловыми качествами. Помноженная на статусные позиции и роли, этничность выступает важнейшим строительным материалом для этнонационализма.

Этнический национализм в Латвии является функциональным инструментом властной элиты в целях консервации этнополитической стратификации и неравенства, а также необходимым периферийным средством поддержания европейского экономического иерархического неравенства в условиях экономического кризиса.

Общая этническая ситуация в Латвии конфликтогенна, однако этнический конфликт не находится в фазе открытой манифестации и не ориентирован на насильственные формы противостояния. Ориентация на сопротивление режиму и другие формы оппозиционной борьбы с целью защиты

собственных интересов этническими меньшинствами соотносится с конституционными нормами индивидуального и коллективного самовыражения. Политический протест как выражение демократической ценности и гражданской ответственности не обладает ресурсом легитимности со стороны правящей элиты и, в основном, реализуется лишь представителями этнических меньшинств. Вместе с тем можно охотно допустить провокационную локальную режиссуру массовых этнических противостояний с целью маскировки социального неустройства и продолжающегося экономического кризиса.

Вопреки расхожим мифологемам о структурной рыхлости латвийских этнических меньшинств, неспособности к артикулированию своих интересов, отсутствии политических лидеров, способных взять на себя ответственность, и культивировании властной элитой исключительно культурологической миссии нетитульной части населения, этнические меньшинства стали действенным политическим актором, активно борющимся за политическую государственную власть. Политические притязания этнических меньшинств в Латвии на власть и передел власти с целью построения консенсуальной представительской демократии, носят конституционный и легитимный характер, что, в свою очередь, вызывает этническую мобилизацию титульной нации и всплеск радикального этнического национализма.

Практика экономической и политической изоляции этнических меньшинств в Латвии тесно увязана с их культурным отчуждением и статусной культурной иерархией. Разделение русскими и другими этническими меньшинствами этнической принадлежности, языка, культуры, религии этнической родины, вызывает со стороны латвийских государственных структур упреки в нелояльности и приводит к ограничению их политических прав и подавлению культуры этноменьшинств.

Данное обстоятельство служит препятствием для демократического развития этнокультурного многообразия в Латвии через культурно-инклюзивную политику.

Латышская властная элита, обладающая всеми ресурсами институциональной и идеологической гегемонии, является главным конструктором и проводником этнополитики. Содержанием латвийской этнополитики фактически является политический и социально-экономический реванш титульной нации и защита латышского языка. Национальная этнополитика является, вероятно, наиболее последовательной и неизменной среди выдвигаемых стратегий внешней и внутренней политики Латвии.

Итогом латвийской этнополитики служит применимость для латвийского политического режима известной идеи С. Хантингтона о культурном столкновении цивилизаций с вакуумом этнической толерантности и манифестацией культурного противостояния. Прежние ориентации на развитие национальных мультикультур и форм межнационального общения (чаще – в виде намерений, реже – в актах социальной политики) в результате длительного этнополитического противостояния и неравенства воплотились в существование жесткой демаркационной линии между доминирующим этническим большинством и субординированными этническим меньшинствами. Политическая формула «мы и они», прежде являвшейся журналистской метафорой, стала новой латвийской политической реальностью.

Список литературы.

Apine I., 'Integration or assimilation?' In: Daugava, No 4., 1994, pp. 145-146.

The Fate of Ethnic Democracy in Post-Communist Europe / Smooha S. and Järve P. (Eds). Budapest, Local Government and Public Service Reform Initiative. 2005

Gaponenko A., Rodins M. *System crisis of Latvian society - the reasons, scenarios of development, possibility of overcoming.* *Baltic Rim Economies*, Issue N 2, 29 April 2009.

How Integrated Is Latvian Society? An Audit of Achievements, Failures and Challenges / Editor Nils Muižnieks; University of Latvia Advanced Social and Political Research Institute. - Riga: University of Latvia Press, 2010.

Horowitz D. *Ethnic groups in conflict.* - Berkley: Univ. of California press, 1985.

Rothschild J. *Ethnopolitics: A conceptual framework.* - N.Y.: Columbia Univ. press, 1981.

Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations?*, *Foreign Affairs*, Vol. 72, № 3, Summer 1993, pp. 22-49.

Ilga Apine, Vladislavs Volkovs. *Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums*. Latvijas Universitātes Filozofijas un socioloģijas institūts, 2007.

Kymlicka W. *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights.* Oxford: Clarendon Press. 1995.

Kymlicka W. "Introduction" and "Reply and Conclusion" // *Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe / edited by W. Kymlicka and M. Opalski.* Oxford: Oxford University Press. 2001.

Kymlicka W. *Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe // Can Liberal Pluralism be Exported? Western Political Theory and Ethnic Relations in Eastern Europe / Kymlicka, W., Opalski, M. (Eds).* Oxford: Oxford University Press. 2002.

Rodins, Mihails (2012). *Stratifikatsioon ja Venemaa võimueliit.* - *Poliitika. Riigiteadus. Rahvusvahelised Suhted*, Nr. 4 (13), lk. 87 - 111.

Rodins, Mihails (2011). *Identity and political participation.* In: *Janis Ikstens, Andris Runcis (eds.). Founding elections in Latvia, 1993-1995. Analysis, documents and data.* Berlin: Sigma, pp. 102-122

Smooha S. Arabs and Jews in Israel. Vol. 1: Conflicting and Shared Attitudes in a Divided Society. Boulder and London: Westview Press. 1989.

Smooha S. Minority Status in an Ethnic Democracy: the Status of Arab Minority in Israel // Ethnic and Racial Studies, vol.13, No.3, 1990, P.389-413.

Smooha S. The Model of Ethnic Democracy: Israel as a Jewish and Democratic State // Nations and Nationalism. 2002. 8, 4 (October): P. 475-503.

Steen, Anton (2012). 'Elite and Mass Confidence in New Democracies - Towards Congruence? The Baltic States 1992-2007'. In Special issue: Elite Foundations of Social Theory and Politics.. Historical Social Research. ISSN 0172-6404. 37(1), 127- 147.

Steen, Anton (2003). The elite basis of Yeltsin's and Putin's regimes, In Anton Steen & Vladimir Gel'man (ed.), Elites and Democratic Development in Russia. Routledge. Steen, A. (1997)

Between Past and Future: Elites, Democracy and the State in Post-Communist Countries: a Comparison of Estonia, Latvia and Lithuania. Aldershot: Ashgate.

Список различий в правах граждан и неграждан Латвии. Латвийский комитет по правам человека /Под редакцией Владимира Бузаева, Рига 2010 год.

Этнополитическая напряженность в Латвии: поиски путей разрешения конфликта/под ред. Бригиты Зена. Балтийский институт Социальных наук.Рига. 2005.

**Техническая информация о модели выборки исследования
2011*.**

Регионы	Демографическая статистика (%) (с18 лет)	Общее количество респондентов перед опросом (%)	Общее количество респондентов опроса (%)
Вместе	100	100	100
Рига	34.0	34.6	34.8
Видземе Юрмала Рижский р-н Лимбажи Валмиера Цесис Гулбене Алуксне Валка Мадона Огре	22.0	22.3	25.2
Курземе Лиепая Талси Вентспилс Кулдига Салдус Земгале Добеле Тукумс Елгава Бауска Екабпилс Айзкраукле	11.0 17.0	10.8 16.8	16.5 12.5
Латгале Прейли Даугавпилс Резекне Лудза Балви Краслава	16.0	15.5	10.8

Стратификационные параметры	Демографическая статистика (%) (с 18 лет)	Общее к-во респондентов перед опросом (%)	Общее к-во респондентов опроса(%)
Пол			
Вместе	100	100	100
Мужчины	46.3	46.3	42.1
Женщины	53.7	53.7	57.9
Национальность			
Вместе	100	100	100
Латыши	57.7	57.7	50.6
Русские	30.0	30.0	37.2
Другие	12.3	12.3	12.2
Возраст респондентов			
Вместе	100	100	100
18–24	16.4	17.4	15.6
25–34	18.8	18.0	25.6
35–44	21.5	21.2	19.9
45–54	18.1	18.6	18.1
Больше 55	24.2	24.7	20.8
Статус			
Вместе	100	100	100
Работающий	63.5	63.6	69.4
Безработный	36.5	36.4	30.6
Образование			
Вместе	100	100	100
Начальное	11.6	11.5	2.0
Среднее	69.5	69.6	51.0
Высшее	18.9	18.9	46.2
Гражданство			
Вместе	100	100	100
Граждане Латвии	74.2	73.8	82.2
Неграждане	25.8	26.2	17.8

**В таблице приведены только положительные данные.*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ПРИБАЛТИКИ КАК ЖЕРТВА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ

*к. г.-м. н. Владимир Викторович Бузаев,
сопредседатель Латвийского комитета по правам человека*

Уже на протяжении более чем 20 лет ведутся ожесточенные споры о том, является ли массовое безгражданство в Латвии и Эстонии и ограничение использования языков нацменьшинств во всех трех республиках Прибалтики грубым нарушением прав человека или издержками «восстановленных демократий». С нашей точки зрения, спорить тут не о чем, ибо практикуемая этими странами политика «интеграции» оказалась в буквальном смысле убийственной для объектов ее применения. Предметом дискуссии может стать разве что оценка сравнительной эффективности двух этих методов воздействия на «нежелательные элементы».

Демографический коллапс

Наложение общей демографической депрессии Европы на катастрофические последствия распада СССР привело к тому, что среди лидеров убывания относительной численности населения за последние 20 лет оказались исключительно бывшие республики европейской части СССР и страны из сферы его влияния (*табл. 1*).

Лидеры демографического спада в Европе *

Страна	Население (тыс. чел.)			
	1990	2011	разница	разн. %
Латвия	2663	2075	588	22,1
Литва	3704	3028	676	18,3
Румыния	23 207	19 042	4165	17,9
Эстония	1571	1294	277	17,6
Болгария	8877	7348	1529	17,2
Украина	51 838	45 778	6060	11,7
Албания	3182	2832	350	11,0
Босния	4308	3840	468	10,9
Грузия	5439	5000	439	8,1
Сербия	7806	7181	625	8,0
Беларусь	10 190	9465	725	7,1
Молдова	4364	4185	179	4,1
Армения	3084	2962	122	4,0
Венгрия	10 374	9985	389	3,7
Россия	147969	142961	5008	3,4

* Данные по каждой стране взяты из соответствующей статьи в Википедии. Для Албании и Армении – данные 1989 года. По Грузии и Молдове произведен перерасчет на границы 1990 года. Для сравнения – СССР во Второй мировой войне потерял 14% населения.

Сравнение данных переписи населения 1989 и 2011 годов показывает, что часть убыли населения страны за счет сокращения численности нацменьшинств составляет для Литвы – 42%, Эстонии – 71%, Латвии – 83%. При этом доля нацменьшинств в населении этих стран в 1989 году составляла соответственно 20%, 38% и 48%, в 2011-м – 16%, 32% и 38%.

Основной причиной убыли населения является эмиграция: по Латвии в период до 2000 года – 65,3%, с 2000 по 2011 гг. – 61,6%¹. Фрагментарные данные по этническому составу эмигрантов (табл. 2) свидетельствуют о подавляющем преобладании нелатышей среди отъезжающих в первый период и об абсолютном – во второй².

¹Владимир Бузаев.

Правовое положение русскоговорящего меньшинства в Латвии. 2012, стр. 21.

²Там же, стр. 23.

Национальный состав эмигрантов из Латвии

Категория/год	1995	2000	2008
всего	16 512	7131	6007
латыши	690	653	2085
нацменьшинства			
всего	15 822	6478	3922
% от эмигрантов	95,8	90,8	65,3
% в составе населения	44,3	42,3	40,8

Тем не менее, и характеристики рождаемости и смертности коренной нации и нацменьшинств в Латвии и Эстонии существенно отличаются (*табл. 3*). При этом демографические характеристики нацменьшинств Прибалтики ныне существенно хуже, чем в странах их этнического происхождения.

Таблица 3

Данные рождаемости, смертности и естественного прироста основных национальных групп Латвии и Эстонии, а также основных стран происхождения нацменьшинств (на тыс. чел.)³

Этнос/страна	1990			2012		
	рожд.	смертн.	прирост	рожд.	смертн.	прирост
латыши	15,43	-14,32	1,11	10,97	-12,84	-1,87
нелатыши	12,89	-11,79	1,22	7,87	-16,32	-8,45
эстонцы	15,28	-14,14	1,14	11,27	-11,14	0,13
неэстонцы	12,48	-9,71	2,77	9,90	-13,76	-3,86
Беларусь	14,0	-10,8	3,2	12,20	-13,30	-1,1
Россия	13,4	-11,2	2,2	13,30	-13,30	0
Украина	12,7	-12,1	0,6	11,40	-14,50	-3,1

На примере Латвии доказано⁴, что такая вопиющая разница не может быть объяснена ни ассимиляцией, ни особенностями территориального расселения нацменьшинств, ни имеющим место в результате массовой эмиграции и различия в уровне рождаемости искажением возрастной структуры этносов.

³Пересчет абсолютных данных ЦСБ Латвии и Эстонии. В Литве подобные данные не собираются. Число новорожденных оценивается по национальности матери. Данные по странам этнического происхождения нацменьшинств взяты из страниц Википедии по каждой из стран.

⁴Владимир Бузаев. Правовое положение.... глава 1.

Массовое безгражданство

Ситуация с массовым безгражданством в Латвии и Эстонии представлена в *табл. 4*.

Неграждане Латвии и Эстонии составляют, соответственно, 70% и 22% всех лиц без гражданства, проживающих в 500-миллионном ЕС⁵. От остальных 8% неграждан ЕС их отличает тот факт, что те из них, кто к 1991 году достиг совершеннолетия, имели ранее все политические права в странах теперешнего проживания.

В 2012 году в Эстонии натурализовались 1156, в Латвии – 2213 человек, т. е. для натурализации оставшихся неграждан такими темпами понадобится, соответственно, 80 и 133 года. По данным Евростата за 2010 год, по темпам приема в гражданство на душу населения Латвия занимает 13-е, Эстония – 20-е место. Литва – предпоследнее место среди 33 стран ЕС, ЕАСТ и стран-кандидатов⁶.

Таблица 4

Сравнительные данные по статусу групп населения в Эстонии и Латвии (2011/12 гг.)⁷

	Эстония			Латвия		
	абс.	отн.	отн. меньш.	абс.	отн.	отн. меньш.
Все население	1339662	100		2070371	100	
Коренное	924966	69,0		1285136	62,1	
Нац. меньшинства	414696	31,0	100	785235	37,9	100
Граждане страны	1146610	85,6		1728213	83,5	
Гражд. нац. меньш.	221644	16,5	53,4	443077	21,4	56,4
Натурализовались	154874	11,6	37,3	139786	6,8	17,8
Неграждане	92351	6,9	22,3	295122	14,3	37,6
Граждане РФ	94638	7,1	22,8	34091	1,6	4,3

Владимир Бузаев. Правовое положение.... глава 1.

⁵Там же, стр. 123.

⁶Там же, стр. 130.

⁷Там же, стр. 127. Данные по числу натурализовавшихся – на 01.01.2013.

Из 80 различий в правах граждан и неграждан Латвии в 16 случаях правами, которыми не пользуются неграждане (41% – местные уроженцы, для остальных средний стаж проживания в Латвии превышает 45 лет), обладают иностранцы, граждане ЕС. К примеру, они могут выставлять свои кандидатуры на местных выборах в Латвии и Эстонии, а неграждане Латвии, в отличие от эстонских собратьев, не могут на них даже голосовать. По мнению автора, сохранение массового безгражданства в Прибалтике – это тест на верность провозглашенным в ЕС идеалам демократии. Тест, который эта структура позорно провалила.

Тем не менее, в 1992 году неграждане Эстонии составляли 32% населения и 83% проживающих в стране нацменьшинств; неграждане Латвии в 1993 году – соответственно 29% и 60%. И если в последнее десятилетие XX века массовое безгражданство существенно влияло на результаты выборов, проблемы трудоустройства нацменьшинств и их участие в бизнесе, то теперь роль этого негативного фактора существенно уменьшилась по сравнению с языковыми ограничениями. Например, в 2013 году муниципальные выборы в Латвии впервые прошли в условиях, когда к избранным депутатам предъявлены требования на знание языка на категорию C1 (5-я по сложности из 6) и имеется процедура лишения их мандата. Этому требованию не соответствуют 79% граждан-нелатышей, или около 300 тысяч человек. В то же время избирательного права вообще лишены «только» 260 тысяч неграждан⁸.

⁸В обеих группах «отсечены» около 13% лиц, не достигших избирательного возраста.

О статусе языков нацменьшинств

В странах Прибалтики только два языка нацменьшинств имеют механизм воспроизводства – школьную сеть: русский и польский. Школьная сеть с обучением на польском языке имеется в Литве (64 школы с 11 300 учащимися в 2007/08 уч. г.) и в Латвии (5 школ с 1147 учащимися в 2010/11 уч. г., из них 3 – средние)⁹.

При подготовке автором резолюции Региональной конференции российских соотечественников Латвии, Литвы и Эстонии 2011 года собрана сравнительная статистика, свидетельствующая об особой роли русского языка в странах Прибалтики (табл. 5).

Таблица 5

Население стран Прибалтики по национальному составу и отношению к русскому языку (млн. чел.)*

Страна	Все население	Национальное большинство	Русские	Другие меньшинства	Русский язык – родной		Свободно владеют русским языком	
					%	абс.	%	абс.
Латвия	2,248	1,336	0,621	0,292	37,5	0,843	79	1,776
Литва	3,329	2,766	0,16	0,403	8,2	0,273	49	1,631
Эстония	1,361	0,939	0,354	0,068	30	0,408	56	0,762
Всего	6,938	5,041	1,134	0,763		1,524		4,17

* Данные по количеству населения и национальному составу – с сайтов МИД соответствующих стран (по состоянию на август 2011 г.); данные по доле лиц, для которых русский язык является родным – национальные переписи населения 2000 – 2001 гг.; данные по свободному владению

⁹По польским школам в Литве и Латвии данные соответствующих страниц Википедии.

языком – исследование «Русский язык в новых независимых государствах», фонд «Евразия», 2008.

Вот как в этой резолюции был отражен статус русского языка. *«В конституциях всех трех стран в качестве единственного государственного языка назван родной язык национального большинства. Языки национальных меньшинств, среди которых русский язык (в Литве наряду с польским) является преобладающим, в нормативных актах Латвии и Эстонии противостоит естественно названы иностранными. Русский язык изгнан из государственного управления и судопроизводства, стерт с географических карт и из личных документов, находится под запретом в общении населения с властями даже в регионах, где русские составляют большинство.»*

По примеру Латвии местные государственные языки необоснованно внедряются в качестве языков обучения в систему образования национальных меньшинств Эстонии и Литвы. Русский язык не является обязательным предметом в школах национального большинства, что приводит к резкому ухудшению его знания подрастающим поколением.

Имеющиеся в Конституции Эстонии и в ратифицированной всеми тремя странами Балтии Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств гарантии защиты их языков на практике не действуют. Русский язык, один из самых распространенных языков мира, которым свободно владеют 60% населения стран Балтии и являющийся родным для почти ¼ их населения, по уровню правовой защиты находится на порядок ниже любого диалекта незначительной группы лиц, проживающих в стране, где соблюдаются стандарты защиты национальных меньшинств».

Сокращение возможности получения образования на языках нацменьшинств

Ликвидация системы образования на языках нацменьшинств в странах Прибалтики осуществляется двумя путями:

- законодательным внедрением в качестве языка образования в школах нацменьшинств языка большинства населения;
- опережающим (по сравнению со школами коренной нации) сокращением числа школ нацменьшинств.

Латвия в отношении ограничения возможностей получения образования на русском языке выступила «пионером»¹⁰.

В 1995 году в закон об образовании была введена норма о том, что, как минимум, два предмета должно преподаваться на латышском языке в основной школе и три – в средней.

Начиная с 2000 года в основные школы внедряются 4 образца программ, отличающиеся лишь числом учебных часов, на которых преподавание ведется на латышском языке. Для родного языка в 1-м классе остается от 23% до 82% часов преподавания, в 9-м – от 14,7% до 26,5%.

Проекты полного перевода средних школ нацменьшинств на латышский язык обучения рассматривались 8 лет, начиная с 1996 года, и вызвали массовые протесты. В результате был принят компромисс, не устраивающий обе стороны: с 1 сентября 2004 года преподавание на родном языке разрешено в объеме не более 40% учебных часов.

В Эстонии вводится «реформа» средней школы по латвийскому образцу 2004 года: переход гимназической ступени (с 10-го по 12-й класс) на эстонский язык обучения начался в сентябре 2011 года и должен в полном объеме (не менее 60% учебных часов – на эстонском языке) завершиться к 2013 году. Различие состоит в том, что русские школы Эстонии могут получить разрешение продолжать преподавать на русском языке. 6 нарвских и 11 таллинских гимназий прошения подали, но правительство удовлетворило их только для двух вечерних школ. Остальные судятся, причем суды первой инстанции на

¹⁰Владимир Бузаев. Правовое положение.... п.3.1.

момент актуализации информации уже проиграны, а поданные апелляции еще не были рассмотрены¹¹.

Литовское руководство пока решилось только на первый этап латвийской школьной реформы – ввело в школах нацменьшинств три обязательных предмета с преподаванием на литовском языке, как у нас было сделано еще в 1993 году. Это вызвало бурные демонстрации протеста, инициаторами и участниками которых были преимущественно польские преподаватели и учащиеся¹².

МИД Польши среагировал на происходящее очень резко, вплоть до отзыва посла «для консультаций»¹³. И у Польши было на это право, ибо между Польшей и Литвой существует соглашение, гарантирующее свободное функционирование и государственную поддержку литовских школ на территории Польши и наоборот.

Есть такое соглашение у Польши и с Латвией¹⁴. Но на ситуацию со школами нацменьшинств в Латвии, несравненно более тяжелую, Польша никак не реагирует, демонстрируя и в отношении своих соотечественников характерную для стран ЕС политику двойных стандартов.

Что касается аналогичного межправительственного соглашения между Эстонией и Россией 1994 года, то в июле 2013 года гарантии существования русской школы в Эстонии находились в стадии отмены¹⁵.

Данные об опережающем сокращении численности школьников, обучающихся по программам нацменьшинств, представлены в *табл. 6*.

¹¹Николай Кабанов. «Секреты «Эстонского чуда». Они в контроле власти над силовыми структурами и СМИ», газета «Вести сегодня», № 191 от 28 ноября 2012 года: <http://www.vesti.lv/article/227516>

¹²«Сейм Литвы принял закон, который литуанизирует школы нацменьшинств». ИА РЕГNUM, 17 марта 2011 года: www.regnum.ru/news/1384793.html

¹³МИД Польши: Решения властей Литвы ведут к насильственной ассимиляции поляков». ИА РЕГNUM, 17 марта 2011 года: <http://www.regnum.ru/news/1387092.html>

¹⁴LATVIJAS REPUBLIKAS VALDĪBAS UN POLIJAS REPUBLIKAS VALDĪBAS LĪGUMS PAR SADARBĪBU KULTŪRĀ UN IZGLĪTĪBĀ – договор правительств Латвийской Республики и Польской Республики о сотрудничестве в области образования и культуры от 29 марта 2006 года, ст. 5. Более ранний договор со схожим названием и формулировками был заключен еще 1 июля 1992 года.

¹⁵См., например: Максим Рева: Медведев делает Россию соучастницей преступления против русского населения Эстонии – <http://regnum.ru/news/polit/1686051.html>

Таблица 6

**Динамика численности населения и школьников в странах
Прибалтики
за период 1990–2011 гг.¹⁶ ***

Страна	Категория	Группа	1990	2001	2011	Разн. (%)
Латвия	Численность группы	Все население латыши	2666567	2364254	2070371	22,4
		меньшинства	1387757	1368994	1285136	7,4
			1278810	995260	785235	38,6
Латвия	Численность школьников, принадлежащих к группе	Все школьники на латышском	331857	326772	198469	40,2
		на языках меньшинств	176612	225030	143034	19,0
			155245	101742	55435	64,3
Латвия	Численность всех представителей группы на одного школьника	Все школьники на латышском	8	7	10	29,8
		на языках меньшинств	8	6	9	14,3
			8	10	14	72,0
Эстония	Численность группы	Все население эстонцы	1565662	1366959	1294236	17,3
		меньшинства	963281	933203	885257	8,1
			602381	433756	408979	32,1
Эстония	Численность школьников, принадлежащих к группе	Все школьники на эстонском	218807	207612	136104	37,8
		на языках меньшинств	137848	153304	109919	20,3
			80959	54308	26185	67,7
Эстония	Численность всех представителей группы на одного школьника	Все школьники на эстонском	7	7	10	32,9
		на языках меньшинств	7	6	8	15,3
			7	8	16	109,9
Литва	Численность группы	Все население литовцы	3674800	3484000	3043429	17,2
		русские	2924300	2907300	2561314	12,4
		поляки	344500	219800	176913	48,6
Литва	Численность школьников, принадлежащих к группе	Все школьники на литовском	258000	235000	200317	22,4
		на русском	496740	578818	392922	20,9
		на польском	409295	519177	363930	11,1
Литва	Численность всех представителей группы на одного школьника	Все школьники на литовском	76038	37672	15552	79,5
		на русском	11407	21710	12895	-13,0
		на польском	7	6	8	4,7
	7	6	7	-1,5		
	5	6	11	151,1		
	23	11	16	-31,3		

* В столбцах, относящихся к конкретному году, даны абсолютные цифры. В последнем столбце дано отношение соответствующей разницы на 2011 и 1990 гг. в процентах к 1990 году. Численность населения в столбце, относящемся к 1990 году, дана по данным переписи 1989 года.

¹⁶Владимир Бузаев. Правовое положение.... стр. 89. Абсолютные данные по численности населения и школьников взяты с сайтов ЦСБ соответствующих стран.

Для школьников всех стран, обучающихся на государственных языках, положительное влияние советской демографической политики сказывалось еще и в начале XXI века. Тем не менее, численность латышских и эстонских школьников за весь период уменьшилась быстрее, чем численность взрослых.

Что касается школьников, обучающихся на языках меньшинств в Латвии и Эстонии и на русском языке в Литве, то сокращение их численности в период до 2001 года отвечало темпам вытеснения из страны взрослых представителей соответствующих групп. В следующее десятилетие процесс ускорился вследствие существенного уменьшения рождаемости среди нацменьшинств по сравнению с представителями национального большинства и отправления детей на обучение в школы большинства.

Положительная динамика обучения на польском языке в Литве в первые десять лет связана с преодолением последствий применения советского принципа двуязычия в каждой республике, без надлежащей поддержки языков третьих меньшинств. В последнем десятилетии процесс свертывания затронул и польскую школу. Данные по русской школе Литвы, приведенные, в отличие от Латвии и Эстонии в сравнении с количеством этнических русских, свидетельствуют о ее существенной роли в обучении школьников нерусских этносов, не утраченной до сих пор.

В Латвии число школ, в которых можно получить образование на русском языке, сокращается вчетверо быстрее, чем число латышских школ (*табл. 7*)¹⁷.

Средняя заполняемость латышской школы сократилась с 267 до 209 учеников, т. е. на 22%, русской – с 533 до 458, или на 14%.

¹⁷Материал о сокращении числа школ и учащихся излагается по книге Владимира Бузаева. Правовое положение...п.3.2.8.

В Риге за 4 года правления новой «социал-демократической» администрации закрылись 6 латышских и 12 русских школ. При этом среднее число учеников в латышских школах уменьшилось с 523 до 505, в русских – увеличилось с 548 до 639.

Количество школ, в которых можно получить образование на русском языке (русских и двухпоточных), в целом по стране за период с 2002 по 2011 гг. сократилось на 43%: в крупных городах – на 28%, в 5 статистических регионах в провинции – на 61%, в т.ч. в Видземском – на 80%, в Земгальском – на 85%. Для сравнения, убыль числа латышских школ составляет по стране в целом 11%, в крупных городах – 0,9%, в регионах – 14%, в т. ч. в Видземском – 17%, в Земгальском – 15%.

Таблица 7

Сокращение количества школ в Латвии¹⁸

Год	Латышские	Русские	Смешанные	Школы других меньшинств	Школы, где можно получить образование на языках меньшинств	Все школы
1998/99	728	195	145	6	346	1074
2011/12	641	99	65	6	170	811
Всего						
ликв.	87	96	80	0	176	263
Всего ликв. %	12,0	49,2	55,2	0,0	50,9	24,5

В этих регионах в 2010 году число взрослых представителей национальных меньшинств на одного школьника составляло 68 и 48 человек, а в Курземском регионе – фантастическую цифру 988 человек. В то же время для латышей эта цифра была в пределах 8–9 человек.

¹⁸Исходные данные по числу школ и количеству учеников, начиная с 1998/99 учебного года, имеются на сайте МОН.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ПОВЕДЕНИИ ЖИТЕЛЕЙ ЛАТВИИ

*M.Soc.Sc. Андрей Владимирович Солопенко,
SKDS, Латвия*

Введение

Историческая память является одним из важных факторов, формирующим групповую национальную идентичность. Различная интерпретация определенных исторических событий позволяет разделить общество на разные группы и противопоставить их друг другу.

В электоральном поведении жителей Латвии заметен этнолингвистический раскол, когда латышский электорат преимущественно голосует за одни партии, а немалатыши, которые преимущественно являются русскоязычными, за другие.

Одной из причин данного раскола может являться различная историческая память по отношению к определенным историческим событиям, присущая двум вышеупомянутым группам. Выявление этой проблемы и обусловило выбор темы статьи.

В статье дается общая и территориальная характеристика двух общин Латвии; сравнивается их интерпретация определенных исторических событий и их поддержка определенных политических партий на парламентских выборах 2011 г.

Общая и территориальная характеристика жителей Латвии

По данным переписи населения, на 1 марта 2011 года все население Латвии составляет 2 070 371 человек, из них 1 285

136 (62,1%) – латыши; 557 119 (26,9%) – русские; 68 202 (3,3%) – белорусы; 45 798 (2,2%) – украинцы; 44 772 (2,2%) – поляки; 24 479 (1,2%) – литовцы¹. Однако, по результатам переписи населения, все жители Латвии дома преимущественно пользуются либо латышским, либо русским языком. Среди всех жителей, указавших используемый язык, на латышском языке дома преимущественно говорят 62,1%, на русском – 37,2%, а на другом языке только 0,7%². Исходя из этого, можно утверждать, что все население Латвии можно условно разделить на две большие группы: латышскоговорящие и русскоязычные.

Этот вывод подтвердили и данные ежемесячных опросов населения Омнибус, проводимых центром SKDS, в которые были включены вопросы как относительно национальности респондента, так и его разговорного языка в семье. Респондентам задавался вопрос: «*На каком языке Вы преимущественно разговариваете в семье?*», на который можно было дать только один из трех предлагаемых ответов (латышский, русский, другой). Также респондентам задавался ещё один вопрос: «*Какая Ваша национальность?*», на который тоже можно было дать только один из трёх ответов (латыш, русский, другая). Сравнивая ответы на эти два вопроса, можно увидеть, что количество респондентов латышской национальности и тех, кто использует латышский как разговорный язык в семье, практически совпадает. А к тем, кто использует русский язык, добавляются не только этнические русские, но и представители других национальностей. Респонденты, которые как разговорный язык в семье используют другой язык, составляют примерно 1%, поэтому, по мнению автора, ими можно пренебречь и не рассматривать их, т. к. в целом их удельный вес слишком мал

¹http://data.csb.gov.lv/DATABASE/tautas_11/2011.gada%20tautas%20skaitišanas%20galigie%20rezultati/2011.gada%20tautas%20skaitišanas%20galigie%20rezultati.asp Табл. № TSG11-06. (см. 11.05.2013)

²Там же. Табл. № TSG11-07 (см. 11.05.2013).

и не повлияет на выводы. Также, по мнению автора, можно сделать вывод, что латыши в общении преимущественно используют латышский язык, а нелатыши – русский.

В то же время расселение данных групп по территории Латвии не является равномерным. Значительный удельный вес латышскоговорящего населения в основном сосредоточен в сельской местности и малых городах. В то время как большинство русскоязычных жителей проживают преимущественно в Риге, некоторых краях вокруг неё, а также на востоке страны, в Латгалии (см. рис. № 1).

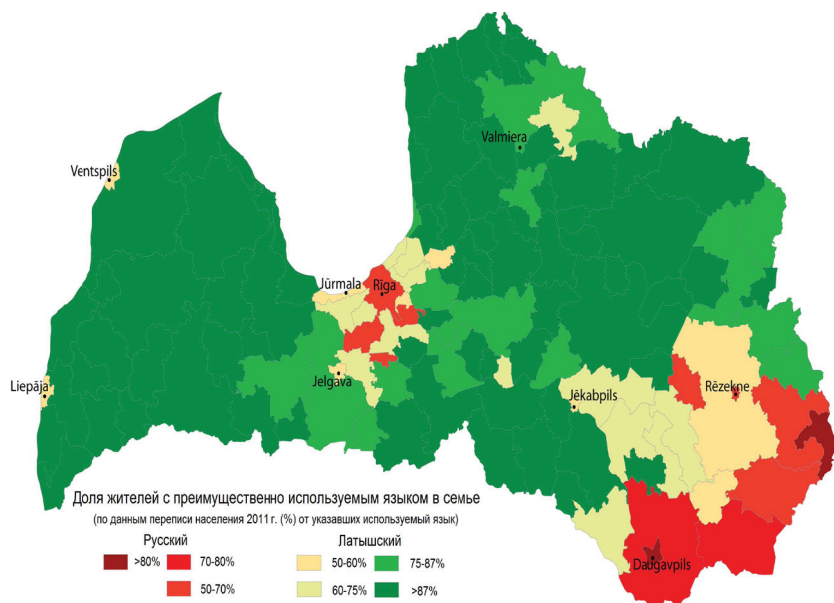

Рис. № 1. Доля жителей с преимущественно используемым языком в семье.

Рассматривая данную карту, видно, что больше всего латышскоговорящих в основном проживает в сельских краях Курземе, на западе страны, кроме двух прибрежных городов Лиепайи и Вентспилса, где их удельный вес меньше. Также довольно большой их удельный вес в сельских краях Видземе, на севере страны. Во многих больших городах Латвии (Вентспилсе, Екабпилсе, Елгаве, Лиепаве, Юрмале)

удельный вес латышскоговорящего населения находится в районе 50–60%, что указывает на значительное количество русскоязычных жителей, проживающих в них. В столице Латвии Риге и двух крупных городах Латгалии: Даугавпилсе и Резекне, русскоговорящее население составляет большинство. Также оно составляет большинство в пяти юго-восточных латгальских краях.

Территориальное расселение двух главных общин страны довольно хорошо показывает также и территориальный раскол среди них. На территории Латвии выделяется её столица – Рига и Латгалия – восточный регион страны. Для этих мест характерно проживание довольно большого удельного веса русскоязычных. 69,5% среди всех русскоязычных проживают на территориях, в которых они составляют большинство. В то же время более половины среди всех латышскоговорящих также проживают там, где их большинство. Данный фактор указывает на формирование двух социальных пространств: латышского и русского, которые между собой практически не пересекаются. На основании этого среди двух общин формируется разная историческая память, которая при ее формировании в семье может передаваться последующим поколениям. Поэтому в следующем разделе статьи автор рассмотрит, как интерпретируют определенные исторические события латышскоговорящие и русскоязычные жители Латвии.

Историческая память жителей Латвии

Многие события в истории Латвии имеют неоднозначную интерпретацию со стороны двух главных общин. Главные события, вызывающие острые дискуссии, в основном связаны с 1940 годом – добровольным или насильственным вхождением Латвии в состав СССР, депортациями жителей

в Сибирь, ролью легионеров и национальных партизан после окончания Второй мировой войны, а также влиянием всего 50-летнего периода нахождения Латвии в составе СССР на жизнь страны и ее жителей в целом. Также неоднозначным является отношение к России и ее влияние на интерпретацию истории Латвии.

Историческая память является очень важной силой, объединяющей общество. Она создает принадлежность к группе, для которой эта историческая память является общей. В то же время различная интерпретация исторических событий помогает провести границу между одними группами по отношению к другим. Вследствие этого партиям, желающим получить поддержку определенной группы электората, выгодно актуализировать данные проблемы для получения необходимых голосов на выборах. В отличие от партий, претендующих на весь электоральный спектр, которым, наоборот, актуализация данных противоречий не выгодна. Поэтому различная интерпретация истории и актуализация исторических тем может быть важным фактором для формирования различного электорального поведения.

Анализ результатов опроса, проведенного центром исследований рынка и общественного мнения SKDS, позволяет заметить, что мнения латышскоговорящих жителей Латвии и русскоязычного населения страны довольно сильно различаются в этих вопросах. Например, при оценивании утверждения, что «Большая часть жителей Латвии в 1940 году на самом деле поддерживала присоединение Латвии к СССР», заметны существенные различия среди вышеупомянутых групп населения. Респонденты с преимущественно латышским разговорным языком в семье в основном не согласны с этим утверждением – сумма ответов «полностью не согласны» и «скорее не согласны» составляет 51%. В то время

как респонденты с русским разговорным языком в семье демонстрируют противоположную точку зрения. Значительная их часть в основном либо полностью согласна, либо скорее согласна с этим утверждением – сумма этих двух ответов 41% (см. рис. № 2).

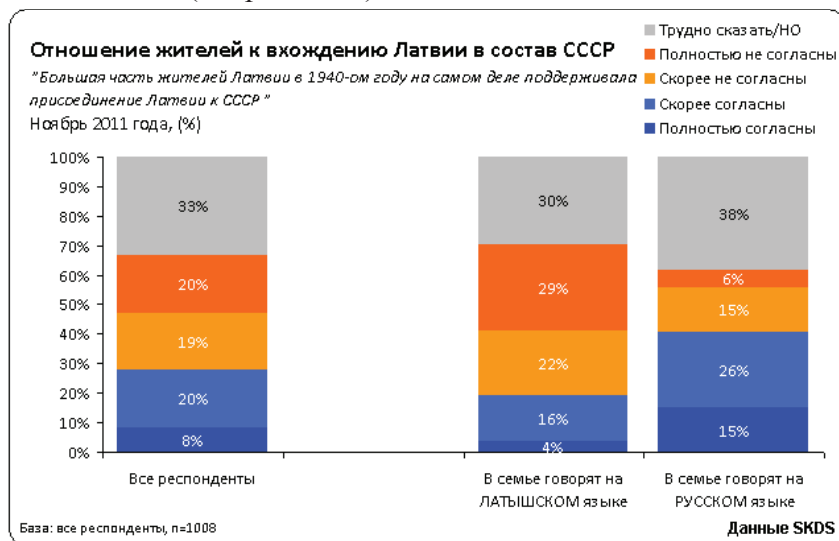

Рис. № 2. Отношение жителей к вхождению Латвии в состав СССР²¹.

На основании данных видно, что в отношении жителей Латвии к вхождению в состав СССР заметно существенное различие взглядов между латышскоговорящей и русскоязычной частями общества. Большинство жителей, говорящих в семье на латышском языке, считают, что большая часть жителей Латвии в 1940 году не поддерживала присоединение Латвии к СССР, тогда как жители, говорящие в семье на русском языке, придерживаются противоположного мнения. Однако следует заметить, что значительное количество респондентов в обеих группах не смогло ответить на этот вопрос, что может

²¹M. Cepurītis, R. Gulbis. *Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievija* (Внешнеполитические мифы в Латвии: Европейский союз и Россия), Рига, 2012 г., стр. 95. Все последующие опросные данные этого раздела также получены из вышеупомянутого источника.

свидетельствовать об отсутствии однозначного толкования данного события в обеих анализируемых группах.

В то же время, рассматривая отношение жителей страны к репрессиям во время советской власти, замечено совсем другое мнение. Оценивая утверждение «Часть тех, кто был репрессирован во время советской власти, фактически это заслужили», все жители Латвии, как латышскоговорящие, так и русскоязычные, высказали практически одинаковое мнение, что они не согласны с этим утверждением: 78% среди тех, кто в семье говорит на латышском языке, полностью либо частично не согласны с этим; среди говорящих на русском языке таких немного меньше, но также большинство – 63% (см. рис. № 3).

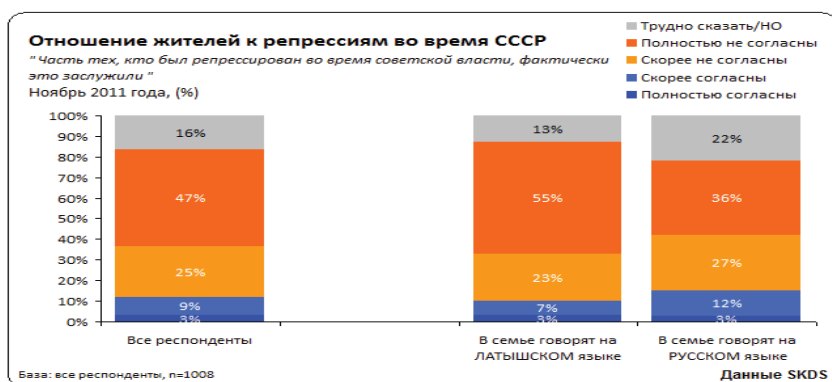

Рис. № 3. Отношение жителей к репрессиям во время СССР.

Данные свидетельствуют, что по этому вопросу существенных расхождений между анализируемыми группами общества нет. Как латышскоговорящие жители Латвии, так и русскоязычные одинаково отрицательно относятся к происшедшим репрессиям, ведь от них пострадали все, не зависимо от национальности. В то же время заметно, что среди русскоязычных жителей больший удельный вес тех, кто либо согласен с этим утверждением, либо затрудняется ответить. Эти данные могут свидетельствовать, что в русскоязычной

среде менее распространено обсуждение репрессий, чем в латышскоговорящем обществе, где данному событию посвящаются ежегодные траурные мероприятия при участии высших должностных лиц страны.

Если оценивать отношение жителей ко всему периоду нахождения Латвии в составе СССР и его влиянию на жизнь республики в целом, то также заметны различные оценки среди анализируемых групп. Рассматривая отношение жителей к утверждению – «На самом деле Латвии в составе СССР было весьма хорошо», заметно, что удельный вес всех опрошенных респондентов, которые полностью либо частично согласны с этим утверждением, составляет 54%. Анализируя данный факт, можно утверждать, что большинство жителей Латвии положительно относятся к нахождению Латвии в составе СССР. Однако жителей с латышским разговорным языком в семье это утверждение практически раскололо напополам: удельный вес согласных составляет 43%, а не согласных – 41%, тогда как среди русскоязычных респондентов удельный вес согласных с этим утверждением составляет абсолютное большинство – 71% (см. рис. № 4).

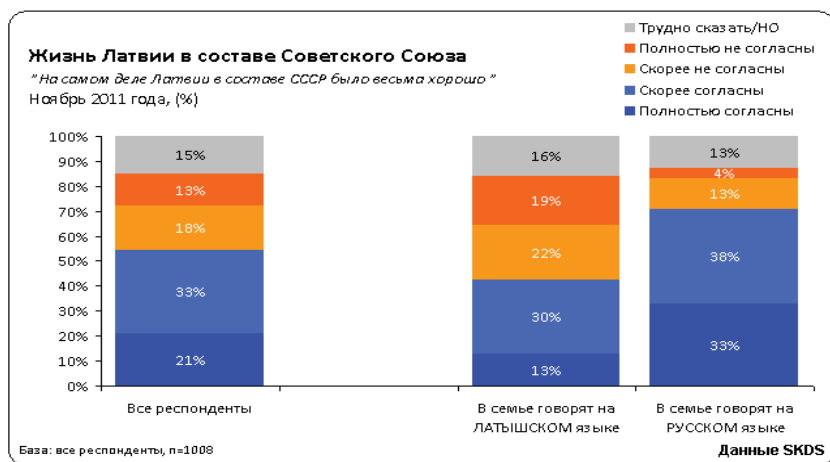

Рис. № 4. Жизнь Латвии в составе Советского Союза.

Анализ данных позволяет увидеть, что именно русскоязычные жители положительнее оценивают нахождение Латвии в составе СССР, считая, что на самом деле ей тогда было весьма хорошо, чем латышскоговорящие. Это свидетельствует о возможно присутствующей ностальгии по советским временам среди определенной части русскоязычных, а также с тем, что, возможно, для них жизнь во время СССР была лучше, чем сейчас. Оценивая результаты ответов среди жителей, которые в семье для общения используют латышский язык, то, скорее всего, их согласие с этим утверждением объясняется разочарованием в нынешнем курсе страны, ее политике и экономике. Однако это не означает, что значительная часть латышскоговорящих жителей Латвии желает возрождения советского строя. Да, они разочарованы в проводимом политиками курсе, также, возможно, во времена Советской Латвии они жили лучше, когда у них было чувство стабильности, защищенности и наличие социальных гарантий, но в то же время ответы на следующее утверждение свидетельствуют, что назад они не хотят.

Следующее утверждение, которое респондентам предстояло оценить, было именно об их личном отношении к распаду Советского Союза: «Я положительно оцениваю то, что СССР развалился», где в ответах также заметно ярко выраженное различие во мнениях со стороны латышскоговорящих и русскоязычных жителей Латвии, когда первые оценивают это событие скорее положительно (сумма ответов «полностью согласны» и «скорее согласны» составляет 59%), а вторые, наоборот, скорее отрицательно – 49% (см. рис. № 5).

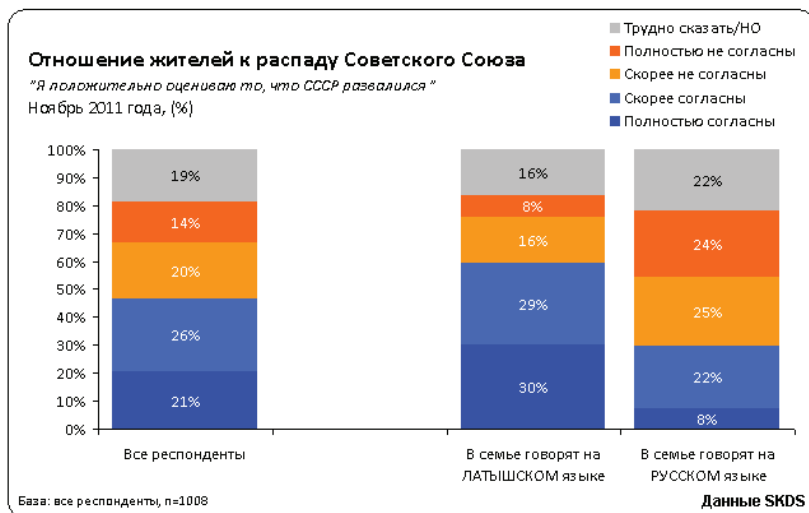

Рис. № 5. Отношение жителей к распаду Советского Союза.

При анализе данных видно, что опять именно русскоязычные жители Латвии больше жалеют о распаде Советского Союза, чем латышскоговорящие. Этому также может быть несколько объяснений. С одной стороны, среди русскоязычных жителей больше тех, кто в советское время жил лучше, чем сейчас, и поэтому они жалеют о распаде СССР, желая вернуть те времена. Другим объяснением данного феномена может быть постоянная критика данного режима с выпячиванием его отрицательных качеств со стороны правящей элиты и в латышских СМИ. В то время как в русских СМИ Латвии, а также и в российских СМИ данной критики звучит меньше и показываются как положительные, так и отрицательные стороны. Также этим можно объяснить значительный удельный вес среди русскоязычных тех, кто согласен с этим утверждением, и тех, кто не смог дать на него ответ.

Анализируя влияние средств массовой информации, респондентов попросили оценить утверждение об интер-

претации истории Латвии в российских СМИ: «В средствах массовой информации России об истории Латвии рассказывается много лжи», где среди ответов респондентов также видны противоположные мнения со стороны представителей двух анализируемых групп (см. рис. № 6).

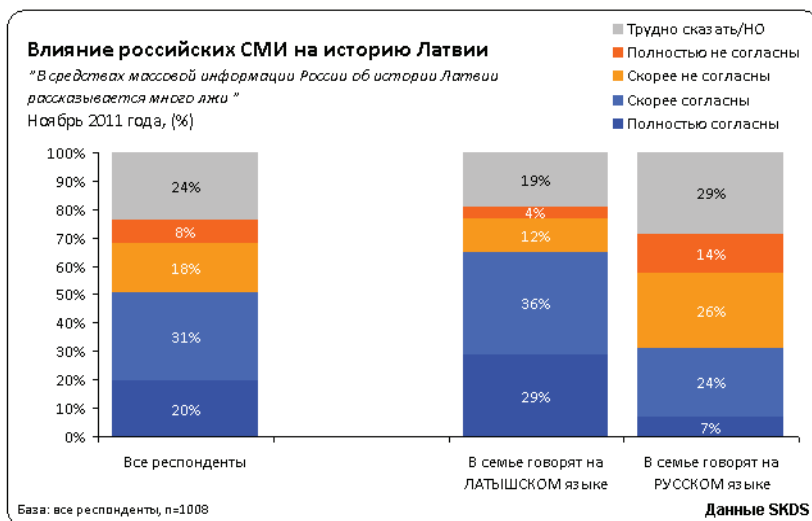

Рис. № 6. Влияние российских СМИ на историю Латвии.

Со стороны латышскоговорящих респондентов, удельный вес тех, кто считает, что в российских СМИ история Латвии подается неправильно, составляет 65%. Это можно объяснить общим отношением к этой стране, сформировавшимся в результате актуализации вышеупомянутых исторических проблем. У респондентов, разговаривающих на русском языке, наблюдается противоположная тенденция, что свидетельствует о различной интерпретации определенных исторических событий, а также о другой исторической памяти, наблюдающейся у этой группы.

Данные опроса ясно показали наличие противоположных мнений у двух рассматриваемых групп практически по всем ключевым историческим вопросам. Различные ценностные

позиции могут существенно повлиять на электоральное поведение в анализируемых группах, поэтому в следующем разделе автор считает необходимым рассмотреть его более подробно.

Электоральное поведение жителей Латвии

Под электоральным поведением понимается совокупность действий и поступков граждан, связанных с осуществлением местных или общенациональных выборов в органы власти, а также их участием в референдумах.

По латвийским законам участвовать в выборах могут только лица, являющиеся гражданами Латвии, достигшие на момент выборов 18 лет. На местных выборах и Европарламента также могут принимать участие и граждане других стран ЕС, постоянно проживающие в Латвии. Однако таких человек, по данным переписи населения, насчитывается всего 5885 человек²², что составляет примерно 0,3% от всех граждан Латвии, что находится в пределах допустимой статистической погрешности и не повлияет на выводы.

Удельный вес граждан Латвии, по результатам переписи населения, составляет 83,5%, а 14,2% жителей страны являются негражданами Латвии – особой группой постоянных жителей страны, не имеющих ее гражданства, которые не имеют права участвовать в выборах и, следовательно, их нельзя считать латвийским электоратом.

Неграждане Латвии преимущественно являются русскоязычными, в то время как среди латышей 99,9% составляют граждане страны. Поэтому распределение граждан Латвии по разговорному языку в семье существенно отличается от данного распределения по стране. Среди всех граждан,

²²http://data.csb.gov.lv/DATABASE/tautassk_11/2011.gada%20tautas%20skaitiisanas%20galigie%20rezultati/2011.gada%20tautas%20skaitiisanas%20galigie%20rezultati.asp Табл. № TSG11-05. (см. 11.05.2013)

указавших свой используемый язык, 72,4% используют латвийский язык и только 26,9% – русский²³. Однако, несмотря на это, результаты голосования на выборах явно показывают, поддержку каким партиям оказывают русскоязычные и латвийскоговорящие граждане (см. рис. № 7).

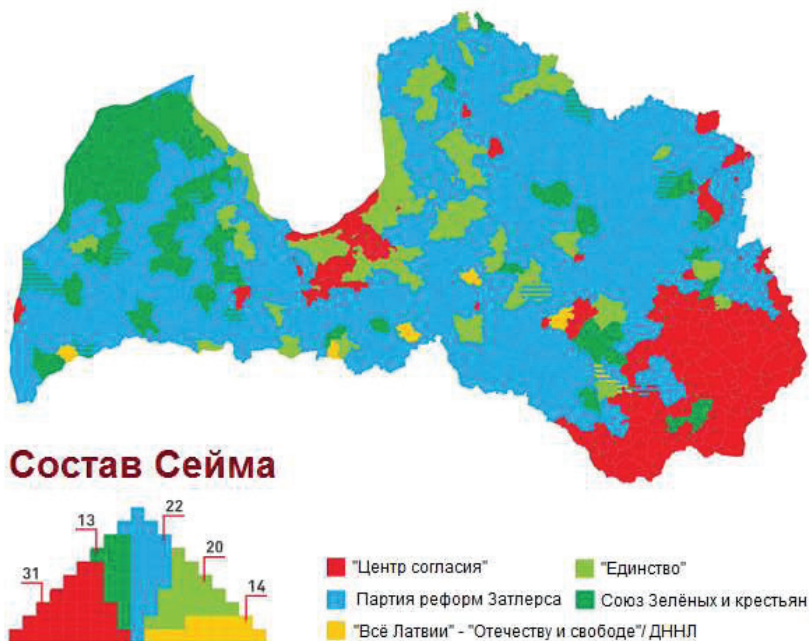

Рис. № 7. Партии – победители выборов 11-го Сейма.

На карте определенно видно, что «Центр согласия» большинство голосов получил в тех округах, где довольно большой удельный вес русскоязычных. Поддержка этой партии в разных регионах явно зависит от доли русскоязычных граждан, проживающих в них. Там, где доля русскоязычных граждан составляла менее 5%, партия балансировала на грани преодоления 5% барьера, а там, где их доля была от 40% и

²³Письмо заместителя директора департамента Центрального бюро статистики П. Вегуса от 13.05.2013.

выше, её поддержка была значительно больше. Коэффициент корреляции (r) между долей граждан-нелатышей в регионе и голосами, отданными за данную партию, составляет: 0,976, а коэффициент детерминации (R^2) равен 0,953 (см. рис. № 8).

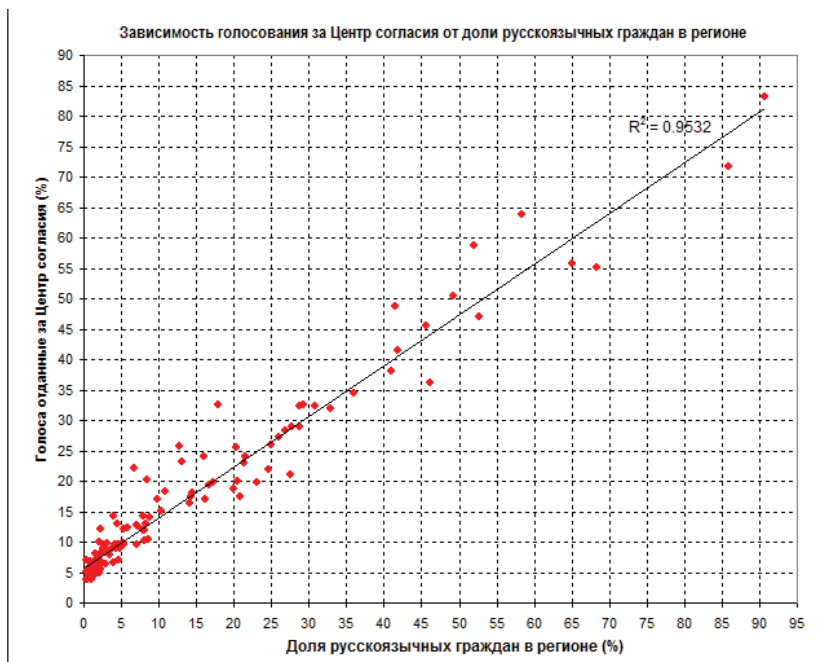

Рис. № 8. Зависимость голосования за «Центр согласия» от доли русскоязычных граждан в регионе.

На представленном графике красными точками обозначены все 119 самоуправлений Латвии. При его анализе можно заметить, что в основном все самоуправления концентрируются вдоль линии тренда, что показывает зависимость голосования за «Центр согласия» от доли русскоязычных граждан в том или ином крае. Однако в центральной части графика есть несколько точек, которые довольно явно отступают от этой линии. Это латгальские самоуправления, где процент проголосовавших за «Центр согласия» существенно выше доли русскоязычных

граждан, проживающих в них. Что дает основание сделать вывод о проживании латышей, голосующих за эту партию, в краях со значительным удельным весом русскоязычных.

У других партий, прошедших в 11-й Сейм, коэффициент корреляции (r) между долей русскоязычных граждан в регионе и полученными на выборах голосами является отрицательным. Что позволяет сделать вывод об их преимущественной поддержке именно среди латышскоговорящего электората. Также этот вывод был подтвержден центром SKDS, когда проведенные им послевыборные опросы наглядно показали, что русскоязычные избиратели в основном голосовали за «Центр согласия». Тогда как латышскоговорящие избиратели на последних выборах поддерживали другие партии: «Единство», Партию реформ Затлерса, Союз зелёных и крестьян и «Всё Латвии» – «Отечеству и свободе»/ДННЛ, что также заметно на электоральной карте.

При анализе электорального поведения латышскоговорящего электората также можно выявить определенные закономерности. Поддержкой этой группы пользуются несколько партий, и здесь определяющим фактором является разделение между городскими и сельскими латышскоговорящими жителями. Среди городских партий выделяется «Единство» и объединение «Всё Латвии» – «Отечеству и свободе»/ДННЛ, а среди сельских – Партия реформ Затлерса и Союз зелёных и крестьян.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что в электоральном поведении жителей Латвии также доминирует этнолингвистическое размежевание, когда жители, использующие в семье русский язык, голосуют преимущественно за одни партии, а разговаривающие в основном на латышском языке – за другие, что обусловлено разными взглядами двух анализируемых групп на многие вещи.

Одним из таких различий является и историческая память, которая существенно различается у представителей двух общин. Поэтому партии, претендующие на голоса

избирателей, пытаются это учитывать в своих предвыборных речах и программах; обращаясь либо к латышскоговорящим избирателям, либо к русскоязычным, тем самым продолжая актуализировать данный этнолингвистический раскол в стране. На последних парламентских выборах актуализировать исторические расколы пытались партии «Единство» и «Всё Латвии» – «Отечеству и свободе»/ДННЛ, пользующиеся поддержкой в латышскоговорящей среде. В то время как «Центр согласия» предлагал ввести трехлетний мораторий на обсуждение национальных и исторических вопросов и сконцентрироваться на решении экономических проблем, пытаясь тем самым привлечь не только русскоязычного, но и латышскоговорящего избирателя. Однако в латышскоговорящей среде эта партия ассоциируется с «рукой Москвы» и защитницей интересов русскоязычного населения, поэтому поддержку в основном она смогла получить только среди своих потенциальных сторонников.

Создание партии, объединяющей в себе интересы как латышскоговорящих, так и русскоязычных избирателей, в основном обречены на провал, потому что поддержка партий в основном зависит от их позиции по национальным вопросам. Историческая память и сформированные под ее влиянием разные ценности и мнения, руководствуясь которыми избиратели принимают решение, за какую партию голосовать на выборах, являются одним из главных факторов, влияющих на их электоральное поведение. А так как эти ценности формируются в семье и передаются детям, то можно утверждать, что со сменой поколений разделение между латышскоговорящими и русскоязычными избирателями не прекратится, а наоборот, при его дальнейшей актуализации среди определенных партий может еще больше набрать силу.

Заключение

Анализируя электоральное поведение жителей Латвии, можно утверждать, что оно обусловлено этнолингвистическим

расколом между латышскоговорящими и русскоязычными избирателями, когда одна группа преимущественно поддерживает одни партии, а другая голосует за другие. Среди русскоязычных граждан поддержкой пользуется «Центр согласия», а в латышскоговорящем обществе доминируют несколько партий, которые могут иметь различные мнения по экономическим вопросам, но в решении национальных и исторических проблем их позиции совпадают.

Одной из причин данного раскола является различная историческая память у двух анализируемых групп, под влиянием которой они и принимают решения, какой партии отдать свой голос на выборах. Партии, претендующие на голоса избирателей, учитывают это и пытаются актуализировать данные противоречия для попадания в парламент. Попытка объединения «Центр согласия» ввести мораторий на обсуждение национальных и исторических вопросов не нашла поддержки ни у одной из ведущих политических сил страны, что дает основание утверждать об их заинтересованности в актуализации данных противоречий и дальнейшей эскалации конфликта.

Список использованных источников и литературы

M. Cepurītis, R. Gulbis. Ārpolitikas mīti Latvijā: Eiropas Savienība un Krievija (Внешинополитические мифы в Латвии: Европейский союз и Россия), Rīga, Latvijas Vēstures mazās bibliotēkas atbalsta fonds, 2012 г., 108 p.

http://data.csb.gov.lv/DATABASE/tautassk_11/2011.gada%20tautas%20skaitīšanas%20galīgie%20rezultāti/2011.gada%20tautas%20skaitīšanas%20galīgie%20rezultāti.asp

Результаты переписи населения Латвии 2011 г. (см. 25.09.2012). Национальный состав Латвии: Табл. № TSG11-06.

Используемый разговорный язык в семье среди населения: Табл. № TSG11-07.

Государственная принадлежность жителей Латвии: Табл. № TSG11-05.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И В ЛАТВИИ

*доц. Константин Константинович Матвеев,
Балтийская международная академия, Латвия*

В недавнем прошлом этнические конфликты не раз способствовали перекраиванию политической карты мира. Прекратили существование такие федеративные государства, как Советский Союз, Чехословакия, Югославия. Унитарные государства, напротив, иногда трансформировались в федерации (например, Бельгия), драматическим путем шел процесс возникновения новых государств внутри границ уже существующих стран (Косово и Абхазия)*.

Указанный процесс имеет выраженную тенденцию к усилению его интенсивности. По мнению ряда экспертов, среди государств возможной зоны риска могут оказаться Франция (проблемы Корсики, Бретань, Руссильон), Испания (сепаратизм Каталонии, страны Басков), Румыния (регион Трансильвании) и многие другие.

Опубликованный в начале 2013 года доклад эстонских политологов указывает на растущую возможность острого этнического конфликта в Литве, связанного с неурегулированностью в этой стране правового статуса литовских поляков. А в Бельгии тихий распад общегосударственных структур, в силу длящегося этнического конфликта, уже сейчас близок к финальной фазе. И хотя не во всех названных случаях фактор межнациональных отношений имел доминирующее значение, наличие заметного этнического измерения в этих событиях несомненно.

Серьезные предупреждения, касающиеся будущих тенденций развития межнациональных отношений в Европе, не раз содержались в документах, подготовленных Международным институтом стратегических исследований в Лондоне. *«События последних лет, – говорилось в одном из докладов, – показали, что старомодный национализм и стремление к созданию этнически однородных государств живы... Если не будут проявлены энергичные руководство и готовность добиваться консенсуса, существует риск, что и Западная Европа может откатиться назад в этом направлении».*

В этих условиях роль государства в урегулировании межнациональных отношений заметно возрастает. Из совсем недавней истории известно, что государство, принимаемые им законодательные и подзаконные нормативные акты могут играть как позитивную, так и негативную роль в формировании и развитии этих отношений. Своими действиями государство способно усилить межнациональные противоречия либо, напротив, принять своевременные меры к тому, чтобы предупредить их обострение, сгладить конфликт и способствовать его разрешению.

Несомненное влияние на национальные отношения оказывает то, насколько адекватно и оперативно органы государства реагируют на потребности конкретных этнических групп. Недостаточно гибкая политика центральных и местных властей может привести к возникновению очага напряженности на территории того или иного государства, осложнить двусторонние отношения между соседними странами, вызвать необходимость вмешательства международных организаций и даже, в худшем случае, спровоцировать кровавый конфликт с вмешательством внешних, по отношению к данному государству, сил.

В данной публикации речь идет именно о государственном правовом опыте регулирования межнациональных отношений

в некоторых развитых странах Западной Европы. Главным правовым регулятором в указанной сфере являются нормы национального конституционного права во взаимосвязи с рядом важнейших актов права международного.

Рассматриваемая тематика является предельно актуальной для прогнозирования конституционного права Латвийской Республики. Хорошо известно, насколько далеки от совершенства конституционные нормы и взаимосвязанные с ними законодательные акты Латвии, регламентирующие сферу межэтнических отношений.

Полное отсутствие официального статуса у языков национальных меньшинств, их недостаточная защищенность в сфере государственного образования и судопроизводства, отсутствие избирательного права у значительной части представителей этнических меньшинств создают в своей совокупности ситуацию потенциально опасную для стабильности и безопасности Латвийской Республики. По сути, сохранение «статускво» в данной сфере представляет реальную угрозу для самого существования латвийского государства.

Преобразования в этой сфере немислимы без радикального изменения ряда позиций в конституционном праве Латвии. Причем прямолинейное использование конституционного опыта Первой Латвийской Республики образца 20-х годов XX столетия вряд ли возможно и целесообразно по целому ряду причин.

Во-первых, на этапе демократического развития Латвии до событий мая 1934 года и прекращения действия Сатверсме гарантии прав этнических меньшинств в латвийском конституционном праве текстуально отсутствовали. Сравнительно приемлемое положение меньшинственных групп в эти годы базировалось на немногочисленных законах и хрупком межпартийном равновесии в рядах депутатов латвийского парламента.

Во-вторых, многие аспекты понимания прав человека в целом и в отношении прав национальных меньшинств в частности за истекшее время заметно эволюционировали и сделали существенный шаг вперед.

Поэтому механическое возвращение к законодательному опыту 20-х годов (гарантированное государством образование на языках национальных меньшинств на уровне основной и средней школы, право использования языков меньшинств в парламенте и в деятельности самоуправлений), представляется явно недостаточным и вряд ли снимет уже имеющееся напряжение в обществе.

Поэтому для совершенствования латвийской правовой системы было бы полезно использование опыта законодательной деятельности в этой сфере ряда европейских государств, в первую очередь партнеров Латвии по Европейскому союзу.

Опыт этот богат и разнообразен, причем в ряде случаев есть основания судить о реальной эффективности его применения на практике. Среди разнообразия правовых идей, работающих в данной сфере, необходимо выявить те, которые по ряду существенных критериев ближе к объективным реалиям именно Латвии. Так, вряд ли применим в Латвии по-своему интересный опыт такой бесспорно демократической страны, как Бельгия.

Модель регуляции межнациональных отношений в этой стране с точки зрения результата лишь сгладила их остроту, придала конфликту цивилизованные формы, но не устранила сам конфликт. Кроме того, бельгийский опыт деления страны на монолитные территориально-одноязычные зоны с разными государственными языками (исключение – федеральная столица Брюссель) вряд ли применим в Латвии с ее диффузным, некомпактным расселением представителей различных языковых групп.

Проблематично использовать в Латвии и опыт Дании (Фарерский архипелаг) и Финляндии (Аландские острова), где широчайшая языковая автономия предоставлена весьма специфическим, географически изолированным от основной части страны регионам.

Зато большой интерес, во взаимосвязи с латвийской ситуацией, представляет осмысление законодательной модели регулирования межнациональных отношений в Итальянской Республике, действующей в этой стране уже длительное время. Заметим, что, по единодушному мнению экспертов, итальянская конституционная модель в целом является одной из самых демократических в Европе.

На основании норм конституции Италии, принятой в 1947 году, вся территория итальянского унитарного государства делится на 20 автономных областей. В каждой из территориальных автономий населением избирается региональный парламент, обладающий известными правами в плане создания местного законодательства. Причем правовой статус автономных областей не одинаков. В случаях когда на территории автономии проживают представители этнических или лингвистических меньшинств, составляющие значительную часть населения, ее статус повышается. Это выражается в том, что он определяется не обычным законом Итальянской Республики, а конституционным законом. Данное обстоятельство придает дополнительную стабильность применяемым формам правового регулирования.

Таким образом, у общенационального законодателя появляется реальная возможность регламентировать правовое положение национальных меньшинств и официальный статус их языков не в отношении всей страны в целом, а гибко, применительно к каждому конкретному региону. Разумеется, в этом случае территориально-политическая автономия предоставляется не представителям определенной этнической

или языковой группы, а всему населению смешанного по национальной структуре региона. Это позволило итальянскому законодателю на длительное время отказаться от принятия единого закона, регламентирующего статус языковых меньшинств на всей территории страны.

Конституция Италии 1947 года всего лишь декларировала в ст. 6 необходимость сохранения и охраны этнических меньшинств и возможность создания территориальных автономий (ст.116 Конституции). А общие положения конституции конкретизировались и развивались в отдельных конституционных законах о статусе того или иного региона страны, а затем в принятых их законодательными ассамблеями (Советами автономий) нормативных актах.

Наиболее интересным для анализа представляется конституционный закон о статусе автономной области Трентино – Альто-Адидже и ее региональное законодательство. Эта автономная область находится на северо-востоке страны в приальпийской зоне. Ее население составляет около одного миллиона человек. Населяют регион преимущественно немецкоговорящие и италоговорящие итальянцы с небольшим численным перевесом последних. Расселение языковых групп носит в основном хаотический, чересполосный характер. Впрочем, в ряде субрегионов провинции Больцано немецкоговорящие жители численно доминируют.

Само наличие на территории Италии столь значительного немецкоязычного меньшинства связано с рядом драматических событий XX столетия. В первую очередь речь идет о политических последствиях I мировой войны. До ее завершения весь регион на протяжении многих столетий входил в состав Австрийской империи Габсбургов. Распад этого крупного имперского государства привел к тому, что регион Трентино-Альто-Адидже по Сен-Жерменскому мирному договору 1919 года вошел в состав Италии. Разумеется,

вместе с проживающим на его территории немецкоязычным населением.

В годы фашистской диктатуры, когда во главе государства находился Бенито Муссолини, немецкий язык в крае не имел официально признанного статуса. Топонимика региона италянизировалась, судопроизводство велось только на итальянском языке. Даже имена и фамилии местного населения указывались в официальных документах только в соответствии с нормами итальянского языка. Итогом явилось крайнее обострение отношений между соседствующими в крае итальянской и немецкой языковыми общинами.

Именно с этим столкнулся итальянский законодатель после падения диктатуры и окончания II мировой войны. Простого признания равноправия итальянского и немецкого языков было уже явно недостаточно. Поэтому итальянским центральным законодателем были приняты комплексные меры, направленные не только на немедленную стабилизацию межэтнических отношений в крае, но и на предотвращение тех конфликтов, которые могли возникнуть в будущем. В центре внимания общенационального итальянского законодателя оказалась, в частности, регламентация деятельности главных структур власти в автономии.

Согласно конституционному закону Трентино – Альто-Адидже совет автономии избирается населением региона на пятилетний срок. Независимо от результатов очередных выборов на первые два с половиной года деятельности совета его председателем должен быть избран депутат, принадлежащий к итальянской языковой группе. В то же время его первым заместителем должно стать лицо из числа немецкоязычных италянцев. Оставшуюся половину срока совет возглавляет немецкоязычный депутат, а его заместителем становится представитель италяязычной группы (ст. 30 Конституционного закона о статусе автономной области Трентино – Альто-Адидже).

Правила, жестко прописывающие подобную ротацию, имеют целью не допустить превосходства одной языковой группы над другой в регионе со смешанным по этническим критериям населением. Статус немецкого языка в этой части Италии приравнивается к статусу итальянского языка. Законодательные акты подлежат синхронной публикации на итальянском и немецком языках. Немецкоязычное население имеет право использовать родной язык во всех учреждениях государственного, областного и муниципального подчинения. При переписке и общении с частными лицами чиновники обязаны использовать язык заявителя.

Представляет интерес следующая правовая норма: если государственный служащий в силу своих функциональных обязанностей должен первым вступить в вербальный или письменный контакт с частным лицом, он обязан использовать предлагаемый язык адресата (ст. 100 Конституционного закона). Полицейская документация и судопроизводство ведутся как на немецком, так и на итальянском языках. При задержании или аресте гражданину гарантируется свободный выбор языка дознания или расследования.

Конституционный закон закрепляет существование в автономной области детских садов и школ как с итальянским, так и с немецким языками воспитания и обучения. Школы моноязычны. Преподавание ведется в них либо на итальянском, либо на немецком языках. При этом в немецких школах учебные планы с неизбежностью предполагают курс по углубленному изучению итальянского языка, а в итальянских школах обязательен курс немецкого языка. Интересно, что преподавать немецкий язык в итальянских школах или итальянский язык школах с немецким языком обучения имеют право только те преподаватели, для которых этот язык является родным (ст. 19 Конституционного закона). Успешная сдача экзамена по итальянскому языку в немецкоговорящих учебных заведениях и по немецкому языку в итальянских школах является не-

обходимым условием для получения диплома о завершении обучения.

Стремясь создать дополнительный «запас прочности» для мира между языковыми общинами и спокойствия в регионе, законодатель нередко идет на создание довольно неожиданных, хотя и логически оправданных, правовых норм. Так, с целью предотвращения возможных конфликтов предписывается привлекать к инспектированию и проверке качества обучения в немецких учебных заведениях провинции Больцано только лиц, для которых немецкий язык является родным. Аналогичное правило действует при проведении указанных процедур в итальянских школах. Близкая по содержанию норма действует при формировании экзаменационных комиссий в школах и дисциплинарных советов преподавателей.

В поле зрения конституционного законодателя попали и весьма специфические вопросы, связанные с региональной топонимикой. Изначально не вызывало сомнений, что названия улиц, площадей, населенных пунктов и географических объектов следует указывать на двух языках. Это обычная практика демократического государства в регионах с разноязычным населением.

Острые дискуссии вызывал другой вопрос – какое именно название населенного пункта, улицы, реки должно быть отражено в двуязычной надписи? Ведь итальянские и немецкие топонимы в крае часто не совпадали, а порой разительно отличались друг от друга. И это нередко провоцировало острые и массовые конфликты. Для их предотвращения была проведена целая серия малых «субрегиональных» референдумов, с целью выяснить позицию большинства населения по этим вопросам. В результате сложилась и была нормативно закреплена ситуация, когда в ряде случаев один и тот же природный объект (река, озеро, холм, горная гряда) в

северной, например, его части официально именуется на двух языках в соответствии с немецкой топонимикой, а в южной его части применяется название, привычное для носителей итальянского языка. При этом местная администрация в ходе общения с немецкоговорящими жителями обязана использовать только немецкую топонимику, а при контактах с италоговорящими – соответственно итальянскую (ст. 101 Конституционного закона).

В завершение краткого анализа законодательства региона следует указать, что регламенты представительных органов автономии исключают возможность принятия нормативных актов, ущемляющих интересы представителей той или иной языковой общности. Проект любого нормативного акта, затрагивающий существенные интересы одной из языковых групп, может быть процедурно блокирован избранными ею депутатами независимо от их численности в представительном органе автономии.

В целом итальянский опыт правовой регламентации межэтнических отношений, как правило, высоко оценивается специалистами в этой сфере и международными экспертами. В немалой степени это связано с практическими результатами его применения. Острота межэтнического противостояния в регионе резко снизилась. Мощные в недавнем прошлом политические группировки радикально-националистического характера утратили массовую социальную базу и превратились в тихие и сравнительно безобидные объединения типа «клубов по интересам». Процесс укрепления «политического единства Итальянской Республики, единой и неделимой» (ст. 1 Конституционного закона о статусе Трентино – Альто-Адидже) сделал крупный шаг вперед.

Экономика региона (по крайней мере до начала недавнего экономического кризиса) процветала. И сейчас она является одной из самых мощных и жизнеспособных, в сравнении с

другими областями Италии. В этом, кстати, могут наглядно убедиться многочисленные пассажиры туристических автобусов, следующих из латвийской столицы в Италию. Ведь с точки зрения транспортной логистики оптимальная траектория движения из Латвии в Италию наземным транспортом пролегает, минуя южную Германию, Австрию и альпийский перевал Бреннер, как раз через территорию итальянской автономной области Трентино-Альто-Адидже.

Хочется верить, что и латвийский законодатель рано или поздно проявит интерес к «итальянской траектории» правового регулирования межэтнических отношений. Лучше рано. Иначе будет поздно. Латентное развитие этнического конфликта, в случае если государственные структуры игнорируют сам факт его существования, гарантировано завершаются драматическими и опасными для общества потрясениями. И чем дольше государственная власть уклоняется от устранения вызвавших его причин, тем более острые, разрушительные формы этот конфликт в конце концов приобретает.

Литература.

1. *Италия. Конституция и законодательные акты.* / Под. ред. Туманова В. А. – М.: Прогресс, 1988.

2. *Национальный вопрос за рубежом. Правовые формы и практика регулирования межнациональных отношений. Исследования роли национального фактора в политике.* / Отв. ред. В. А. Александров – М.: Академия наук СССР. Институт государства и права, 1989.

3. *Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии.* / Отв. ред. Н. С. Крылова. – М.: Российская академия наук. Институт государства и права, 1993.

4. *Защита прав человека в современном мире.* / Отв. ред. И. А. Ледях – М.: Российская академия наук. Институт государства и права, 1993.

5. *Права человека и межнациональные отношения.* / Отв. ред. Е. А. Лукашева – М.: Российская академия наук. Институт государства и права, 1994.

6. *Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государственоведения.* М.: Российская академия наук. Институт государства и права, 1994.

7. *Губогло М. Н. Защита и самозащита национальностей.* В сборнике «Этнополитический вестник» № 4 (10) Москва «Этнополис» 1995 г.

8. *Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии.* / Бруно Коппитерс, Майкл Эмерсон, пер. с англ. – М.: Весь мир, 2005.

9. *Ожиганов Э. Н. Стратегический анализ политики. Теоретические основания и методы.* – М.: Аспект Пресс, 2006.

ОПЫТ ЗАЩИТЫ РУССКИХ ЦЕННОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

*Маргарита Дмитриевна Драгиле,
председатель правления международной молодежной
организации «ПЕРОМ», член правления Круглого стола русской
молодежи «ЛатРусМол»*

Результаты проведения сбора подписей по приданию русскому языку статуса второго государственного, который проходил в 2012–2013 гг. в Латвии, показали, что вопрос сохранения русского языка, даже в той жесткой, на наш взгляд, формулировке, которая была заявлена на референдуме – «внести поправки в статьи 4, 18, 21, 101 и 104 Конституции ЛР, объявляющие русский язык вторым государственным языком в Латвии наравне с латышским языком», – нашел мощный отклик среди русских граждан Латвии. В общей сложности на референдуме «за» проголосовало около 274 тыс. человек, что составляет 93–98% от числа русских граждан Латвии и почти 25% от всех участвовавших в референдуме граждан Латвии. При этом надо отметить, что в голосовании не приняло участие около 300 тыс. неграждан Латвии, для которых в большинстве своем русский язык является родным.

Акция защиты прав русского населения Латвии на русский язык «За родной язык» разворачивалась в соответствии с установленной законодательством ЛР процедурой по организации и проведению референдума, которая состоит из трех этапов:

- первый этап – сбор 10 тыс. нотариально заверенных подписей граждан Латвии об инициировании референдума по заявленным поправкам к конституции;

- второй этап – сбор 150 тыс. подписей граждан Латвии – 10% от последнего общего числа принявших участие в голосовании на выборах в Сейм республики;
- третий этап – всенародный референдум.

Первый публичный анализ деятельности инициаторов проведения референдума был проведен Полицией безопасности Латвии, и ему была посвящена целая глава в ее открытом отчете. На наш взгляд, это достаточно интересный подход к анализу деятельности защитников прав русских на использование родного языка, который его противниками был структурирован следующим образом:

- Хорошо организованная и скоординированная акция;
- Дисциплинированная акция, т. е. не нарушающая закона и не демонстрирующая разногласий в СМИ между разными участниками акции;
- Массовая акция, т. е. та, в которую была вовлечена большая часть русского населения Латвии;
- Информационно самодостаточная акция;
- Идеологически подготовленная акция;
- Политически ориентированная акция, поскольку, с точки зрения Полиции безопасности, часть граждан голосовали за русский язык на референдуме, выражая свой протест против существующего политического вектора развития страны. А также из-за того, что партия «Центр согласия», за которую проголосовало около 30% граждан Латвии в ходе выборов в Сейм 2012 году, не была включена во власть. Это русские граждане расценили как игнорирование их интересов представителями правящей элиты;
- Практико-ориентированная акция, т. к. часть жителей Латвии, по мнению авторов отчета, были уверены, что если русский язык станет государственным, им не надо будет учить латышский. Или улучшать его знания для использования в профессиональной и других сферах.

Возможно, это будет со стороны казаться странным, но такое структурирование деятельности защитников русского языка может быть расценено положительно. Положительно в том смысле, что если серьезные оппоненты расценили деятельность именно так, то, стало быть, разработанная и реализованная в акции «За родной язык» стратегия может быть использована и в других случаях в качестве модели деятельности по представлению интересов русского населения.

Представим наиболее важные, на наш взгляд, особенности проведения акции, чтобы эти наработки можно было широко использовать в практике по защите прав и представлению интересов русского населения на государственном и городском уровнях.

Организационная модель акции и координационная деятельность Комитета поддержки

Участие в организации процесса сбора подписей и проведении референдума показало, что практически рекордная активность представителей русской общины была организована двумя группами русских активистов:

- первая была ориентирована на радикально настроенную и в этническом, и в социальном плане аудиторию;
- вторая – ориентирована на ту аудиторию, которая в социальном плане была нейтральна, но была готова бороться за сохранение русских (этнических) ценностей.

Активистам по всей территории Латвии удалось провести успешную агитационно-пропагандистскую и информационную работу по мобилизации русского населения. Основными территориальными точками разворачивания акции стали места компактного проживания русского населения: Рига, Рижский район, Юрмала, Лиепая, Елгава и Латгалия (Даугавпилс, Лудза, Резекне, Екабпилс).

В каждом из регионов работали активисты и волонтеры, которые инициативно участвовали в акции.

Представим работу второй группы русских активистов – «Комитета поддержки акции «Родной язык» (Комитет):

Комитет состоял из следующих групп:

✓ Идеологическая группа, которая отвечала за разработку идеологии, т. е. поиск ценностных оснований у целевой аудитории, актуализируя которые можно было мобилизовать большую часть населения. Кроме того, идеологическая группа разрабатывала аргументы, которые пропагандировались в течение всей акции, и контраргументы на тезисы этнократической части правящей латышской элиты.

✓ Аналитическая группа, которая отвечала за анализ развития ситуации в течение всей акции. На основании результатов работы аналитической группы разрабатывались все основные решения, реализовывались стратегические действия, инициировались акции по раздаче листовок, проводился инструктаж активистов и др.

✓ Креативная группа отвечала за поиск новых решений по воплощению и визуализации идеологических основ акции. Продукты креативной группы использовались для мобилизации населения, для большего распространения информации.

✓ Группа по информационному обеспечению и сопровождению отвечала за разработку общей информационной кампании, стратегии подготовки и распространения информационных поводов, а также за использование «нестандартных» инструментов работы с информацией и донесения ее до целевой аудитории.

✓ Правовая группа следила за соблюдением законов ЛР как представителями власти (ЦИК, политики и др.), так и вовлеченными в акцию активистами. В ходе акции было подано 20 заявлений и исков в различные правовые институты.

✓ Организационная группа обеспечивала общее функционирование комитета и координацию всех групп и вовлеченных активистов в деятельность по реализации акции.

Идеологическая составляющая акции

Основные идеологические установки были разработаны исходя из представления участников идеологической группы о «портрете» представителя целевой аудитории.

Был разработан довольно широкий портрет, основные черты которого следующие:

- ✓ для этого человека родной русский язык должен представлять ценность;
- ✓ он должен быть готов к открытому заявлению о себе как о русском гражданине Латвии, требующем равных прав для себя и своей семьи.

Целью деятельности была мобилизация большей части русского населения Латвии, чтобы оно смогло открыто заявить: да, я русский гражданин этой страны и хочу, чтобы мои интересы были учтены при принятии государственных решений.

Перед идеологической группой также стояли задачи показать и доказать тем русским, которые сомневались в необходимости референдума, что их «русскость» – есть ценность, которую необходимо сохранять.

Анализ ситуации, результаты работы аналитической группы и обсуждения в идеологической группе привели к появлению ценностных основ акции «За родной язык», на основании которых и действовал Комитет поддержки. Эти ценности заключались в следующем:

- ✓ Сохранение родного языка – наш долг перед будущими поколениями и предками;
- ✓ Все жители Латвии имеют равные права на возможность сохранения и использования своего родного языка и культуры;
- ✓ Русские люди в Латвии – полноправные жители данной страны;
- ✓ Латыши + латгалы + русские = новая политическая нация латвийцев с равными правами для всех;

✓ Получая образование на родном языке, работая на родном языке – мы становимся более конкурентоспособными;

✓ Я законопослушный русский гражданин Латвии – имею право открыто заявлять свои права на родной язык и его использование.

Эти и другие идеологические установки легли в основу создания визуальных агитационных материалов, о которых подробнее будет описано ниже.

Обеспечение массовости акции

Деятельность по обеспечению массовости акции можно условно разделить на 3 периода:

✓ 1-й период – запуск акции – собрано более 10 тыс. голосов, необходимых для инициирования народного голосования;

✓ 2-й период – мобилизация русского населения для голосования на втором этапе сбора подписей – собрано более 150 тыс. подписей (с 1 по 30 ноября 2012 г.), т. е. более 10% граждан Латвии, необходимых для проведения вселатвийского референдума;

✓ 3-й период – мобилизация населения для участия в референдуме (18 февраля). На этом этапе, уже во многом за счет самоорганизации и самоорганизации русского населения, было собрано 274 тыс. подписей граждан.

В качестве основных инструментов мобилизации и обеспечения массовости были использованы:

✓ Разработка логотипа акции¹, целью которого было обеспечение узнаваемости Комитета и формирование определенного образа и смысла у представителей целевой аудитории.

¹Логотип акции доступен на сайте: <http://chestj-spravedlivostj.eu/ru/item/%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BF-%D0%B8-%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%80%D1%8B.html>

✓ Разработка и распространение визуально-наглядных материалов, таких как:

1. Листовки. Они разрабатывались с учетом развития ситуации. В течение всей акции были разработаны и распространены разные виды листовок, каждый для своего этапа акции, со своей функцией и своим способом воздействия на аудиторию.

2. Видеоматериалы². Среди них мультфильмы, социальный ролик и др. Они распространялись через интернет. Аналитической и креативной группами был проведен анализ мотивации голосования за русский язык людей разных социальных и возрастных групп. Результаты этих исследований легли в основу социального ролика, целью которого было побудить людей к участию в голосовании, предложить «сомневающимся» мотивацию, почему им стоит отдать свой голос за русский родной язык.

✓ Раздача листовок в местах скопления представителей целевой аудитории (массовые мероприятия и концерты в рамках фестиваля «Золотая маска» и др., около крупных магазинов и супермаркетов и др.). Раздачи сопровождались специальной подготовкой и инструктажем волонтеров.

✓ Разработка и распространение нового символа единой латвийской нации – ленточка-флаг, состоящая из трех цветов, олицетворяющих каждую нацию Латвии: синий (латгалы), зеленый (латыши), красный (русские).

✓ Проведение конкурса народного творчества³ «На злобу дня», в рамках которого нам были присланы песни, стихи и фото-карикатуры.

✓ Контроль за соблюдением правил и норм сотрудника ЦИК во время сбора подписей и проведения референдума⁵.

²Все видеоматериалы доступны на сайте: <http://chestj-spravedlivostj.eu/ru/category/%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE.html>

³Лучшие продукты народного творчества доступны на сайте: <http://chestj-spravedlivostj.eu/ru/frontpage/%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE.html>

Информационное обеспечение и сопровождение акции

Информационное обеспечение кампании было построено на нескольких площадках, вот три из них:

✓ Работа со СМИ, в т. ч. и электронными⁴

К сожалению, работа с русскими СМИ была затруднена. Русские СМИ, в большинстве своем, освещали ход акции в случаях заведомо выигрышных либо в случаях спонсорства или приказа «сверху». Спрогнозировать содержание информации, которая могла бы дойти до целевой аудитории, иногда было затруднительно.

Поэтому мы создавали свое информационное поле: для этого была разработана схема распространения «бюллетеней Комитета». В бюллетенях мы описывали новости Комитета, наши действия (о подаче исков в суды, о проведенных и планируемых акциях и др.), а также публиковали наши аналитические прогнозы, опасения и возможные риски, с которыми придется столкнуться, и др.

Эти материалы распространялись как через каналы СМИ, так и через свой сайт и интернет. Не все материалы попадали на страницы газет, но благодаря использованию сайта и возможностей интернета до определенной части аудитории они доходили.

✓ Работа в виртуальном пространстве с использованием возможностей социальных сетей.

В социальных сетях были созданы группы и страницы, посвященные акции, на которых постоянно отдельными активистами велось оповещение и информирование. Кроме того, в этих группах дублировалась вся информация с сайта Комитета и из всех СМИ (русских и латышских), таким образом, эти виртуальные площадки в социальных сетях становились местом компактной сборки всей информации и новостей о ходе акции.

⁴Основные информационные материалы доступны на сайте: <http://chestj-spravedlivostj.eu/ru/category/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.html>

✓ Прямое общение с аудиторией через блоги и форумы на наиболее крупных информационных порталах и форумах Латвии.

Любой материал, посвященный вопросу акции сбора подписей за русский язык, опубликованный на интернет-порталах и новостных сайтах, будь он на латышском или русском языке, не оставался незамеченным. Поэтому Комитетом было принято решение о «включении» наших активистов в обсуждения на форумах с целью реформативного понимания людей об акции и мотивирования к участию в референдуме. Именно через этот канал общения с аудиторией распространялись идеологические и ценностные установки акции, отрабатывались и внедрялись контраргументы при общении с нашими оппонентами.

Основные выводы

Сбор подписей и референдум за придание русскому языку статуса второго государственного обозначили наличие русской общины как общности людей, готовой встать на защиту своей ценности – родного языка. Акция стала общественной и объединяющей: к акции присоединился «русский бизнес», люди делали пожертвования, общественные организации разной направленности предлагали свои услуги и др.

На 3-м этапе сбора подписей – перед референдумом – организаторы были вынуждены противостоять давлению со стороны государственного административного ресурса, который был использован для мобилизации латышского населения по голосованию на референдуме против русского языка как второго государственного.

Латышскому населению внушалось, что если русский язык станет вторым государственным, то латышскому языку и культуре грозит опасность. Мобилизация латышского населения осуществлялась следующим образом:

- открытая агрессивная агитационная реклама против русского языка (листовки, билборды, специализированные печатные издания и др.);
- радио- и телевизионные передачи на государственном телевидении, к участию в которых представители инициаторов референдума не допускались;
- националистические заявления высокопоставленных представителей правящей элиты;
- привлечение авторитета высших иерархов католической (для латгалов) и лютеранской (для латышей-балтийской) церквей, использование церковных амвонов для негативной оценки требований русского населения предоставить ему права свободно использовать свой родной язык;
- предоставление трибуны в СМИ «карманным русским», которые проповедовали идею добровольного отказа от национальных ценностей, преимуществ добровольной ассимиляции. Практиковалось приглашение антирусски настроенных общественных деятелей из-за границы (В. Новодворская, К. Боровой).

На осуществление антирусской пропаганды были выделены средства из государственного и муниципальных бюджетов. Из них покрывались затраты на создание средств пропаганды, оплачивалось эфирное время, выплачивались гонорары «карманным русским».

Итоги референдума могут быть расценены следующим образом:

- Для русских сохранение родного языка является одной из важнейших ценностей, ради которой они готовы участвовать в массовых протестных действиях.
- Для латышей – открытые действия русских в правовом пространстве по сохранению родного языка и культуры являются фактором консолидации на основании чувства опасности, относительно угрозы сохранения латышской культуры, потери латышского языка и страха утраты независимости государства.

- Борьба за сохранение русского языка вызывает опасение и боязнь у представителей титульной элиты, которая ретранслирует ее в гипертрофированном виде в массы латышского населения. Правящими движением русских за гражданские права рассматривается как угроза безопасности и независимости Латвийской Республики, усиления влияния в ней России.

Правящая латышская элита в отношении русских проводит политику интеграции, которая должна осуществляться только на базе латышского языка и латышской культуры. Если внимательно проанализировать варианты программ интеграции, то видно, что в них очень сильны ассимиляционные элементы, которые являются неприемлемыми для большинства русского населения.

Эти элементы ведут к ущемлению прав русских жителей Латвии следующим образом:

- Сокращаются возможности получения образования на русском языке;
- Снижаются возможности использования русского языка в профессиональной и общественной сферах;
- Создан и сохраняется институт негражданства;
- Русская молодежь практически исключена из молодежной политики муниципалитетов и страны.

Отдельно следует выделить следующие формы давления на активистов русского движения за права своего этноса:

- На активистов-бизнесменов оказывается давление посредством проведения специальных налоговых, языковых, трудовых проверок, во время которых прямо предлагается прекратить их деятельность во избежание репрессий. Те, кто не внемлет этим предупреждениям, штрафуются, лишаются возможности получать государственные заказы, арендовать у государства площади, теряют крупных частных клиентов;
- Активисты лишаются возможности получить грантовую поддержку на реализацию общественных проектов,

включаться в общественные и политические проекты для ведения общественной деятельности;

- Активистов дискредитируют путем включения в негативном контексте в отчеты Полиции безопасности, о них создаются заказные видеопередачи скандального характера на государственном телевидении, регулярно делаются порочащие их публикации в латышских СМИ. Права давать опровергающую информацию в латышских СМИ они не имеют;

- Против активистов возбуждают уголовные дела по надуманным поводам, которые ведутся годами и потом закрываются в результате «отсутствия состава преступления» в их действиях. Немедленно возбуждаются новые уголовные дела по столь же надуманным поводам. Эти действия направлены на возбуждение страха среди их возможных последователей.

Несмотря на репрессии со стороны государства, после референдума отдельные активисты и организации русского населения продолжают вести проекты по сохранению русского языка. Среди них были такие, как:

- Инициация дублирования названий улиц на русском языке в местах компактного проживания русского населения;

- Вписывание в паспорт отчества, что является обычаем для русского населения;

- Использование явочным порядком русского языка в судах, в самоуправлениях в местах компактного проживания русского населения.

В настоящее время массовых акций по сохранению языка и анти-интеграционной политики не ведется, вышеупомянутые акции существенно не влияют на изменение ситуации и последствия их пока сложно спрогнозировать. Активность русского населения временно переместилась в сферу борьбы за ликвидацию института массового безгражданства. Был создан Конгресс неграждан, избран Парламент непредставленных.

Субъекты, представляющие интересы русских жителей Латвии, для повышения эффективности своей общественной и политической деятельности постоянно должны следить за развитием ситуации, анализировать и прогнозировать те тенденции, которые могут каким-то образом «повлиять» на ценностную основу жизни русского населения Латвии. Сохранение системы ценностей русскими жителями Латвии есть основа для сохранения и развития русского языка и культуры в Латвии. Опыт показывает, что только при профессиональной деятельности по защите ценностной составляющей, которая является общей для большинства русских, возможна поддержка активистов со стороны масс русского населения.

Приложения

Логотип Комитета поддержки акции

Лента-флаг Единой латвийской нации

Вы за русский язык как второй государственный?

Да!

На 2011. gada 1. novembra līdz 30. novembrim notiks parakstu vākšana likumprojekta «Izmaiņu Latvijā» Republikas Saeimā ierosināšanai.

Parakstu vākšanai nodotie grozījumi parēdē grozīti 4., 18., 21., 101. un 104. pantā, iekļaujot tajā nosacījumu par krievu valodu kā otro valodu valstī.

Parakstīties par Saeimas grozījumu projektu vārdāji varēs raksturot noteiktā parakstu vākšanas vietās.

С 1 по 30 ноября 2011 года пройдет сбор подписей за законопроект «Поправки в Сaeиме Латвийской Республики».

Подписать за законопроект поправки Saeиме избирать смогут в пунктах сбора подписей, организованных самоуправлением.

No 2011. gada 1. novembra līdz 30. novembrim notiks parakstu vākšana likumprojekta «Izmaiņumi Latvijas Republikas Saeimā» ierosināšanai.

Parakstu vākšanai nodotie grozījumi parādē grūzēti 4., 18., 21., 101. un 104. pantā, iekļaujot tūmā nosacījumu par krievu valodu kā otrā valodu valstī.

Parakstoties par Saeimas grozījumu projektu vārdāji varēs raksturot noteiktajās parakstu vākānās vietās Latvijā.

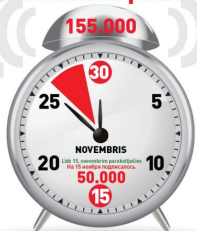
<http://rodnoj-jazyk.lv>

Вы за русский язык как второй государственный?

Да!

Твой голос станет решающим!

5 причин, почему надо подписаться за русский язык:

- У это наша культура и ценность
- У это наша страна
- У это будущее наших детей и внуков
- У это более 300 тысяч наших неграждан
- У это наше достоинство как граждан Европы

МЫ БОРЕМСЯ ЗА ВАС И ВМЕСТЕ С ВАМИ!

Новая информация на сайте www.rodnoj-jazyk.lv:

- Адрес и время работы пункта сбора подписей
- Какую народную творчество «Юмором по добелужу»
- Ответы на ваши вопросы и приглашения

Следите за «Родной языком» в прямом эфире по вторникам и четвергам с 14 до 15 на радио ПИК. Телефон для справок и вопросов: 25 665 410

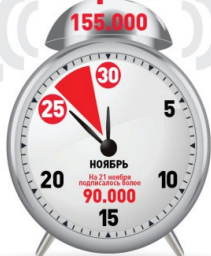
Материалы

Подпишись за русский язык!

Да!

Твой голос решающий!

5 причин, почему надо подписаться за русский язык:

- У это наша культура и ценность
- У это наша страна
- У это будущее наших детей и внуков
- У это более 300 тысяч наших неграждан
- У это наше достоинство, как граждан Европы

МЫ БОРЕМСЯ ЗА ВАС И ВМЕСТЕ С ВАМИ!

Новая информация на сайте www.rodnoj-jazyk.lv:

- Адрес и время работы пункта сбора подписей
- Какую народную творчество «Юмором по добелужу»
- Ответы на ваши вопросы и приглашения

Следите за «Родной языком» в прямом эфире по вторникам и четвергам с 14.00 до 15.00 на радио ПИК. Телефон для справок и вопросов: 25 665 410

Комитет за честность и справедливость*

**18 февраля 2012 года
голосуй за справедливость!**

За родной язык

*справедливость — истина в действии

www.rodnoj-jazyk.lv, info@rodnoj-jazyk.lv
Тел. 25 661 054

прямой эфир на радио ПИК — вторник 14.00-15.00

СТРАТЕГИЯ ПОБЕДЫ В ДЕЛЕ КАЗАКОВА. ДЕЙСТВИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ЭТНИЧЕСКОГО ДОМИНИРОВАНИЯ

Елизавета Кривцова, юрист, правозащитник, Латвия

Дело о выдворении из Латвии лидера Штаба защиты русских школ Александра Казакова – это первое дело на территории бывшего СССР, когда решением суда человек был исключен из списка нежелательных лиц. Это дело интересно и тем, что раскрывает юридические механизмы функционирования этнической демократии и показывает их границы. Автор статьи разработала стратегию правовой защиты, соединяющую в себе как юридические, так и политические элементы, и в течение нескольких лет удачно реализовала эту стратегию в ряде судебных процессов по делу Казакова.

Под этнической демократией в данной статье понимается такое устройство государства, когда при наличии внешних признаков демократии – регулярных выборов, свободной прессы, независимой судебной системы, более или менее равноправного положения полов, законодательства в области прав человека, внутри система является недемократической в основном потому, что обеспечивает власть только одного этноса, а не совокупности людей, населяющих данную территорию. Такие режимы направлены на этническое доминирование одной группы и ущемление коренных народов и национальных меньшинств. Меньшинства в таком режиме воспринимаются в лучшем случае как чужеродный элемент этнонационального проекта, а в худшем случае как враждебный элемент и опасность существованию государства.

(Towards a theory of ethnocratic regimes, Oren Yiftachel and As'ad Ghanem // Eric P. Kaufman, Rethinking ethnicity, 2004, UK-USA-Canada).

Обвинения против Александра Казакова были построены на заключении компетентных органов, что деятельность, направленная на защиту преподавания на русском языке представляет опасность для латвийского государства. Общественная деятельность Казакова была связана с запланированным на 1 сентября 2004 года вступлением в силу изменений в Законе об образовании о прекращении преподавания на русском языке (языке нацменьшинств) в публичных школах. Приближение этого срока привело к возникновению массового протестного движения, был создан Штаб защиты русских школ, в протестных акциях которого участвовало более 50 тысяч человек. Александр Казаков был одним из лидеров этого движения. В результате протестов был достигнут ни одну из сторон до конца не удовлетворивший компромисс, что 40% предметов может преподаваться на языке нацменьшинств, а также введены некоторые послабления и переходные положения.

В разгар общественно-политического противостояния в 2004 году против активистов Штаба защиты русских школ проводились усиленные проверки со стороны всех государственных ведомств. Репрессии против Александра Казакова были реализованы за счет иммиграционного права, используя тот факт, что несколько лет назад негражданин Казаков принял российское гражданство. 3 сентября 2004 года, спустя два дня после проведения самой масштабной акции в защиту русских школ, работник Полиции безопасности пригласил Александра Казакова для дачи некоторых пояснений. Казаков добровольно пришел в полицию, где был задержан и спустя 6 часов конвоирован на российско-латвийскую границу и выдворен из страны.

Хронология событий

Казаков родился в 1965 году в Латвии, работал журналистом в Риге. Во времена Атмоды был активным сторонником латвийской независимости. В 1991 году, как и все потомки лиц, прибывших в Латвию после второй мировой войны, был лишен гражданства и стал негражданином Латвии. Спустя 10 лет, в 2001 году принял гражданство России и получил вид на жительство в Латвии. В 2004 году включился в борьбу за русские школы.

1-го сентября 2004 г. прошла самая массовая демонстрация в защиту русских школ. 2 сентября министр внутренних дел принимает решение, сообщить Казакову, что с мая этого года он включен в черный список лиц, кому запрещен въезд в Латвию. В тот же день, ссылаясь на решение министра, и припомнив, что несколько недель назад у Казакова умерла жена, брак с которой был основанием на выдачу вида на жительство, Управление дел гражданства и миграции (УДГМ) аннулирует его вид на жительство. 3-го сентября. Полиция безопасности вызывает Казакова дать некоторые пояснения по его публикациям. После получения пояснений полиция никакого процессуального решения не принимает, но передает Казакова в руки Пограничной службы. Пограничная служба отвозит Казакова в таможенную зону Рижского торгового порта, где констатирует, что он находится в пограничной зоне без разрешения на въезд в Латвию. На этом основании пограничники задерживают Казакова, и УДГМ принимает решение срочно выдворить нарушителя. Ночь Казаков встречает на российско-латвийской границе.

Дело, очевидно, сфабриковано, но после того как Казаков оказался по другую сторону границы, вернуться в Латвию он не может из-за нахождения в черном списке. Соратники

Казакова решают использовать правовые методы защиты от произвола государства и приглашают взяться за это дело юриста Елизавету Кривцову.

Юридическая сторона

Правовой основой выдворения из страны было решение министра внутренних дел о включении Казакова в черный список лиц, кому запрещен въезд в Латвию. По закону условием принятия решения о немедленном выдворении являлось отсутствие разрешения на въезд, наличие письменного заключения об угрозе государственной безопасности Латвии, задержание нарушителя государственной границы. Эти требования были выполнены следующими последовательными решениями:

- Решение Министра внутренних дел о включении Казакова в черный список, 2 сентября;
- Решение Управления гражданства и миграции об аннулировании вида на жительство, 3 сентября;
- Задержание Казакова Государственной пограничной службой, 3 сентября;
- Решение Управления гражданства и миграции о принудительном выдворении, 3 сентября;
- Незамедлительное исполнение Государственной пограничной службой решения о выдворении, 3 сентября.

О многом говорит сам факт столь скоординированного действия различных служб, которые принимают решения, формально требующие от их руководителей глубокой оценки ситуации для принятия столь жестких мер, в течении нескольких часов. Более того, некоторые решения были приняты заранее, так как было фактически невозможно в столь короткое время доставить требуемые законом оригиналы из одного учреждения в другое.

Стратегия и тактика защиты

Стратегия защиты Казакова состояла в том, чтобы разоблачить цепочку процессуальных действий по выдворению на составные части и признание хотя бы одного из этапов противоправным. Изначально закон не предусматривал возможности обжаловать решение министра внутренних дел о включении в черный список. Такая возможность появилась только в конце 2005 года, когда, выполняя решение конституционного суда по другому делу, парламент ввел специальную процедуру обжалования таких решений сразу в Верховном суде.

Поданные в 2004 году иски были нацелены на два слабых звена - задержание Казакова и принятие решения о выдворении. Тем не менее, обжалованы были все процессуальные действия, что обеспечило защите пространство для маневра и требовало от противоположной стороны постоянной координации действий. В реальности же такой координации между учреждениями не происходило и факты, признанные одним учреждением, могли быть использованы в параллельных процессах против другого учреждения. В результате дело о защите Казакова было разделено на пять отдельных дел, выигрыш каждого из которых вызывал бы эффект домино. В сентябре 2005 года эта стратегия начала приносить первые плоды при рассмотрении дела о задержании Казакова пограничной службой.

Задержание Казакова было третьим процессуальным действием, предшествующее выдворению. Доставив Казакова в таможенную зону Рижского торгового порта, пограничная служба задержала Казакова для выяснения личности. Однако в свете того, что пограничники получили Казакова от Полиции безопасности, то для выяснения личности не было ничего проще, как спросить у коллег, кого и зачем они передают. Кроме того, административное задержание допустимо только в случае подозрений в совершении административно-

правового нарушения. Подозревать же Казакова, насильно перевезенного пограничниками в таможенную зону, в виновном нарушении государственной границы было бы высшей мерой абсурда. Поэтому пограничная служба формально закончила задержание по выяснению личности и задержала Казакова как незаконно прибывшее в Латвию лицо, представляющее угрозу государственной безопасности. Однако в суде пограничную службу ждало разочарование, так как для такого задержания по закону необходимо наличие письменного заключения Полиции безопасности о наличии угрозы безопасности. Такого заключения в деле не было, Полиция безопасности дала пограничниками лишь устные указания. Задержание Казакова стало трещать по швам и, в конце концов, было признано незаконным. Признание всех последующих действий незаконными стало лишь вопросом времени.

После появления в конце 2005 года возможности обжалования решения о включении в черный список, основные усилия были переключены на это решение, так как именно оно не давало возможности Казакову вернуться в Латвию. В соответствии с новыми процессуальными правилами 8 октября 2005 года Министр внутренних дел издал повторное решение о внесении Казакова в черный список, в котором подтвердил обоснованность решения от 2 сентября 2004 года. В декабре 2005 года защита подала заявление в Верховный суд, в котором настаивала, что включение в список было продиктовано исключительно политическими мотивами и отсутствии реальной угрозы государственной безопасности.

Сложностью в этом деле был режим государственной тайны. Защита не имела представления, что вменяется в вину Казакову, за что он был включен в черный список, а затем выдворен из страны. В своем решении министр ссылаясь на заключение Полиции безопасности об угрозе государственной безопасности. Долгая переписка со всеми

инстанциями секретных служб, а затем надзирающей за ними прокуратурой не дали результата. Поэтому защита использовала закрепленный в законе принцип, что публично доступная информация не может быть предметом государственной тайны. Представители Казакова самостоятельно собрали и передали суду досье на Казакова, предложив обсуждать опасность Казакова на основании этих материалов. Неожиданно на заседании суда в феврале 2006 года Полиция безопасности заявила, что материалы об угрозе государственной безопасности секретной информации не содержат, и представителям заявителя было разрешено с ними ознакомиться, подписавшись о неразглашении конфиденциальной информации. Соблюдая обязанность неразглашения, скажем только, что материалы представляли из себя анализ публичных выступлений Казакова.

Но и без раскрытия «секретных материалов», суть опасности озвучил тогдашний премьер-министр Индулис Эмсис, с его слов угрозой является общественно-политическая деятельность Казакова, ставящая своей целью укрепление русской общины Латвии, развитие двухобщинного государства, а также заявления о возможности этнического конфликта в Латвии и выдвижение целей, требующих некоторых конституционных изменений. Отметим, что ничто из этого не являлось нарушением закона и относилось исключительно к сфере распространения политических убеждений. Таким образом, в полном соответствии с теорией этнической демократии угрозой государству была признано усиление политических позиций другой этно-лингвистической группы населения.

Несмотря на явный политический характер заключения Полиции безопасности, суд не дал этому правовой оценки. Суд отменил решение министра на основании серьезного процессуального нарушения – того факта, что при принятии запрета на въезд в Латвию не были приняты во внимание и

оценена соразмерность ограничения права на частную жизнь Казакова, родившегося и прожившего всю свою жизнь в Латвии. Суд обратил внимание, что у Казакова в Латвии остается престарелая мама.

Политически Верховный суд находился перед трудным выбором – сохранить отношения с политической властью, но быть признанными необъективными на европейском уровне, либо сохранить независимость суда, но принять осложнение отношений с исполнительной властью. Понимая эту ситуацию, формулировки защиты с самого начала были заточены под жалобу в Европейский суд по правам человека. К чести латвийского суда он пошел по второму сценарию, подвергшись после принятия решения острой критике со стороны премьер-министра Айгара Калвитиса.

Надо отметить, что защита Казакова постоянно сталкивалась с политическим противодействием в использовании правовых механизмов. После того, как Казаков обжаловал нарушения в процедуре выдворения, эта процедура была существенно упрощена и впредь такие жалобы стали невозможны. После подачи жалобы в Верховный суд, законодатель срочно изменил процедуру судебного рассмотрения. На просьбу ознакомиться с материалами суда, законодатель ответил ужесточением процедуры допуска к секретной информации. На каждый удачный ход защиты, законодатель определял, что такую просьбу впредь подавать нельзя. Поэтому стратегически правильным оказалась ставка на принцип судебного контроля над исполнительной властью, а не на казуистику закона. Для окончательного решения вопроса законодателю пришлось бы полностью отказаться от судебного контроля над исполнительной властью, что означало бы ликвидацию одного из столпов демократии.

После решения Верховного суда об исключении Казакова из черного списка министр иностранных дел присвоил Казакову статус персоны нон грата, определённой Венской

конвенцией о дипломатических отношениях, как если бы Казаков был дипломатом, обладающим иммунитетом против латвийских законов. Это еще раз подтвердило, что решение о включении в черный список и выдворении Казакова было чисто политическим и подвести деятельность Казакова под нарушение какого-нибудь закона невозможно. Таким образом, объектом защиты государства было этническое доминирование и властные позиции одной из групп многонационального народа Латвии.

Заключение

Этническая демократия вынуждена балансировать между двумя принципами – обеспечением доминирования определенной этнической группы и функционированием демократических институтов. Как отмечают исследователи, этническое доминирование в многонациональной демократической стране всегда приводит к искажению и деградации самой идеи демократии и прав человека, дискриминационные практики начинают применяться и по отношению к неудобным группам доминирующего этноса. В свою очередь осознание этих процессов и привнесение их в публичную дискуссию приводит в действие внутренние противоречия и ведет к расшатыванию этнократического режима. (*Towards a theory of ethocratic regimes, Oren Yiftachel and As'ad Ghanem // Eric P. Kaufman, Rethinking ethnicity, 2004, UK-USA-Canada*).

Описанные в статье юридические практики обеспечения этнического доминирования продолжают использоваться и по сей день. Следует отметить доктрину ядра конституции, которая была разработана в связи с попытками запретить проведение референдума о втором государственном языке, состоявшегося 18 февраля 2012 года. Сутью этой доктрины является, что носителем суверенитета являются этнические латыши, а национальные меньшинства лишь позже присое-

динились к латышскому этно-национальному проекту и не имеют права вносить в него какие-либо изменения. Доктрина ядра конституции была применена как юридический аргумент в решении Центральной избирательной комиссии от 1 ноября 2012 года, в котором комиссия отказалась начать процедуру сбора подписей под законопроектом 12 тысяч избирателей об автоматическом принятии в гражданство латвийских неграждан. В момент написания этой статьи идет дискуссия о необходимости дополнения принятой в 1922 году либерально-демократической конституции преамбулой, которая закрепит этно-национальный характер латвийского государства и легитимирует этническое доминирование.

В такой ситуации на первый план выходит необходимость создания единой политической нации как территориальной совокупности жителей, являющейся носителем суверенитета. Основание для национальной солидарности должно быть найдено путем заключения общественного договора, а не навязано со стороны одной из групп. Кроме того, необходимо развивать современные формы демократии, чтобы вернуть людям возможность принимать решение о себе, общем будущем и совместной жизни в стране.

ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОДДЕРЖКИ РЕФЕРЕНДУМА О СТАТУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЛАТВИИ

магистр права Елена Вячеславовна Бачинская, Латвия

18 февраля 2013 года в Латвии состоялся референдум. На народное голосование был вынесен весьма болезненный вопрос о придании русскому языку статуса второго государственного. Болезненность этого вопроса была обусловлена большим количеством населения, для которого русский язык является родным или используемым в ежедневном общении.

Фактически русскую устную речь в Латвии понимают 90–95% населения страны, говорит на русском языке только чуть меньше, для 40% он является родным. При этом вопреки законам Латвии, утверждающим, что русский язык в Латвии является иностранным, практически в каждом государственном учреждении при устном обращении вам постараются ответить на русском языке. Исключение составляют те 5–10% национал-радикально настроенных граждан, которые считают, что Латвия только для латышей и инородцам в ней не место. Да и то, их позиция в языковом вопросе является чистой воды спекуляцией, поскольку, громко говоря о латышских ценностях, они легко готовы отказаться от национальной валюты ради евро, отдают своих граждан в руки американского правосудия, невзирая на решения Европейского суда по правам человека о том, что такая процедура недопустима в отношении гражданина Латвии, а следовательно, и гражданина Европейского союза, не возражают против массовой эмиграции латышей на Запад.

Для того чтобы сделать русский язык вторым государственным в Латвийской Республике, необходимо было

внести изменения в статью 4 действующей конституции Латвии, которая гласит, что государственным языком Латвийской Республики является латышский язык.

Согласно статье 78 конституции Латвии такие изменения к действующему основному закону имеет право инициировать одна десятая часть избирателей. Поправки подаются президенту, который в свою очередь обязан передать их Сейму Латвии. В случае если Сейм не принимает данные поправки без изменений по содержанию, то они передаются на народное голосование (референдум).

Однако данному шагу предшествует еще одна правовая процедура. Согласно части первой статьи 22 закона «О народном голосовании, инициировании законов и инициатив граждан Европы» под данным законопроектом необходимо предварительно собрать как минимум 10 000 нотариально заверенных подписей граждан.

Таким образом, весь процесс проведения референдума можно условно разделить на три этапа: первый – сбор 10 000 нотариально заверенных подписей граждан, осуществляемый инициаторами за свой счет; второй – после подачи собранных подписей в Центральную избирательную комиссию она организует за средства бюджета сбор подписей 1/10 части избирателей; и третий этап – собственно референдум, если парламент не утверждает законопроект, переданный избирателями через президента.

На каждом этапе сбора подписей и голосования правящая латышская элита неоднократно нарушала права латвийских граждан, прежде всего их русской части, на проведение референдума и поэтому потребовалось организовывать их защиту. Эта правовая защита проводилась с момента оформления инициативы до проведения собственно референдума. Тактика борьбы с ущемлением прав и свобод латвийцев различались на каждом из этапов проведения референдума.

Для первого этапа был характерен отказ ряда нотариусов осуществлять заверку подписей граждан под подготовленным инициаторами референдума законопроектом. Отказ не носил официального характера и не был оформлен письменно – нотариусы просто ссылались на то, что они заняты на многие недели и месяцы вперед. Причиной такого поведения было то, что нотариусы являются государственными чиновниками и по своему этническому составу, практически исключительно, латыши. Оказалось, что личные этнические предпочтения для ряда нотариусов стоят выше их служебных обязанностей и профессионального долга. При этом необходимо отметить, что процесс заверки подписей для нотариусов является весьма доходным видом деятельности. Таким образом, государственные чиновники-латыши были готовы даже пожертвовать своими доходами ради сохранения за русским языком статуса иностранного.

Инициаторы проведения языкового референдума обратились с жалобой в

Совет присяжных нотариусов Латвии на непрофессиональное поведение ряда ее членов. К чести руководства Совета, он провел соответствующую разъяснительную работу среди нотариусов, и проблема была практически снята.

В итоге необходимое число подписей для завершения первого этапа было собрано. Нотариально заверенных подписей инициаторы референдума собрали даже не 10 000, а 12 533, поскольку были опасения, что часть подписей могут по техническим причинам признать недействительными. Первый этап референдума был проведен практически за месяц. Законопроект получил очень большую поддержку со стороны избирателей.

Наиболее сложным для всех юристов, работавших в рамках инициативной группы по проведению референдума, и автора данной статьи в том числе, был второй этап сбора подписей, который организовывала Центральная избирательная комис-

сия. Во-первых, данный этап длился целый календарный месяц, во-вторых, весь процесс организовывала Центральная избирательная комиссия (ЦИК), которая была политически сильно ангажирована и которая умышленно допускала множество правовых нарушений.

Прежде всего, юристам инициативной группы пришлось готовить большое количество жалоб в ЦИК в отношении числа и месторасположения участков для голосования. В отличие от традиционно определяемых при организации выборов в Сейм и муниципалитеты, участки для голосования в рамках второго этапа языкового референдума находились в непривычных для избирателей местах, а время их работы было неудобно для работающего населения. Количество участков по сбору подписей должно было соответствовать положению части второй статьи 7 закона «О народном голосовании, инициировании законов и инициатив граждан Европы» – на 10 000 избирателей хотя бы одно место, где они могут подписаться. ЦИК в ряде мест соблюдения установленной нормы не обеспечил.

Наряду с правонарушениями, носящими административный характер, были и правонарушения, наказание за которые предусмотрены Уголовным законом Латвии. Таковым является сознательное препятствие к осуществлению голосования на законно организованном народном голосовании. Выражалось данное преступное деяние, определенное статьей 90 Уголовного закона Латвии, в том, что члены участковых избирательных комиссий закрывали участки в указанное для них рабочее время и/или при помощи охраны в тех местах, где она была, дезориентировали или даже запугивали потенциальных подписантов.

Инициативная группа осуществляла практически круглосуточный мониторинг ситуации на избирательных участках. Она принимала звонки от населения и по полученным данным оперативно разрабатывала необходимые инструкции

по тому, как фиксировать нарушения и реагировать на них. Факты нарушений на избирательных участках доводились до общественности. Одновременно подавались письменные жалобы в ЦИК. В результате все нарушители были вынуждены подчиниться требованиям закона. Однако ни уголовные, ни административные дела против нарушителей так и не были заведены, виновные в нарушениях закона чиновники даже не получили публичного порицания со стороны своего начальства.

Следует отметить, что юристам инициативной группы пришлось столкнуться и с фактами запугивания избирателей по месту их работы. Начальство на работе запугивало подчиненных, что если оно увидит в их паспорте отметку об участии в сборе подписей за русский язык (латвийское законодательство предусматривает проставление такой отметки в паспорт подписанта), то им придется искать другое рабочее место. Были случаи реального увольнения с работы лиц, подписавшихся под законопроектом о присвоении русскому языку более высокого статуса. Конечно, руководство предприятий не указывало в приказах, что причиной увольнения сотрудника является его участие в сборе подписей за русский язык как государственный. Поэтому доказать, что человека преследовали за его убеждения и уволили незаконно, было невозможно. Тем не менее, пострадавшим работникам юристы-добровольцы из инициативной группы оказывали правовую поддержку.

Следует отметить, что правозащитникам в течение второго этапа проведения референдума удалось заставить ЦИК и подчиненных ему чиновников выполнять требования закона. Сделано это было за счет систематической работы по подаче жалоб и исков, инструктирования избирателей и придания публичности фактам нарушения закона. Русское население, а именно оно и было активной стороной в инициировании законопроекта, на деле убедилось, что его интересы могут

быть хоть отчасти защищены в рамках правового поля Латвийской Республики.

Для третьего этапа – подготовки и собственно проведения референдума – были характерны такие правонарушения, как массовое оскорбление чести и достоинства русского населения, а в отдельных случаях откровенная клевета как в адрес этноса в целом, так и в адрес отдельных личностей, а также разжигание в обществе национальной, этнической и расовой ненависти.

Эти правонарушения совершали не только простые граждане, но и общественно значимые фигуры и даже первые лица государства. В рамках спора о языковом вопросе они не считали необходимым придерживаться политкорректной риторики. Оскорбления в адрес инициаторов референдума и их сторонников сыпались как из рога изобилия. Ради мобилизации латышского электората политики обвиняли инициаторов референдума в государственной измене, в неуважении к государству и лежащим в его основе латышским ценностям. Некоторые депутаты Сейма предлагали лишать подписантов гражданства, что, конечно, юридически сделать было нельзя.

На волне пропагандистской кампании против предоставления русскому языку статуса второго государственного руководителя правящего партийного объединения «Единство» и Национального объединения «Все Латвии! – ТБ-ДННЛ» постоянно выходили за рамки действующего латвийского законодательства. Ведь для первых сохранение монопольного права на государственный язык за латышским было вопросом удержания власти, для вторых – смыслом их существования. Отдельно в данном контексте следует отметить неприглядные действия премьер-министра Латвии В. Домбровскиса, который неоднократно оскорбительно высказался об инициаторах референдума и лицах, их поддерживающих. В день проведения самого референдума он обзывал их маргиналами

и призывал латышей голосовать против предоставления русскому более высокого правового статуса. И это при том, что по латвийскому законодательству агитация в день голосования строго запрещена и ее ведение наказывается обычно большими денежными штрафами. Не отставала от премьер-министра с русофобскими высказываниями и спикер Сейма Солвита Аболтиня.

Откровенно русофобские высказывания руководителя объединения «Все Латвии! – ТБ-ДННЛ» Райвиса Дзинтарса в один момент достигли совершенно неприемлемого порога и задели автора статьи за живое. Так как Р. Дзинтарс является депутатом действующего парламента Латвии, пришлось обратиться в комиссию по мандатам, этике и заявлениям с требованием рассмотреть его высказывания на предмет оскорбления русского населения Латвии, а также на предмет разжигания ненависти на национальной и этнической почве. В полученном от председателя этой комиссии письме было указано: «Депутатов избирает народ Латвии прямыми выборами. Однако народ Латвии не имеет права жаловаться на поведение депутатов Сейма в созданную в нем комиссию. Такое право имеют только депутаты Сейма». Т.е. права народа Латвии в отношении депутатов ограничиваются только походом к урне в день голосования.

Отдельно следует отметить такой вопиющий факт, что члены Центральной избирательной комиссии, являющиеся одновременно представителями партии «Единство», открыто агитировали латышских избирателей голосовать против присвоения русскому языку статуса второго государственного. Они, например, выкладывали в социальных сетях фотографии расклеиваемых ими же плакатов и листовок, призывающих голосовать против выдвинутого в законопроекте предложения. Согласно части второй статьи 3 закона «О народном голосовании, инициировании законов и инициатив граждан Европы» (редакция была в силе до 10.12.2012 г.) члены

избирательной комиссии (любой, в том числе и Центральной) не имеют права агитировать. Автор статьи послал председателю ЦИК заявление о неправомерности действий членов ЦИК. Законом «Поправки к закону «О народном голосовании, инициировании законов и инициатив граждан Европы» от 08.11.2012 г. данная часть статьи была исключена (вступил в силу 11.11.2012 г.).

Таким образом, можно говорить о том, что заявление автора статьи в адрес председателя ЦИК о неправомерном поведении членов ЦИК было принято к сведению, признано обоснованным и законным и повлекло за собой изменение законодательства. Однако официально на заявление автора был получен стандартный ответ, что нарушений в действиях членов ЦИК не было констатировано.

В день проведения референдума на некоторых избирательных участках радикальными латышскими националистами, с согласия членов участковых избирательных комиссий, проводилась агитация против русского языка как второго государственного. Это было зафиксировано, например, на избирательном участке в городе Огре (Рижский район). Несмотря на то, что агитация в день референдума запрещена законодательно как на самом участке, так и в 50 метрах вокруг него, члены участковых комиссий осознанно и умышленно допускали данные правонарушения и на замечания избирателей не реагировали.

Следует отметить, что на момент проведения референдума о придании русскому языку статуса второго государственного действовал закон «О народном голосовании, инициировании законов и инициатив граждан Европы» в редакции до 08.12.2012 г. Прошедший референдум выявил некоторые недостатки в действующем законе, которые требовали более четкой регламентации, например, вопросов агитации перед референдумом. В результате в редакции закона от 08.12.2012 г. появился новый объемный раздел «Агитация до народного

голосования, агитация за инициирование законов и агитация за инициирование по роспуску Сейма» (в силе с 11.12.2012 г.) Данный раздел, главным образом, содержал нормы, ограничивающие рекламу и агитацию.

Таким образом, можно заключить, что референдум за придание русскому языку статуса второго государственного в значительной степени пошатнул уверенность правящей латышской элиты в незыблемости ее положения, и она пошла на изменение законодательства в нужную для себя сторону, ограничила возможности влияния оппозиции на общественное мнение посредством рекламы и агитации. Но, как видно из ответов на все посланные правозащитниками запросы в различные инстанции, призванные защищать закон, представителей правящих партий эти ограничения не коснулись и ни одно правонарушение наказано не было.

Учитывая то, что русские имеют недостаточный вес в общем составе населения, и то, что среди них большое число лиц, лишенных прав гражданства, выиграть референдум о статусе русского языка было изначально невозможно. Поэтому инициаторы референдума ставили цель максимально обострить проблему, усилить общественное давление на правящую латышскую элиту и таким образом добиться расширения поля использования русского языка.

Несмотря на все препятствия, которые чинила правящая латышская элита, на состоявшемся 18 февраля 2012 года референдуме, за русский язык проголосовали 273 000 граждан Латвии, или 25% всех участвовавших в голосовании. Однако еще 312 000 постоянных жителей Латвии не имели права голосовать на референдуме, поскольку имели статус неграждан. Это 15% населения, и они все являются русскоязычными. Таким образом, сторонниками придания русскому языку статуса государственного являются 40% населения республики – ровно столько, сколько по последней переписи населения назвали русский язык своим родным.

По итогам референдума русский язык не получил в Латвии статуса второго государственного. Это при том, что в ряде государств Европы вторыми-третьими государственными или официальными языками становятся языки народов, численность которых составляет всего 2–3% населения. Таковыми являются шведский язык в Финляндии, немецкий, фарерский и гренландский языки в Дании и т. д.

В данном контексте следует отметить также то, что, будучи страной-членом Европейского союза, Латвия ратифицировала Всеобщую конвенцию по защите прав национальных меньшинств (1995). Примечательна часть вторая статьи 10 данной Конвенции, которая говорит следующее:

«(2) Сторона (в данном случае страна, ратифицировавшая Конвенцию. – Прим. автора) обязуется в пределах своих возможностей обеспечить использование языка национальных меньшинств в отношениях между национальными меньшинствами и учреждениями власти на тех территориях, на которых традиционно или в большом количестве проживают лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, по просьбе этих лиц и в тех случаях, когда данная просьба соответствует реальной необходимости».

Данная Конвенция содержит также ряд других, совершенно свободно реализуемых в развитых европейских странах норм и обязательств сторон-подписантов. Однако в Латвийской Республике русский язык до сих пор официально является иностранным, а данную Конвенцию Сейм Латвии ратифицировал 26 мая 2005 года отдельным законом, статья 3 которого существенно ограничивает действие данной Конвенции на территории Латвии: «Латвийская Республика сообщает, что часть вторую статьи 10 Конвенции она считает для себя обязывающей настолько, насколько она не противоречит Конституции Латвийской Республики и прочим действующим нормативным актам Латвийской Республики,

которые определяют использование государственного языка». Таким образом, правительство поставило исполнение Конвенции в зависимость от местных законов, которые принимает тот же Сейм.

В приведенной ниже таблице перечислены основные документы, разработанные в ходе референдума и подготовки к нему. В крайнем левом столбце таблицы вкратце изложен ответ ответственного за реагирование на обращение учреждения. В тех местах, где левая колонка пуста, к сожалению, ответ учреждения не получен.

1. 10.11.2011 (принято МК 14.11.2011)

Адресат. Министр культуры Латвии г-жа Жанета Яунземе-Грендe
Суть документа. Приглашение к дискуссии с представителями общественных организаций, объединяющих русскую молодежь, на тему «Легко ли быть молодым русским?».

2. 14.11.2011 (принято ЦИК 14.11.2011)

Адресат. Центральная избирательная комиссия (Смилшу, 4, Рига)
Суть документа. Учитывая то, что закон о народном голосовании и законотворчестве не указывает, но и не запрещает участие добровольных наблюдателей на втором этапе сбора подписей, просим незамедлительно сообщить, в каком правовом виде и какие документы необходимы для обеспечения добровольных наблюдателей на участках сбора подписей.

3. 14.11.2011 (принято ЦИК 14.11.2011)

Адресат. Центральная избирательная комиссия (Смилшу, 4, Рига)
Суть документа. Заявление о констатации некоторых нарушений на участках сбора подписей: недостаточное и не соответствующее требованиям закона количество участков для сбора подписей в районах – местах компактного проживания русскоязычного населения (Латгальское и Видземское предместья города Риги); определено не подходящее для работающего населения время работы участков с 10 утра до 14 часов; посольство Латвии в Москве изначально отказалось организовать сбор подписей по субботам и воскресеньям; информация о расположении и времени работы участков стала известна подписантам только 01.11.2011 г. (в первый день сбора подписей), хотя закон указывает на то, что данная информация должна быть размещена за 3 дня до начала процесса; 7 ноября участок по адресу Маскавас, 197, открылся на 1 час позже и работал

3 часа, а не 4, как указывает закон; участок по адресу Мелнсила, 25, 8 ноября вообще не открылся, а представитель избиркома сказала людям, что она забыла ключи и что «все могут идти домой».

4. 14.11.2011 (принято 14.11.2011)

Адресат. Государственная полиция (Чиекуркална 1-я линия, Рига)

Суть документа. Заявление о констатации некоторых нарушений на участках сбора подписей: недостаточное и не соответствующее требованиям закона количество участков для сбора подписей в районах – местах компактного проживания русскоязычного населения (Латгальское и Видземское предместья города Риги); определено не подходящее для работающего населения время работы участков с 10 утра до 14 часов; также посольство Латвии в Москве изначально отказалось организовать сбор подписей по субботам и воскресеньям; информация о расположении и времени работы участков стала известна подписантам только 01.11.2011г. (в первый день сбора подписей), хотя закон указывает на то, что данная информация должна быть размещена за 3 дня до начала процесса; 7 ноября участок по адресу Маскавас, 197, открылся на 1 час позже и работал 3 часа, а не 4, как указывает закон; участок по адресу Мелнсила, 25, 8 ноября вообще не открылся, а представитель ЦИК сказала людям, что она забыла ключи и что «все могут идти домой». Просьба возбудить уголовный процесс по статье 90 УЗЛР (умышленное препятствование реализации права выбора в народном голосовании).

Содержание ответа 25.11.2011. Ответ из полиции порядка о том, что заявление в части нарушения на участке по адресу Маскавас, 197, направлено на рассмотрение и принятие решения в Латгальское отделение полиции порядка, а о нарушении на участке по адресу Мелнсила, 25, в Курземское отделение полиции порядка.

Содержание ответа 30.11.2011. Оповещение Латгальского отделения полиции порядка: заявление зарегистрировано, о результатах будет сообщено дополнительно.

Содержание ответа 01.12.2011. Копия оповещения Курземского отделения полиции порядка для ЦИК: отправляем вам результаты дела и материалы дела для принятия решения по существу.

Содержание ответа 23.12.2011. Ответ Госполиции Латгальского участка города Риги об отказе в возбуждении уголовного процесса в отношении нарушения 07.11.2011 на участке сбора подписей по адресу Маскавас, 197.

5. 15.11.2011 (принято прокуратурой 16.11.2011)

Адресат. Прокуратура Латвийской Республики (бульвар Калпака, 6, Рига)

Суть документа. Заявление о привлечении Вячеслава Домбровскиса к уголовной ответственности по статье 78 УЗЛР (разжигание межнациональной розни) в связи с его высказыванием о мэре Риги Н.Ушакове.

Содержание ответа. 16.11.2011. Оповещение прокуратуры о том, что заявление переслано в Полицию безопасности для дальнейшего рассмотрения и принятия решения.

6. 15.11.2011 (принято прокуратурой 16.11.2011)

Адресат. Прокуратура Латвийской Республики (бульвар Калпака, 6, Рига)

Суть документа. Заявление о привлечении Олафа Пулкса к уголовной ответственности по статье 78 УЗЛР (разжигание межнациональной розни) в связи с его высказыванием о мэре Риге Н. Ушакове: «он сам должен подать в отставку, раз подписался за русский язык».

Содержание ответа. 16.11.2011. Оповещение прокуратуры о том, что заявление переслано в Полицию безопасности для дальнейшего рассмотрения и принятия решения.

7. 15.11.2011 (принято прокуратурой 16.11.2011)

Адресат. Прокуратура Латвийской Республики (бульвар Калпака, 6, Рига)

Суть документа. Заявление о привлечении Сармите Элерте к уголовной ответственности по статьям 78 и 90 УЗЛР (разжигание межнациональной розни и умышленное препятствование реализации права выбора в народном голосовании) в связи с ее высказыванием о мэре Риги Н. Ушакове в статье «Коты, оккупация и латышский язык».

Содержание ответа. 16.11.2011. Оповещение прокуратуры о том, что заявление переслано в Полицию безопасности для дальнейшего рассмотрения и принятия решения.

8. 15.11.2011 (принято прокуратурой 16.11.2011)

Адресат. Прокуратура Латвийской Республики (бульвар Калпака, 6, Рига)

Суть документа. Заявление о привлечении политической партии «Гражданский союз» к уголовной ответственности по статьям 78 и 90 УЗЛР (разжигание межнациональной розни и умышленное препятствование реализации права выбора в народном голосовании) в связи с ее высказыванием о мэре Риги Н.Ушакове (требование к министрам оценить поведение мэра Риги и соответствие его занимаемой должности за принятие участия во втором этапе сбора подписей за русский язык).

Содержание ответа. 16.11.2011. Оповещение прокуратуры о том, что заявление переслано в Полицию безопасности для дальнейшего рассмотрения и принятия решения.

9. 21.11.2011 (принято ЦИК 22.11.2011)

Адресат. Центральная избирательная комиссия (Смилшу, 4, Рига)

Суть документа. Заявление о правонарушении на участке в Огре (Дом культуры) – агитация против сбора подписей на самом участке в нарушение закона; отсутствие участка в Каугури (город Юрмала), в месте компактного проживания русскоязычного населения – предложили незамедлительно организовать участок за свои средства.

Содержание ответа. 24.11.2011. Ответ Полиции безопасности по вышеуказанным 4 заявлениям: в рамках своей компетенции была проведена проверка в отношении 4 заявлений и не было констатировано состава преступления. Решение: отказать в возбуждении уголовного процесса по всем 4 заявлениям.

10. 21.11.2011 (принято Центром обслуживания клиентов Рижской думы 21.11.2011)

Адресат. Председателю Рижской думы Нилу Ушакову

Суть документа. В связи с большим количеством желающих подписаться, медленной работой членов ЦИК, а также большими очередями на участках сбора подписей просьба незамедлительно обеспечить дополнительные участки сбора подписей в Вецмилгрависе, Пурвциемсе, Плявниексах, Кенгаргсе и Даугавгриве.

Содержание ответа. 02.12.2011. Ответ от исполнительного директора города Риги: участки сформированы согласно требованиям закона без детального разделения, а также подписаться можно на любом участке, так что можно даже за Ригой.

11. 21.11.2011 (принято Юрмальской думой 21.11.2011)

Адресат. Юрмальская дума (Йомас, 1/5, Юрмала)

Суть документа. В связи с огромным количеством жалоб от избирателей просим срочно организовать хотя бы один дополнительный участок сбора подписей в Юрмале в районе Каугури.

12. 23.11.2011 (принято представителем ЦИК на участке А. Деглава, 106/4, Рига)

Адресат. Центральная избирательная комиссия (Смилшу, 4, Рига)

Суть документа. Жалоба об ограничении персоны в правах: представители ЦИК не имеют права запрещать людям становиться в очереди, которые образовывались на участках. Закон обязывает ЦИК принять всех людей,

которые находятся на участке для голосования даже после истечения своего рабочего времени.

13. 28.11.2011 (принято в канцелярию Сейма ЛР 28.11.2011)

Адресат. Комиссия по мандатам, заявлениям и этике Сейма Латвийской Республики (Екаба, 11, Рига)

Суть документа. Заявление председателю комиссии Орлову В. о том, что ни в коем случае нельзя применять репрессии к депутатам, которые подписались за русский язык, а также угрожать этими репрессиями, как это делает г-н Р. Дзинтарс (Национальное объединение «Все Латвии» – ТБ/ДННЛ), также недопустимо со стороны ЦИК раскрытие имен и фамилий депутатов, т. к. будет нарушен закон о защите данных физ.лиц., просьба оценить высказывания и поведения г-на Р. Дзинтарса, т. к. они выходят за рамки этики и разжигают национальную рознь.

Содержание ответа. 22.12.2011. Ответ Комиссии по мандатам, заявлениям и этике Сейма ЛР: заявления по поводу нарушений со стороны депутатов имеют право подать только другие депутаты, поэтому данное заявление не может быть основанием для рассмотрения нарушений депутата Р. Дзинтарса.

14. 28.11.2011 (принято прокуратурой 28.11.11)

Адресат. Прокуратура Латвийской Республики (бульвар Калпака, 6, Рига)

Суть документа. Просьба возбудить уголовный процесс по статье 90 УЗЛР (умышленное препятствование реализации права выбора в народном голосовании) в отношении персоны, которая в публичном пространстве в интернете написал: «Я как работодатель в конце месяца проверю паспорта, если там будет печать о том, что какой-то кретин подписался, он может идти становиться безработным». 29.11.2011. Оповещение прокуратуры о том, что заявление переслано в Полицию безопасности для дальнейшего рассмотрения и принятия решения.

Содержание ответа. 02.12.2011. Ответ Полиции безопасности: в рамках своей компетенции была проведена проверка в отношении заявления и не было констатировано состава преступления. Решение: отказать в возбуждении уголовного процесса.

05.12.2011. Ответ Полиции безопасности: состав преступления не констатирован, но по данному факту будет проведена проверка и о ее результатах проинформируем дополнительно.

15. 15.12.2011 (принято ЦИК 15.12.2011)

Адресат. Центральная избирательная комиссия (Смилшу, 4, Рига)

Суть документа. В связи с информацией, опубликованной в СМИ о краже заполненных подписных листов, просьба провести проверку

результатов второго этапа сбора подписей в присутствии представителя избирателей.

Содержание ответа. 19.12.2011. № 02-01.7/440 Ответ ЦИК: за период второго этапа сбора подписей не БЫЛО получено ни одного сообщения о существенных нарушениях на участках, заявление по существу – отклонить.

16. 20.12.2011 (принято Административным районным судом 20.12.2011)
(принято ЦИК для ознакомления 20.12.2011)

(принято Сеймом Латвии для ознакомления 20.12.2012)

Адресат. Административный районный суд ЛР (Антонияс, 6, Рига)

Суть документа. Заявление об оспаривании решения ЦИК от 19.12.2011 об утверждении окончательных результатов второго этапа сбора подписей; об оспаривании решения ЦИК от 19.12.2011 об отклонении заявления от 15.12.2011 с просьбой провести проверку результатов второго этапа сбора подписей в присутствии представителя избирателей.

Содержание ответа. 28.12.2011. Ответ Сейма Латвии № 12/15-1-п/207-11/11 С заявлением ознакомились, передаем его для ознакомления юридической комиссии Сейма ЛР.

Содержание ответа. 23.12.2011. Решение Административного районного суда. Отказ в принятии заявления от 20.12.2011. Обоснование – решение ЦИК в трактовке суда не является административным актом и, таким образом, не подлежит рассмотрению в административном районном суде.

17. 30.12.2011 (принято Административным районным судом 30.12.2011)

Адресат. Административный окружной суд (Езусбазницас, 6, Рига)

Суть документа. Частная жалоба на решение Административного районного суда от 23.12.2011. Считаю решение необоснованным и обжалую полностью.

Содержание ответа. 02.01.2012. Оповещение Административного районного суда о принятии частной жалобы и о пересылке ее в Административный окружной суд.

Содержание ответа. 04.01.2012. Решение Административного окружного суда об отправке частной жалобы обратно в Административный районный суд, т.к. в приложенной к частной жалобе доверенности нет права обжалования решений суда, а районный суд данного не заметил.

18. 10.01.2012 (принято Административным районным судом 10.01.2012)

Адресат. Административный районный суд ЛР (Антонияс, 6, Рига)

Суть документа. Заявление: принять и приложить к делу доверенность и направить частную жалобу в Административный окружной суд.

Содержание ответа. 11.01.2012. Оповещение Административного районного суда о пересылке частной жалобы в Административный окружной суд.

19. 07.01.2012

Адресат. Прокуратура Латвийской Республики (бульвар Калпака, 6, Рига)

Суть документа. Заявление: просим возбудить уголовное дело в отношении депутата Европарламента Кришьяниса Кариньша за публичный призыв к геноциду в журнале «Плейбой» № 16 (2012) стр.52–57.

20. 09.01.2011

Адресат. (отправлено по электронной почте всем членам ЦИК)

Суть документа. Заявление о том, что вопрос в бюллетене для голосования на референдуме 18 февраля 2012 года должен быть предельно лаконичным и кратким, как это было всегда ранее, и в бюллетене недопустима публикация каких-либо разъяснений в отношении вопроса, поставленного на голосование.

Содержание ответа. Заявление было рассмотрено на заседании ЦИК 10.01.2011.

ВЗГЛЯД НА ЭСТонию: ПОЛИТИЗИРОВАННОСТЬ И СТАТИСТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ В БОРЬБЕ С ДИСКРИМИНАЦИЕЙ

*д. т. н. Андрей Сергеевич Лобов,
член правления НКО «Русская школа Эстонии»*

Введение

Автор данной статьи не обладает какой-либо ученой степенью в гуманитарных науках. Он является доктором технических наук. Однако, столкнувшись с ситуацией неравноправия у себя на родине в Эстонии и считая данную ситуацию неприемлемой, автор по мере возможностей включился в общественную деятельность. На сегодня автор является членом правления объединения “Русская школа Эстонии”, которое выступает за право русского национального меньшинства в Эстонии получать образование на родном – русском языке. Учитывая сказанное, данная статья основана на опыте автора в борьбе за права русской общины Эстонии в сфере образования.

В статье будет показано отношение между русской общиной Эстонии и государством, будут приведены некоторые примеры того, как русская община Эстонии, к которой автор относит себя, пытается ответить на встающие перед ней вызовы. В дополнение к этому в статье будет предложен метод выявления дискриминации, который мог бы пригодиться правозащитникам для определения приоритетов в правозащитной деятельности.

На сегодня можно выделить шесть основных направлений борьбы с неравенством по следующим признакам: этническому, возрастному, гендерному, сексуальной ориентации,

вероисповеданию и инвалидности (особых потребностей). Например, в 2012 году при поддержке Европейской комиссии был разработан ряд агитационных плакатов, запущен вебсайт www.stop-discrimination.info. Рисунок 1 отображает несколько эстоноязычных плакатов, призванных бороться с дискриминацией. На плакатах, по сути, звучит один и тот же вопрос – вынужден ли человек скрывать что-либо о себе, чтобы получить работу или быть успешным. Внизу каждого из плакатов помещен призыв о том, что дискриминация противозаконна и что с ней следует бороться.

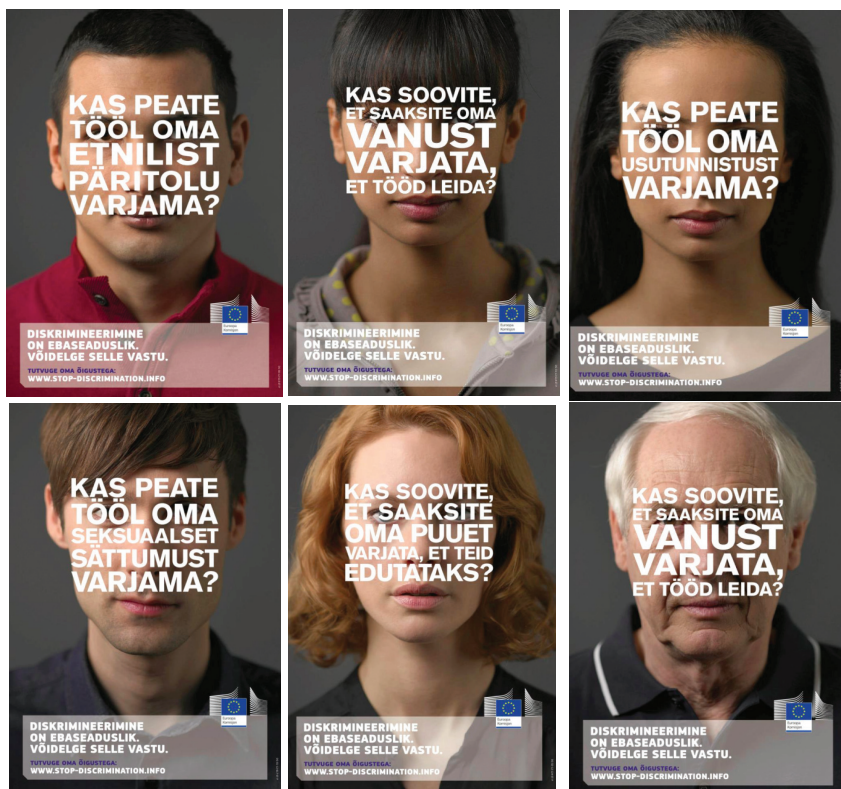

Рисунок 1. Плакаты в версии на эстонском языке, направленные на борьбу с дискриминацией. Предполагается, что заинтересованные организации должны печатать плакаты за свой счет.

Роль политизированности вопросов, связанных с русской общиной Эстонии, и их проявление

В целом вопросы, касающиеся русской общины Эстонии, на сегодня политизированы. Это было доказано русским омбудсменом Эстонии Сергеем Середенко и получило название леммы Середенко. Институт русского омбудсмена нацелен на защиту интересов русской общины Эстонии и на сегодняшний день пока никак не поддерживается государством.

Для политизированности можно дать следующее определение: Политизированность – это решение каких-либо вопросов, основанное исключительно на политической воле «принимающего» решение при отсутствии каких-либо законных и доступных методов контроля над ее (воли) применением.

Ниже приводится лемма Середенко:

Лемма Середенко

Тезис: Вопросы межнациональных отношений в Эстонии политизированы.

Доказательство:

1. Возьмем Закон об основной школе и гимназии¹. У попечительского совета школы есть законное право делать предложение о языке обучения в горуправу, а у горуправы, в случае с гимназией, есть право ходатайствовать к правительству.

На основании чего может правительство или горуправа отказать? Ничего. Это не регулируется законом, а значит, выносимое решение политическое.

2. Теперь возьмём Закон о культурной автономии национальных меньшинств². Согласно Закону заявку на начало формирования списков национального меньшинства принимает Министерство культуры.

¹http://www.venekool.eu/docs/PGS_vene_keeles_130901.pdf

²<https://www.riigiteataja.ee/akt/VRKAS>

На основании чего Министерство культуры может запретить начало формирования культурной автономии? Ничего. Это не регулируется законом, а значит, выносимое решение политическое.

3. Закон о строительстве³ содержит 12 пунктов (см. § 24), дающих основания для отказа в выдаче разрешения на строительство. Решения аргументированы законом. Также в целом законы, регулирующие предпринимательство, дают аргументы – законы, регулирующие межнациональные отношения, аргументов не дают, то есть решения на их основе политизированные.

Вывод: Вопросы, касающиеся национальных меньшинств в Эстонии, политизированы, ч. т. д.

Любому чиновнику в Эстонии, которому попадает на стол документ, касающийся, например, утверждения языка обучения, или ходатайство о начале построения культурной автономии⁴, предстоит борьба мотивов. С одной стороны, надо исполнять свои обязанности, т.е. как минимум выносить решение, не затягивая вопрос, но, с другой стороны, закон не дает критериев, на основании которых принимать решение. В этот момент начинается игра слов – чиновники начинают изобретать новые термины, чтобы оправдать свое решение. В ход идут необычные приемы, включая откровенную симуляцию. К такой игре слов можно отнести решение канцлера права ЭР Индрека Тедера летом 2012 года, озаглавленное «*О достаточной доступности образования на эстонском языке*». С одной стороны русская община, опираясь на закон и Конституцию, говорит о праве получать образование на родном русском языке, с другой стороны в ответ звучат утверждения о необходимости достаточной доступности образования на эстонском языке⁵.

³<https://www.riigiteataja.ee/akt/110032011005>

⁴<http://www.stolitsa.ee/news?11489>

⁵http://www.venekool.eu/docs/President_130425.pdf

Незаметное меньшинство, или Симуляция правозащитной деятельности

Летом 2012 года автором была опубликована статья *«Поднимайтесь с газона, симулянты, мы в одной команде»*⁶. Она стала откликом на действие канцлера права ЭР, направившего в парламент документ под заголовком *«О достаточной доступности образования на эстонском языке»*. Таким образом канцлер права вступил на путь борьбы с возможностью создавать частные гимназии с русским языком обучения в Эстонии. Если судить по заголовку документа, то может сложиться впечатление, что образование на эстонском в Эстонии доступно не в «достаточной» мере, но по сути это можно считать необычным способом нападения на русскую общину Эстонии, как бы выставляя эстоноговорящую общину в роли жертвы. Отдельно следует напомнить, что действующий Закон об основной школе и гимназии, а также Конституция нашей страны позволяют утвердить любой отличный от эстонского язык обучения в муниципальной гимназии. Данное предложение должно исходить от попечительского совета школы...

Однако странности продолжают. Можно сказать, что официальный правозащитный дискурс в Эстонии направлен вовне. Так, например, в декабре 2012 года в Таллине прошла конференция, организованная Институтом по правам человека, под патронатом президента Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвеса, где говорили о правах человека в Китае, России и странах Африки⁷. К тем же, кто мог обратить внимание на ситуацию в самой Эстонии, были приставлены специальные сопровождающие.

⁶<http://www.dzd.ee/903628/podnimajtes-s-gazona-simuljanty-my-v-odnoj-komande>

⁷<http://rus.delfi.ee/daily/estonia/ko-mne-pristavili-assistenti-i-ne-dali-zadat-voprosov-o-pravah-cheloveka-v-samoj-estonii.d?id=65395860>

Вместе с тем в некоторых областях защиты прав человека ситуация в Эстонии обстоит несколько лучше. Например, осуществляется мониторинг равноправия полов⁸. Существует целый отдел при Министерстве социальных дел по гендерному равноправию, возглавляемый Лийной Кантер. Можно отметить успешную работу отдела, которому в ноябре 2012 года удалось привлечь Норвегию к участию в борьбе с гендерным неравноправием. Норвегия выделяет 4 миллиона евро, Эстония внесёт дополнительно 15%⁹.

На права же национальных меньшинств в Эстонии развернуто полномасштабное наступление. Директор упомянутого выше Института по правам человека Март Нутть заявил¹⁰ весной прошлого года: *«Если мы сравним ситуацию в Эстонии с положением в других странах, то увидим, что проявления расизма у нас крайне редки, вероятно, потому, что у нас довольно малочисленное т. н. заметное нацменьшинство. **Заметным меньшинством** (подчеркнуто А. Л.) называют, например, людей с другим цветом кожи или явно по-другому одетых, которых легко заметить на улице»*. Эта реплика Марта Нуття хорошо отражает официальную позицию Эстонии в области защиты прав человека, а именно – определенное национальное меньшинство в Эстонии как будто не замечают (сравните с «достаточной доступностью образования на эстонском языке» от канцлера права).

Статистика как инструмент определения приоритетов в борьбе с дискриминацией

Что можно делать в сложившейся ситуации. Если отвечать коротко, то – сравнивать.

Например, база данных Департамента статистики ЭР содержит информацию о доходах мужчин и женщин¹¹, а также

⁸<http://rus.postimees.ee/292654/gendernoe-neravenstvo>

⁹<http://rus.postimees.ee/1054392/norvegija-pomozhet-jestonii-borotsja-s-neravenstvom-polov>

¹⁰<http://rus.err.ee/estonia/8651bf39-c928-4068-bfd9-c021c2b7f816>

¹¹<http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/varval.asp?ma=ST01&ti=ELANIKUD+SISSETULEKUKVI NTIILI+JA+SOO+J%C4RGI&path=..%2FDatabase%2FSotsiaalelu%2F09Sissetulek%2F&lang=2>

информацию о доходах эстонцев и неэстонцев¹². Уровень доходов является признанным критерием определения существующего неравенства. То есть если кто-то получает меньший доход, исходя из каких-то внешних, не относящихся к делу признаков, то имеет место неравенство.

Данные о доходах разбиты в базе данных на пять частей, называемыми квинтилями¹³. В первом (нижнем) квинтиле обозначен процент людей (соответственно – мужчин и женщин, либо эстонцев и неэстонцев) с наименьшим доходом, дальше по возрастающей в пятом (высшем) квинтиле показан процент людей с наибольшим доходом. На сегодня данные в базе данных можно посмотреть начиная с 2003 по 2011 год. Данные по границам квинтилей приведены в *таблице 1*.

Таблица 1. Верхние границы (в.г.) квинтилей (€), соответственно первого (I), второго (II), третьего (III) и четвёртого (IV), приведённые по годам 2003–2011¹⁴

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
I в.г.	1 533.8 8	1 852.3 7	2 259.6 3	2 704.0 4	3 367.7 2	3 750.6 6	3 708.2 8	3 525.6 2	3 736.0 0
II в.г.	2 200.8 1	2 582.7 1	3 131.6 7	3 816.6 4	4 780.6 2	5 352.1 7	4 972.4 7	4 5 823.5 4	143.1 4
III в.г.	3 008.7 0	3 506.5 3	4 240.3 8	5 152.4 6	6 266.5 4	7 061.8 1	6 650.2 9	6 7 518.8 2	059.0 8
IV в.г.	4 458.3 3	5 066.6 7	5 918.1 9	7 083.5 8	8 679.1 3	9 908.8 0	9 365.0 7	9 073.0 8	9 915.7 0

Так, например, чтобы оказаться в нижнем квинтиле на 2011 год, доход человека должен не превышать 3736 евро в

¹²t.ee/px-web.2001/Dialog/varval.asp?ma=ST04&ti=ELANIKUD+SISSETULEKUKVINTIILI+J+A+RAHVUSE+J%C4RGI&path=..%2FDatabase%2FSotsiaalelu%2F09Sissetulek%2F&lang=2

¹³<http://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BA%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%BB%D1%8C>

¹⁴<http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/varval.asp?ma=ST24&ti=AASTA+EKVIVALENTNETOS+ISSSETULEKU+KVINTIILIDE+%D0%CLEMISED+PIIRID&path=../Database/Sotsiaalelu/09Sissetulek/&lang=2>

год. Для высшего квинтиля на 2011 год доход должен был составлять более 9915 евро и 70 центов в год.

Для выявления динамики изменения ситуации в указанный период времени на основе критерия доходов рассмотрим нижний и высший квинтили в отношении доходов мужчин и женщин и доходов эстонцев и неэстонцев. Всего получится четыре таблицы (таблицы 2–5).

Таблица 2: Процент мужского/женского населения, получающего наименьшую зарплату по годам

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Мужчины	19.3	18.7	17.9	17.3	16.9	17.7	18.5	19.4	18.5
Женщины	20.6	21.1	21.7	22.3	22.6	22	21.3	20.5	21.2

Из таблицы 2 можно заметить, что наибольший разрыв между мужчинами и женщинами был в 2007 году и составил 5,7 процента. В 2011 году разрыв составлял 2,7 процента. В целом можно заключить, что у женщины больше шансов оказаться на нижеоплачиваемой работе по сравнению с мужчинами.

Таблица 3: Процент мужского/женского населения, получающего наибольшую зарплату по годам

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Мужчины	21.8	21.5	21.9	22.3	22.3	21.3	22	21.1	21.5
Женщины	18.5	18.7	18.4	18	18	18.9	18.3	19	18.7

Таблица 2, как и таблица 1, показывает, что у мужчин больше шансов оказаться на лучше оплачиваемой работе по сравнению с женщинами. Здесь максимально «не-равноправный год» был в 2007-м, когда разрыв составил 4,3 процента.

Показателем равноправия можно считать схожие проценты для мужчин и женщин или «незначительную» разницу. Это

означало бы, что в целом как у мужчины, так и у женщины есть одинаковые шансы получить работу с определенным уровнем дохода. В данном случае мы наблюдаем, что у мужчин всё же больше шансов быть занятыми на вышеоплачиваемой работе. Следовательно, в нашей стране есть гендерное неравенство.

Сравним теперь ситуацию между эстонцами и неэстонцами:

Таблица 4: Процент эстонцев /неэстонцев, получающих наименьший доход по годам

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Эстонцы	19	19.1	19.2	19.1	18.9	18.4	17.8	17.4	17.9
Неэстонцы	22.1	22.1	21.7	22	22.5	23.7	25.1	26.1	25

Как видно из четвертой таблицы у неэстонцев больше шансов оказаться на нижеоплачиваемой работе. В 2011 году четверть неэстонцев получали наименьшую зарплату – находились в нижнем квинтиле. Максимальный разрыв в уровне дохода пришелся на 2010 год – 8,7 процента. Здесь же отчетливо видна тенденция увеличения процента неэстонцев и одновременное уменьшение процента эстонцев в нижнем квинтиле. Это означает, что большее количество неэстонцев начинают получать наименьший доход, тогда как эстонцы перемещаются на работу с более высоким доходом.

Таблица 5: Процент эстонцев /неэстонцев, получающих наибольший доход по годам

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Эстонцы	22.7	22.5	22.3	23.6	23.1	22.9	23.7	23.6	23.3
Неэстонцы	14.2	14.3	14.9	11.9	12.8	13.2	11.4	11.5	12.1

Как можно наблюдать из таблицы 5, в случае с наибольшими доходами есть обратная тенденция по сравнению с таблицей 4. Количество неэстонцев, получающих наибольший

доход в 2003–2011 гг., сокращалось. Наибольшая разница пришлась на 2009 год и составила 12,3 процента. Данные показывают, что в целом каждый десятый неэстонец получает наибольший доход – попадает в пятый квинтиль, тогда как для эстонца данные цифры выше 20 процентов.

Теперь, если сравнить гендерное неравенство и этническое неравенство в нашей стране, то на основании данных цифр можно сделать следующие выводы:

1. В Эстонии есть гендерное неравенство и этническое неравенство.
2. Гендерное неравенство «стабильно», в то время как этническое неравенство со временем растёт – большее количество неэстонцев получают меньшие доходы и меньшее количество неэстонцев получает наибольшие доходы.
3. Этническое неравенство в разы превышает гендерное неравенство. Если в случае с доходами мужчин и женщин в нижнем и высшем квинтиле отклонение от 20% относительно небольшое и не превышает 2–2,5%, то в отношении доходов эстонцев и неэстонцев отклонения приближаются к 10%.

Теперь рассмотрим ситуацию по возрастным группам¹⁵. За основу возьмем те же нижний и верхний квинтили доходов населения. Возрастные показатели, в свою очередь, разбиты на 6 групп: 16–24 года, 25–34 года, 35–44 года, 45–54 года, 55–64 года и 65 лет и старше. Из этих групп имеет смысл обратить внимание сейчас только на три в промежутке от 25 до 54 лет. Это делается по следующим соображениям: значительная часть людей в возрасте 16–24 лет учится в школе или

¹⁵<http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/varval.asp?ma=ST02&ti=ELANIKUD+SISSETULEKUK VINTIILI+JA+VANUSER%DCHMA+J%C4RGI&path=./Database/Sotsiaalelu/09Sissetulek/&lang=2>

университете и не работают, поэтому изначально возрастная группа в этом квинтиле находится на неравных условиях с остальными возрастными группами по критерию доходов. То же самое можно сказать о двух последних в классификации возрастных группах (55–64 и 65 и старше). Здесь причина в том, что пенсионный возраст в Эстонии по состоянию на 2011 год составлял 63 года для мужчин, а для женщин 60,5. Средняя пенсия в Эстонии в 2011 году составляла 270,6 евро¹⁶, тогда как средняя заработная плата-брутто была 839 евро¹⁷. Незавидное положение пенсионеров в Эстонии очень серьезная проблема, требующая отдельной статьи. Однако в данном случае внимание обращено на возрастные категории, которые исключают пенсионеров и учащихся.

Таблица 6 содержит информацию о доходах в трех возрастных группах жителей Эстонии в возрасте от 25 до 54 лет. Информация представлена по годам с 2003 года по 2011 год и показывает процент людей в нижнем и верхнем квинтиле. Например, в 2003 году 16,9% жителей Эстонии в возрасте от 25 до 34 лет находились в нижнем квинтиле, т. е. получали не больше 1533,88 евро в год (*таблица 1*), тогда как 28,5% жителей Эстонии из той же возрастной группы получали больше 3736,00 евро в год.

¹⁶<http://rus.delfi.ee/daily/business/srednyaya-pensiya-v-estonii-v-proshlom-godu-snizilas-vpervyye-v-etom-stoletii.d?id=64776206>

¹⁷<http://rus.delfi.ee/daily/business/tablica-srednyaya-brutto-zarplata-v-proshlom-godu-bolshevsego-vyrosla-v-raplaskom-uezde.d?id=64546720>

Таблица 6: Процент людей из соответствующей возрастной группы, получающий соответственно наименьший (нижний квинтиль) и наибольший (верхний квинтиль) доход¹⁸

	Наименьший доход	Наибольший доход
2003		
25–34	16.9	28.5
35–44	19.1	22.3
45–54	21.0	22.9
2004		
25–34	14.7	32.1
35–44	18.1	22.4
45–54	18.0	20.1
2005		
25–34	13.5	35.1
35–44	15.9	22.8
45–54	18.0	20.3
2006		
25–34	9.1	36.4
35–44	16.2	24.2
45–54	20.1	20.9
2007		
25–34	9.6	37.2
35–44	15.0	22.7
45–54	17.0	21.6
2008		
25–34	11.9	37.4
35–44	15.7	21.5
45–54	17.3	19.3
2009		
25–34	13.2	35.0
35–44	16.4	23.9
45–54	20.1	18.3

¹⁸<http://pub.stat.ee/px-web.2001/Dialog/varval.asp?ma=ST02&ti=ELANIKUD+SISSETULEKUK VINTIILI+JA+VANUSER%DCHMA+J%C4RGI&path=../Database/Sotsiaalelu/09Sissetulek/&lang=2>

	Наименьший доход	Наибольший доход
2010		
25–34	15.5	33.0
35–44	18.1	24.8
45–54	23.2	19.0
2011		
25–34	13.7	32.6
35–44	18.4	26.2
45–54	19.1	21.3

Из таблицы 6 можно сделать вывод, что в Эстонии у более молодого работника больше шансов получить более высокооплачиваемую работу. Для первой категории (25–34) свойственны наибольшие колебания, если смотреть на верхний квинтиль – минимум (28,5% в 2003 году) и максимум (37,4% в 2008 году). Однако следует отметить, что в 2011 году процент жителей Эстонии в возрасте от 25 до 34 лет, которые были в верхнем квинтиле по уровню доходов, составлял 32,6 процента, что близко к показателю 2004 года, т. е. началу рассматриваемого отрезка во времени. Между тем показатели для остальных возрастных групп изменялись в пределах 4%, и для представителя каждой возрастной группы, если рассматривать ее отдельно, были довольно одинаковые шансы оказаться в любом из пяти квинтилей (около 20%), тогда как для неэстонцев отношение нижнего квинтиля к верхнему составляет, согласно таблицам 4–5, 25% к 12,1%.

Вывод, который можно здесь сделать: учитывая уровень доходов, дискриминация по этническому признаку в Эстонии в разы превышает дискриминацию по возрастному признаку.

Выводы

Несмотря на данную ситуацию, в Эстонии звучат рассуждения о «(не)заметных меньшинствах». Поэтому цифры здесь могут стать тем инструментом, который мог бы позволить наконец обратить внимание на определенное меньшинство в Эстонской Республике.

В дальнейшем целью подобных сравнений может стать выявление ненормального официального правозащитного дискурса как в Эстонии, так и в любой другой стране. Это следует сделать в отношении каждой оси системы координат правозащитника. Следует особенно подчеркнуть, что выявлять следует не с тем, чтобы как-либо принизить существующие проблемы в других областях, а чтобы показать упорное нежелание заниматься одной прогрессирующей общественной болезнью.

Статистические данные могут служить инструментом для выявления приоритетов борьбы с дискриминацией. В качестве практической рекомендации можно начать вводить повсеместные требования для официальных государственных институтов, работающих в сфере защиты прав человека, проведения сравнительного анализа по основным параметрам – этнической принадлежности, возрасту, гендеру, сексуальной ориентации, вероисповеданию и инвалидности.

В данной статье были затронуты только параметры этнической принадлежности, возраста и гендера. На их примере были показаны шаги для анализа данных с целью выявления ключевой проблемы общества. В дальнейшем необходима доработка процедур определения неравенства с представлением более формального механизма для проведения вычислений.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЛАТГАЛОВ В СОСТАВЕ РАЗНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Арвидс Турлайс, основатель общества «Союз латгалов», Латвия

Автору этой статьи в девяностые годы, пока архивы Латвии были доступны не только историкам, работавшим по заказу государства, но и простым смертным, удалось посмотреть материалы по истории Латгалии, начиная с 20-х годов прошлого века, а также поработать в архивах Белоруссии, где хранится большинство материалов по истории жизни латгалов в Витебской губернии Российской империи. В одной статье невозможно рассмотреть все аспекты истории Латгалии, почерпнутые из этих материалов. Приведем только те, которые сильно отличаются от версии истории в изложении современных официальных латвийских историков.

Каждое возрождение – это поиск самих себя. Народное возрождение есть самоосознание народа. Оно требует определения своей идентичности и защиты своих прав. Состояние Латгалии в данное время четко определено в названии книги А. Гапоненко «Латгалия: в поисках иного бытия» (Рига, 2013). Да, действительно это так, Латгалия и латгалы ищут себя. Уже более ста лет длится этот процесс.

Самым большим достижением нынешние правители Латвии объявляют основание независимого государства. Усилиями десятков официальных историков об этом событии сложены легенды. Сняты специальные фильмы и написаны специальные книги. Но все ли так было на самом деле, как изображено во всех этих произведениях?

Политическую систему, которая изначально образовалась в Латвийской Республике, можно назвать системой

политического национализма, который действует по принципу «Латвия для латышей». А что в этих условиях делать остальным жителям страны? Раствориться, исчезнуть? При основании Латвии быстро решили вопрос с немцами, жившими на ее территории веками, – их отстранили от власти и лишили земли. Но немцев было тогда максимум 5 процентов населения, и их этническая родина – Германия стояла на коленях после поражения в Первой мировой войне. А как быть с инородцами сейчас? Депортировать, ассимилировать?

Это одна, политическая, сторона медали, но есть и другая ее сторона – экономическая. Строительство государства должно быть приспособлено, в первую очередь, к решению экономических проблем. Когда власть не сбалансирована, то верх над работодателями берут представители наемного труда и экономика буксует. Рабочие места создаются не на производстве, а в государственном аппарате – для чиновников. Чтобы выжить, чиновники повышают налоги, предпринимательство идет на убыль. Тогда ищут виновных, формируют образ врага. В улманисовской Латвии это были немцы, а также латгалы, жившие в «отсталой» Латгалии. Под «отсталостью» подразумевался чужой язык, вера, образ жизни, иное отношение к семье и рождению детей.

Сегодня найдены другие враги: советская оккупация, русские мигранты, латгальские контрабандисты. Виноваты все, только не правящая элита.

* * *

В древности русские хроники жителей сегодняшней Латгалии называли леттами или летьголами. Латгалов войны разделили на две части – по реке Айвиексте. Одну часть территории, на которой латгалы проживали в XVI веке, со временем стали называть Видземе. Здесь латгалы смешались с ливами, приняли лютеранскую веру. У них появилась письменность на базе готского алфавита. Новый язык стал

называться «куронским»), а самих жителей немцы окрестили *lette, lettisch*. Поскольку высшее чиновничество в Российской империи, в состав которой в то время входили латгальские земли, было в значительной степени немецким, то появился и русский термин для обозначения нового этноса – латыши. Сегодняшняя Латгалия сохранила древний язык латгалов, который когда-то назывался «ливонским». Латгалы приняли и сохранили католическую веру.

Основная масса сегодняшних латвийских историков, которые свои диссертации защищали еще на теоретической базе марксизма-ленинизма, чтобы выжить, поменяли взгляды на прямо противоположные и слепо приняли установки историков улманисовских времен. Эти установки однозначны: ливы за прошедшие века выжили, а латгалы ассимилировались.

Как недавно признался один профессор из Латгалии журналисту телевидения: «Мы не знаем, на каком языке говорили «древние латгалы». Между тем термин «древние латгалы» придумали историки улманисовской Латвии. Признать тогда, равно как и сейчас, существование латгалов как самостоятельного народа означало признать латгальский как самостоятельный язык, а не наречие, которое появилась совсем недавно. Как и вчера, сегодня пишут в учебниках истории: «Особенности Латгалии появились, когда Латгалию в XVI веке отделили от остальной Латвии».

В XVII веке появилась письменность на латгальском языке на базе польского алфавита. Этот алфавит смог более точно отразить латгальскую устную речь. В нем была и есть, например, буква «у».

На рубеже XX века латгалы еще называли себя только «католиками». Название «латвиешы» употребляли мало. Католиками также были поляки и литовцы. Латгалы строго соблюдали законы предков и до 30-х годов прошлого века жили по старым обычаям. Выйти замуж за не говорящего на своем языке считалось бесчестьем, а выйти замуж за иноверца

– преступлением. Воровство лошади, коровы – основных средств существования – часто наказывалось самосудом, иногда смертной казнью на месте. Между латгалами, которые проживали в Витебской губернии, и латышами-балтиешами, которые проживали в балтийских губерниях, была большая пропасть. Под понятием «балтиеши» подразумевались тогда и нынешние латыши, и эстонцы, и балтийские немцы. Всех их объединяла одна лютеранская вера.

Разделение между двумя рассматриваемыми народами было по вере, языку, менталитету и, наконец, по правовому положению. Курляндская и Лифляндская губернии сильно отличались от Витебской губернии. Балтийские губернии жили по своим законам, обладали известной автономией. Даже наследственное право в них в корне отличалось. В Витебской губернии земли наследовались всеми сыновьями поровну, а в балтийских губерниях наследовал только старший сын и землю не делили. Младшие сыновья, если они были, шли в офицерство, в чиновники, а кому не повезло, те «делали» революции. Этот закон о наследовании действовал и после 1920 года в ставшей независимой Латвии. Только с 1936 года, когда ввели в действие «улманисовский» гражданский кодекс, Латгалию по наследственному праву приравнивали к Курземе и Видземе.

Кришьянис Валдемар в 1881 году писал: «Балтиеши-латыши больше чем на две трети были холопами и горожанами». То есть они были сельскохозяйственными рабочими в имениях немецких баронов и мало кто из них мог иметь свою землю, а также были наемными рабочими на предприятиях в городах. Этому известному латышскому общественному деятелю принадлежат также такие слова: «Мы не знаем, как проголосуют холопы в Видземе через 20–30 лет». В 1917 году, действительно, Видземе проголосовало за большевиков и сотворило трибуналы по образцу Парижской коммуны для расправы над имущими классами. К. Валдемару также принадлежат другие слова: «Если латгалы не хотят

освоить готский алфавит, то пускай они осваивают кириллицу и пропадают». В честь такого «друга» латгалов сейчас названа одна из главных улиц города Резекне. А улица имени Ф. Трасуна, который боролся за права латгальцев, находится на самой окраине города. Жизнь показала, что алфавит, которым пользовались латгалы 300 лет подряд, более удобен, чем готский. Диктатор Улманис после прихода к власти после 1934 года начал внедрять во всей Латвии алфавит, которым до этого пользовались латгалы.

С развитием аграрных отношений большинство сельского населения балтийских губерний превратилось в наемный пролетариат. Те, кто работал в небольших хозяйствах, семьи старались не заводить. Рождаемость снижалась, и уже с середины XIX века в Видземе и Курземе не хватало рабочих рук. С установлением всеобщей воинской повинности в Российской империи хозяева земли – балтиеша старались рожать лишь одного мальчика, так как единственного сына не брали на воинскую службу. Да и тот единственный сын после окончания учебы предпочитал стать офицером или приобрести другую профессию и остаться в городе. Эти обстоятельства хорошо описал латышский новеллист Рудольф Блауманис. Большинство балтиешей понятия о частной собственности не имело, что и сделало их приверженцами большевизма.

В Латгалии все было по-другому. Здесь практически не было безземельных крестьян. Так называемых «бобылей», то есть безземельных, было максимум два или три на сто жителей. Это определяло негативное отношение всех жителей Латгалии к призывавшим произвести передел земли социал-демократам, которых латгалы насмешливо называли «зосулями», что в переводе значило «гусятники». Поэтому в революцию 1905 года имения в Латгалии не жгли – понятие частной собственности считалось здесь святым. Военное положение, в отличие от балтийских губерний, в эту революцию в Латгалии не вводилось. Конфликты местного значения были лишь из-за интенсивной вырубки

лесов помещиками. Близость к Санкт-Петербургу – железная дорога – позволяла жителям Латгалии иметь заработок в столице. Часто бывало, что мужчины работали в городе, а на земле работали остальные члены семьи. На заработок по ту сторону Айвиексте, к так называемым «чивлям» (балтиешам), латгалы не ходили, так как там мало платили. Да и вера там была другая – работать надо было и во время католических праздников. Происхождение слова «чивли» достоверно не известно. Есть предположение, что оно происходит от слова «чудь» – так в царское время звали всех тех, кто жил за рекой Айвиексте.

Латгалы, как народ консервативный, участия в польском мятеже 1865 г. не принимали. Но, по иронии судьбы, после этого восстания они попали под запрет книгопечатания на латинице, как и все католики. После отмены запрета на книгопечатание в 1905 году появились первые газеты на латгальском языке. Газету «Гайсма» издавал отец идеи автономии Латгалии Францис Кемпс, а газету «Дрыва» – католические священники. Газета «Гайсма» остро критиковала правительство и церковь. Священникам удалось, используя свое влияние на приходы, эту газету закрыть. В то время цензуры практически не существовало, газеты отражали мнения читателей и сегодня являются источником правдивой информации о том времени.

В августе 1914 года началась Первая мировая война. Она сильно изменила жизнь Латгалии. Многие призывники из Витебской губернии попали в военные части генерала А. Самсонова и погибли во время боев в районе Мазурских озер и в Августовских лесах, что в Польше. Тех, которые попали в немецкий плен после этих боев, судьба пощадила: они за четыре года освоили немецкий язык, новые навыки хозяйствования и вернулись к себе на родину. Людские и материальные потери жителей Латгалии в Первую мировую войну не были особо большими, за исключением прифронтовой полосы Двинского

езда. Интеллигенция Латгалии призывала ни в коем случае не покидать родную землю, даже если грозила немецкая оккупация. Эти призывы подействовали на население. Народ остался, сохранились хозяйства и имущество в них. Рождение детей после войны быстро восполнило потери в людской силе.

В Курземе и Видземе, населенных балтиешами, все было по-другому. Курземцы, в подавляющем своем большинстве, поддались истерике, которую нагнетала царская пропаганда, требовавшая оставить врагу пустую землю. Интеллигенция балтиешей поддержала царскую политику оставления выжженной земли.

Много видных балтийских общественных деятелей разбогатели за счет воровства царских пожертвований на помощь беженцам во время Первой мировой войны. Они мечтали занять потом место немецких баронов и наживали собственные капиталы. Будущий латвийский диктатор К. Улманис, например, по дешевке скупал скот у курземских беженцев в Валмиере, а потом дорого его продавал российской армии. Тогда же сколотили капиталы многие из будущих министров Временного правительства Латвии. Депутаты Российской Государственной Думы Я. Гольдманис и Я. Залитис активно агитировали защищать общую «родину» – Российскую империю. С помощью взяток в форме «подарков дорогой сабли нужному генералу» им удалось получить у властей разрешение и организовать призыв в специально созданные для этого латышские национальные формирования. Царица Александра Федоровна в своем письме царю предупредила о том, что не надо давать оружие в руки сыновей террористов революции 1905 г. Однако царь ее не послушался. Потом он оказался перед лицом смерти в Тобольске, как раз под охраной красного латыша Р. Берзиньша.

Трезвомыслящему человеку на ум не пришло бы агитировать своих соплеменников добровольно идти

на войну, на которой сводили между собой счета два родственника: Николай II и Вильгельм I. А вот латышские депутаты стали собирать под знамена национальных частей батраков из имений и городскую молодежь, которая осталась не при деле после эвакуации заводов в Россию. Офицеров-латышей, которые избрали военную карьеру, было много, и они надеялись проявить себя в национальных частях. Ведь в основной своей части царское офицерство могло дослужиться только до чина капитана, а тут у них появлялся большой шанс для более высокого продвижения по службе. Сбор национальных частей, который произвела интеллигенция балтийской, был большим преступлением против своего народа, а позже и против всех народов царской империи. Мало того, история повторилась потом во время Второй мировой войны, когда коллаборационисты агитировали латышей идти добровольцами в легион Ваффен СС.

Латышские генералы и полковники во время сражений Первой мировой войны возле Риги отличились безбожием. В то время как в конце 1916 г. на фронте все отмечали Рождество и зажигали свечи, латышские стрелки, как призраки, прокрались к немецким окопам. В святую ночь латышских стрелков не ждали, и им удалось прорвать немецкую оборону. Однако русские стрелковые части не поддержали их, и потери живой силы были в этих боях напрасными. Эти потери так обозлили латышских стрелков, что они перешли вскоре на сторону большевиков. Латышские дивизии в революцию и в период продразверстки совершали беззакония по всей империи, безжалостно подавляли крестьянские восстания. Об этом сняты правдивые советские художественные фильмы, например, «Стреляй вместо меня», «Петерс». Впрочем, латышские дивизии назывались дивизиями только из-за конспирации, а на самом деле это была целая армия, со своими самолетами, артиллерией и кавалерией. Больше 50 генералов-латышей командовало дивизиями, армиями и фронтами у большевиков.

Сейчас есть силы, которые хотят предъявить счет России за ущерб, нанесенный советской оккупацией. А если Россия предъявит встречный счет за действия латышских красных стрелков?

В апреле 1917 г. в Резекне состоялся Латгальский съезд, который был фактически съездом представителей католических приходов. Священники там играли главенствующую роль, так как призыв в армию их не касался. Светская интеллигенция была тогда на поле боя и находилась на съезде в меньшинстве. Францис Кемпс после ранения на фронте был на излечении в Латгалии и смог присутствовать на этом съезде. Балтишей тогда привлекала неисчерпаемая рабочая сила Латгалии. Неофициальный представитель балтишей З. Мейеровиц клялся на съезде, что после объединения с балтиешами в единое государство латгалов никто не обидит. Ф. Кемпс на этом съезде не был против объединения с балтиешами, как ложно утверждают современные официальные историки. Он был за объединение с балтиешами, но на равных началах. Священники же были готовы пожертвовать латгальским языком, лишь бы им дали возможность рекатолизировать «Терра Мариана». История повторяется, и сегодня мы видим, как католическая церковь переходит на государственный латышский язык, дабы не потерять верующих. Теряет же их она по причине незнания молодым поколением латгальского языка.

Ф. Кемпу на Латгальском съезде слова не дали, и он со своими единомышленниками его демонстративно покинул. Съезд все-таки принял резолюцию: «Мы, латыши Латгалии, объединяясь с латышами Курземе и Видземе, сохраним свое самоуправление в делах языка, школ и веры». Но это все были пустые слова. Эта резолюция съезда и сейчас не исполнена.

Реально апрельский Латгальский съезд ничего не решил. Только прошедший в декабре 1917 г. съезд большевиков объединил Латгалию с Курземе и Видземе. Отметим, что в то время слова «мы, латыши Курземе, Видземе и Витебской

губернии» звучали довольно странно, так как первые себе считали балтиешами, а вторые католиками.

Россия, которая вступила в Первую мировую войну, выполняя свой союзнический долг, понесла в ней очень большие потери. При дележе территорий побежденных стран она не была в рядах победителей. Антанта, напротив, стала сама делить территорию России. Главную роль при этом играла Англия, которая мечтала отторгнуть от России Балтию с ее портами. В Балтии союзники оставили оккупационные немецкие части, под прикрытием которых было составлено Временное правительство под руководством К. Улманиса. 100 представителей нескольких мелких партий и общественных организаций самовольно присвоили себе право называться полномочными правителями народа Латвии и назвали себя Народным советом. Народный совет назначил Временное правительство. Временное правительство провозгласило 18 ноября 1918 года создание Латвийской Республики. Как и предвидел К. Валдемарс, Курземе и Видземе проголосовали незадолго до этого на выборах в 1917 году за большевиков. Поэтому Временное правительство никакой поддержки со стороны народа не получило. Оно было создано на бумаге и жалование получало из Германии. Германии Временное правительство было нужно потому, что немецкие части после происшедшей в ней Ноябрьской революции стали разлагаться и оставлять фронт.

В связи с разложением немецкой армии 13 октября 1918 г. в Резекне созвали экстренное собрание Земельного совета самоуправлений и обществ Латгалии. Всем стало ясно, что немцы скоро покинут Латгалию и красные латышские стрелки придут на их место. На собрании присутствовал один из командиров Северо-Западной армии генерал Вандам и просил поддержать белогвардейскую армию, вступать в ее ряды. Итогом собрания была организация ополчения под руководством полковника Афанасьева. Местом сбора ополчения объявили имение Балиново, недалеко от Резекне,

возле озера Разно. В течение двух недель было собрано около 70 добровольцев, которые в конце октября прибыли в Резекне. Вскоре их число выросло до 270 человек. Добровольцы были вооружены карабинами, четырьмя пулеметами, в их составе было около 50 всадников. 28 ноября отряд Афанасьева отступил в сторону Риги. 30 ноября в лесу возле Выдсмуйжи ополченцы попали в засаду, устроенную отрядом большевиков. Прицельным огнем латгальские ополченцы разогнали большевиков. После этого 13 декабря отряд через Марциену, Эргли и Огре прибыл в Ригу, где и расположился на территории завода «Саламандра». Тут же в расположение отряда явился министр ополчения Временного правительства Я. Залитис. Отряд поставили на довольствие и 25 декабря отправили на фронт в сторону Сигулды. Штаб отряда расположился в Планупе Аллажской волости. Возле Планупе отряд вступил в двухчасовой бой с эскадром красных стрелков. Эскадрон добровольцы своим огнем разогнали, но на месте боя погибло 5 латгальцев. После этого бои с большевиками происходили в районе Огре – Аллажи и в других местах. 31 декабря 1918 г. большевики прорвали оборону немецкого отряда Витгольда и фронт рухнул.

Улманис прекрасно понимал, что латышское батрачество не будет его защищать, и заключил договор с немецким правительством о найме добровольцев из Германии. Всем, кто прослужит более 4 месяцев, он обещал дать гражданство Латвии и землю. При этом добровольцам не требовалось отказываться от немецкого гражданства, не требовалось реально участвовать в боевых действиях. Таким образом, удалось укомплектовать Ландесвер – латвийское ополчение. При этом если роты нацменьшинств – немцев и русских – удалось укомплектовать, то с латышами, которые должны были бы составлять большинство ополчения, была большая проблема. Основная часть латышских добровольцев разбежалась по дороге в Ригу, а из тех четырех рот, которые удалось собрать в казармы, две подняли бунт против

правительства К. Улманиса. Ландесверу пришлось их разоружить и каждого десятого расстрелять. Подполковник О. Колпак со своими подчиненными на фронт в конце декабря идти отказался из-за отсутствия в его отряде полевой кухни. Английская эскадра, на помощь которой надеялся К. Улманис, в это время исчезла из Риги, как утренний туман.

После отступления войск Временного правительства в Лиепаяу большинство бойцов латгальского отряда поехали воевать на Северо-Западный фронт, к генералу Юденичу. Часть бойцов латгальского отряда поступили в распоряжение князя А. Ливена, часть вступили в батальон О. Колпака. Так латгальцы стали первыми защитниками улманисовской Латвии. Нынешняя официальная история Латвии об этом стыдливо умалчивает.

Фронт между немцами, воевавшими на стороне К. Улманиса, и красными латышскими стрелками стабилизировался только возле реки Венты.

Ситуация коренным образом изменилась тогда, когда из Финляндии, после победы над большевиками, прибыл генерал фон дер Гольц. Он объединил под своим руководством все антибольшевистские силы, в том числе Ландесвер, в составе которого был и батальон О. Колпака. В начале марта 1919 г. началось наступление этих сил, и красных латышских стрелков отбросили к Риге. Тут наступление внезапно остановилось. Англичане, которые поменяли курс со свержения правительства большевиков в России на их активную поддержку, ставили теперь своей целью развязать конфликт между частями, верными К. Улманису, и частями фон дер Гольца. Балтийские немцы раскусили замысел перешедшего на службу к англичанам К. Улманиса – с помощью немецкой крови прогнать из Латвии большевиков, а потом отобрать у немцев землю.

Свое истинное лицо К. Улманис полностью показал позже, когда отдал право эстонской армии оккупировать Видземе. Назначенный Временным правительством уполномоченный

в Видземе Гайлитис начал тогда, под прикрытием эстонских оккупационных войск, выгонять из поместий немецких баронов, оставляя в силе решения большевиков П. Стучки о конфискации этих имений. Это было грубое нарушение решений Народного Совета не менять имущественные отношения до созыва Учредительного собрания и утверждения Сатверсме. Факты конфискаций имений и расправы над их жителями стали известны сыновьям баронов, которые проливали свою кровь в борьбе с большевиками. К. Улманис тогда стал распространять в свое оправдание басню про то, что немцы хотят вновь создать Балтийское герцогство.

Фон дер Гольц прекрасно видел, что подавляющее большинство балтишей поддерживает большевиков, и был категорически против мобилизации в свою армию крестьян на освобожденных территориях. Он видел, как возле Лиепайской думы постоянно развевался красный флаг. К. Улманис же тайно стал производить мобилизацию крестьян и при этом активно распространял информацию том, что после избавления от большевиков из Латвии будут изгнаны и немцы.

Немцы, на плечи которых легла основная тяжесть дел по освобождению Латвии от большевиков, не могли смириться с участью, которую готовили им балтиши. В начале апреля немцы подали меморандум, практически повторявший содержание «Декларации прав человека» В. Вилсона. Три пункта из меморандума актуальны и в нынешней Латвии: «1. Частная собственность неприкосновенна. 2. Равноправие языков. 3. Избрание чиновников не по партийному или национальному признаку, а по способностям». Немцы хотя и были в явном меньшинстве в Балтии, но в хозяйственном отношении имели огромное значение. У немцев был многовековой опыт управления, причем не только в Балтии, но и в России. Отказ от сотрудничества с немецким меньшинством и построение «Латвии для латышей» дорого обошлись потом Латвии.

Отметим, что ни один из сформулированных немцами принципов не соблюдался ни при Улманисе, ни во времена Советской Латвии, ни в нынешней Латвийской Республике. Нарушение этих принципов привело к гибели двух первых государственных формирований и предвещает большие проблемы для нынешней Латвии.

К. Улманис, опасаясь за свое положение, а также под давлением Антанты согласился на переговоры с немцами и был готов даже дать им какой-нибудь малозначительный министерский портфель. Прибывшая на отдых ударная часть Ханса Мантейфеля, заручившись нейтралитетом отряда Я. Балодиса, разогнала латышские комендатуры на освобожденной от большевиков территории. Переговоры о будущем Латвии между немцами и Временным правительством зашли в тупик. К. Улманис спрятался от немцев под охраной пушек английских крейсеров на корабле «Саратов». Князь А. Ливен от поста главы правительства тогда отказался. Поэтому премьером стал пастор из Калснавы Андриевс Ниедра. Под его руководством антибольшевистские силы и заняли Ригу.

Это была настоящая гражданская война, в которой участвовали все жители теперешней Латвии. Сегодня ее почему-то называют Освободительной войной.

Андриевс Ниедра предвидел судьбу Латвии заранее. Он писал: «Государством нельзя управлять как частной лавкой, как это делалось при К. Улманисе, нельзя мешать личные интересы с государственными. Землю нельзя у одних отбирать и отдавать бесплатно другим».

За эту позицию К. Улманис потом всю жизнь преследовал А. Ниедру, выдворил его из Латвии, как врага народа и предателя. К. Улманис победил А. Ниедру, но политика его так и осталась близорукой и направленной на перераспределение чужого имущества, извлечение личной корысти. А. Ниедра вернулся на родину только летом 1942 года. В последний путь А. Ниедру проводили с кафедры архиепископа. Кто и как

проводил К. Улманиса в последний путь в Туркмении, куда его выслали большевики, мы можем только догадываться.

В июне 1919 года эстонская армия оттеснила красных стрелков за Айвиексте. Ландесвер пошел на Цесис, чтоб остановить разграбление эстонцами имущества, оставленного большевиками, а также чтобы прекратить грабеж имений. Правительство А. Ниедры потребовало от Эстонии прекратить оккупацию Латвии и вернуть войска обратно. Под крылом эстонцев в это время организовалась так называемая армия Й. Земитана, которая на деле представляла собой только несколько батальонов. Легенда о целой армии нужна была для того, чтобы скрыть тот факт, что Ландесвер воюет не с эстонской армией, а с латышами. Эстонцы на оккупированных территориях совершали военные преступления, насиловали женщин, грабили имущество. Об этом свидетельствуют сохранившиеся донесения местных властей в Государственном архиве Латвии.

Эстонцы выставили Ландесверу ультимативные требования отступить, практически объявили ему войну. Ландесвер ультиматум проигнорировал и начались так называемые Цесисские бои. В ходе этих боев эстонская армия, поддерживаемая Антантой, взяла верх и Ландесвер стал отступать. Кровавое пролитие закончилось перемирием. Ландесвер был расформирован, немецкие наемники уволены. Из остатков отрядов сформировали новое, первоначально немецкое по своему составу, ополчение – земессардзе. Земессарггов срочно отправили на фронт под Ливаны против большевиков. Правительство А. Ниедры под нажимом Антанты пало, и пост главы Временного правительства из рук англичан был передан К. Улманису.

Эстонцев в Ригу не пустили, поскольку нельзя было показать, кто на самом деле прогнал большевиков из Видземе. Эстонцы до сих пор за это в обиде на латышей. В Ригу вошла «армия» Й. Земитана. Части Я. Балодиса между тем соблюдали нейтралитет, пока шла братоубийственная война,

которую развязали союзники, чтобы защитить правительство большевиков в Москве чужими руками.

В это время в Курляндии организовывается Северо-Западная армия под руководством полковника П. Бермонта. В его армию вливаются немецкие добровольцы, которых обманул Улманис, нарушив декабрьский договор 1918 года о наделении их латвийским гражданством и землей. Эта армия становится угрозой для большевиков, и тут опять в дело включаются англичане. Они пытаются отправить эту армию на войну с большевиками морским путем и готовят ей участь армии Юденича. Отряд ливенцев удается морем отправить на фронт. До этого самого Ливена тяжело ранили в засаде, организованной большевиками возле Инчукалнса. Существует версия, что произошло это не без помощи англичан.

Завоевание Латгалии становится в это время второстепенным делом. Главной задачей, которую поставили перед К. Улманисом его новые хозяева англичане, было не пропустить Северо-Западную армию П. Бермонта на большевистский фронт. К. Улманис, тайно от других союзников, под видом организации Красного креста, отправил свою делегацию с особыми поручениями в Москву. Там она должна была получить гарантии от руководства большевиков о ненападении на Латвию. О чем договорились стороны, до сих пор секрет, но по действиям обеих сторон можно понять суть дела. В начале сентября 1919 г. большевики спокойно снимают свою гвардию латышских стрелков и отправляют ее на юг России, где решается судьба большевизма. Красные латыши спасают большевиков на юге, а белые латыши в это время снимают с латгальского фронта свои части и отправляют их на новый – Рижский фронт против своих недавних союзников под руководством П. Бермонта. Цель этих действий была одна – спасти большевиков и получить независимость любой ценой. Независимость обеспечивалась посредством заключения договора с большевиками, а не с законным российским пра-

вительством. Независимость планировалось получить «на вечные времена». Правда, вышло всего только на 20 лет.

Опять начинаются бои на Рижском фронте, опять там присутствуют английские офицеры. «Белые» латыши бегут от бермонтовцев за Даугаву, правительство перемещается в Цесис, командующий бросает свои войска. Дорога на восток оказывается открыта. Однако тут П. Бермонт допускает ошибку – останавливается и просит Временное правительство мирно пропустить его через Латвию. К. Улманис молчит. Используя возникшее замешательство противника, немногочисленные защитники Риги сжигают мосты через Даугаву. Тут частям Временного правительства на помощь приходят вошедшие в реку корабли союзников, которые открывают огонь по жилым кварталам Пардаугавы, где разместились отряды П. Бермонта. Правительства Антанты в это время грозят оккупировать промышленные районы Германии. Берлин дает команду вывести немецкие части из Латвии. Латвия объявляет войну Германии. Войска П. Бермонта отступают в направлении Литвы и Пруссии.

Целый год во время описываемых событий территория Латгалии находилась под властью правительства большевиков, возглавляемого Петром Стучкой. Повсюду действовали военные трибуналы. Осквернялись церкви, вытаскивались гробы из склепов и в них искали сокровища, ломали кресты, убивали священников и помещиков. В имениях организовывали коммуны. Весь собранный урожай конфисковывали и отправляли в воинские части для обеспечения боевых действий во имя реализации мировой революции.

Весной 1919 года большевики начинают формировать вторую дивизию Советской Латвии. В нее мобилизовывают молодежь, но она бежит в леса. Начинается стихийное сопротивление отрядам красных латышских стрелков, которые забирают хлеб у крестьян. Отряды ушедших в леса призывников, т.н. «зеленые братья», нападают на

обозы красных, освобождают задержанных ими людей. В окрестностях Болвы партизаны контролируют целые районы. К лету 1919 года партизаны держат фронт от озера Лубана до сегодняшней границы с Россией. Это в то время, когда части Временного правительства воюют со своими недавними союзниками. В июле отряды «зеленых партизан» берет под свою опеку Временное правительство и организуется Латгальский партизанский полк. Командиром полка назначается латыш, делается попытка заменить на латышей всех командиров батальонов и рот, но партизаны не соглашаются с этим.

В чем было отличие латгальских партизан от остальных частей Временного правительства? Отличие заключалось в том, что их не вооружают в долг за латгальский лен англичане, а они сами воюют со своим оружием и лошадьми. Кроме того, они вступали в полк с целью защищать свое собственное имущество.

Только 3 января 1920 года начинается изгнание большевиков из Латгалии. Решающую роль в этом процессе играют польские легионы, которые потеряли в этих освободительных боях около 1000 человек. Немецкие земессарги потеряли в этих боях более 200 человек, Латгальский партизанский полк – около 100 человек. Девять латышских полков, вместе взятые, в боях с большевиками потеряли около 50 человек. Численность потерь – яркое свидетельство существования тайных соглашений Временного правительства с большевиками, о которых командование добровольческих частей и польских легионов не знало. Потом, если о каждой латышской части, участвовавшей в этих боях, была написана отдельная книга, то литературы о Ландесвере и о роли латгальских партизан в борьбе против большевиков очень мало. Обе последние части сразу после гражданской войны расформировали и успешно забыли о них. Расформировали эти части потому, что собирались отобрать землю и имущество у немцев, поляков и русских, а Латгалию аннексировать и превратить в новую

колонию «Тобаго», то есть в источник сырья и рабочей силы.

В первое время независимости жителей Латгалии в регулярные воинские части не призывали, оружие им не доверяли. Зато была создана Трудовая армия, в состав которой входили так называемые лесоэксплуатационные батальоны. Бойцы этих частей бесплатно пилили лес для правительства в Риге.

Итак, Латгалия была освобождена от большевиков, но зато оккупирована частями Временного правительства.

В Латгалии после освобождения от большевиков власть не переходит к Земельному совету Латгалии. Здесь назначается начальником вновь образованного «Латгальского округа» А. Берзиньш, и ему передается вся власть в Латгалии. Вводится военное положение и комендантский час. Так, в присутствии военных частей Временного правительства, начинаются выборы в Учредительное собрание. Под крылом начальника округа «латгальского гаулейтера» А. Берзиньша в Латгалии организуются карманные партии балтиешей. Назначенная из Риги балтиешами администрация не дает права агитации партиям латгальских патриотов. В Латгалии активными избирателями являлась и дислоцированная здесь армия балтиешей. Как и за кого голосует армия, всем известно. И, тем не менее, все депутаты от Латгалии отказываются голосовать на Учредительном собрании за «конституцию», в которой записано, что Латвия унитарное государство.

Все решения латгальских съездов Учредительным собранием во внимание не принимаются. Мало того, большая часть Дрисенского уезда, населенного около 45 000 латгалов, отдается Белоруссии, а к Латвии присоединяется округ Пыталово, в котором живет 95 процентов русских. А для чего это делается, спрашивается? Ответ прост: чем меньше латгалов, тем сильнее позиции латышей-балтиешей. Ведь в те годы Курляндия была малонаселенной. Поход делегации жителей Дрисенского уезда к «гаулейтеру»

Латгалии с просьбой организовать плебисцит по поводу их принудительного присоединения к другой стране оказывается безуспешным. Согласно мирному договору и договоренностям правительственных комиссий, в которых не было ни одного латгала, войска Временного правительства оставляют Дрисенский уезд. Потом тех латгалов, которых пощадили сталинские репрессии в Дрисенском уезде, добились свои «братья» во время карательных операций против советских партизан зимой 1943 года.

С первых дней освобождения Латгалии от большевиков ее переполнили чиновники из бывших балтийских губерний с тем, чтобы научить латгалов «правильному» языку и освободить их от непристойной речи. Латгальский язык провозглашается диалектом латышского. Однако до середины 30-х годов он еще изучается в начальной школе. После фашистского переворота К. Улманиса латгальский язык запрещается вовсе, книги на нем изымаются из библиотек и сжигаются. До этого, при крайне странных обстоятельствах, погибает З. Мейеровиц, который обещал латгалам сохранить возможность пользоваться родным языком.

С 1925 года из государственных учреждений Латвии изымаются печати с надписями на латгальском языке. Переименовываются названия рек, озер, населенных пунктов. Все эти топографические названия переводятся на «правильный» язык.

С отделением церкви от государства создаются светские органы регистрации гражданского состояния граждан – загсы. В результате появляется возможность давать несвойственные католикам имена. Перед крещением ребенка необходимо было зарегистрировать в загсе. А как быть с больным или если крестить надо было в пятницу? Помрет не крещенным, или священнику за незаконное крещение без регистрации надо было отправляться в тюрьму?

Латвия своим радикальным аграрным законом причислила себя к странам, где не соблюдается право на собст-

венность. Латгалия еще была под большевиками, а уже стали делить награбленное имущество «поровну». В Курземе и Видземе хозяйства в результате получали в среднем по 45–50 га, а в Латгалии их размер был не более 7–15 га. В Мердзенской волости Латгалии было около 15 000 жителей, а в некоторых волостях Курземе по 700 человек. Так, в среднем в Курземе и Видземе, где семьи были по три-четыре человека, образовались хозяйства, которые не могли обрабатывать землю без привлечения наемной рабочей силы. В Латгалии семья из 10–15 человек жила на 5–7 га. «Один закон, одна правда для всех»?

Оправданием аграрной реформы, а на самом деле грабежа, было то, что около половины всей земли в стране принадлежало не латышам, а немцам, полякам, русским. Как и всегда при грабеже, достается больше тому, кто сильнее. Так было и с аграрной реформой в Латвии. Землю часто получали спекулянты, ведь каждый, кто не имел земли, мог ее взять, даже городские чиновники, а потом продать. Латышский поэт, социал-демократ и депутат Сейма Я. Райнис «подарил» себе имение Дурбе, принадлежавшее ранее ландесверовцу фон Реке. Это при том, что фон Реке освобождал Резекне от большевиков. Жена Я. Райниса метила на имение Стукманю. Народ вышел против этой семейной пары с плакатами, на которых были записаны слова самого Я. Райниса: «Долой чертей помещиков!»

Так, в результате аграрной реформы латгальцы стали батрачить на своих «старших братьев». Пошатнулось правосознание всего народа Латвии, в которой в течение веков менялись разные власти, но отношение к частной собственности оставалось всегда неизменным. Народ понял, что можно брать чужое и оформлять его как свое. Где правильный рубеж – сколько семье может принадлежать земли? 100 га в Курземе и 50 га в Латгалии. А может, всем не более 30 га, как предлагали большевики в 1940 году?

Крестьяне, которые обрабатывали землю, от такой аграрной реформы мало что получили, а вот чиновники-балтииши и местные волостные «предводители», партийные «боссы» выгоду поимели немалую. Некоторые из них застраховали вновь присвоенные имения и потом подожгли их, поскольку ни сил, ни умения хозяйствовать у них не было. Всякое было. В Курземе и Земгале имения своих «врагов»-немцев отдали отчасти генералам-победителям, в некоторых из имений разместили школы.

Для жителя Латгалии в улманисовской Латвии окончить вуз было почти неосуществимой мечтой. Только около одного процента латгальцев училось в университете. В военном училище из курса в 100 человек только два-пять были латгалы, и то в основном выходцы из Курземе.

Сильный удар по жизненному укладу латгалов нанесла политика принудительного расселения по хуторам. Из-за нее рухнула старая система хозяйствования. На хутора выходили и при Столыпинской реформе, до Первой мировой войны, но это происходило на добровольной основе. Хорошо, если было много сыновей, чтоб перенести дом на хутор, а если нет рабочей силы? К. Улманис во время праздника жатвы в Резекне сказал однажды такие слова: «Латгалия за десять лет сделала столько, сколько некоторые европейские страны не сделали за 200 лет». Вот только чего это стоило жителям Латгалии – латгалам, русским, полякам, всем? А если бы они знали, что ровно через 4 года начнется новый дележ земли, но уже по 10 га, а через 13 лет и вовсе начнется переселение с хуторов обратно в поселки?

В 1934 году в результате государственного переворота К. Улманис стал вождем нации. Патриотов Латгалии, которые обратились к народу с протестами по поводу дискриминации латгальцев, в 1939 году арестовали, запугали, но через некоторое время отпустили.

В Латвии, согласно договору, в это время размещаются части Красной армии, а в июне 1940 года вводится до-

полнительный воинский контингент. Улманис по радио говорил тогда народу: «Сегодня, с согласия правительства, вводятся дружеские войска. Просим им оказать содействие». Произносимые ранее К. Улманисом слова – «Все, как один, умрем за Родину» – остались пустым звуком. К. Улманис лично подписывает приказ о ликвидации и разоружении своей гвардии – айзсаргов.

Обе сверхдержавы – СССР и Германия – готовятся в это время к войне. Перед войной происходят сталинские депортации населения. Почти все, кто в какой-то мере был связан с предыдущей властью, с семьями или без таковых, высылаются.

В июне 1941 года Латвию оккупируют немецкие войска. Те, кто получил 10 гектаров от советской власти, становятся преступниками. Не было пощады евреям, комсомольским и партийным активистам, всем, кто хоть как-то был связан с советской властью. Все те, кто активно помогал немцам в начале войны, теми же немцами были быстро разоружены и им объяснено, кто в стране теперь хозяин. Под руководством оккупационных властей создаются самоуправления и местная полиция. В Латгалии чиновников самоуправления, по старому обычаю, назначают из Курземе и Видземе.

Жителей Латгалии определяют в так называемую «мобильную группу», которую планируют в будущем расселять вглубь «новой Европы». Жителей Курземе и Видземе немецкие нацисты приравнивают к арийцам и определяют к ассимиляции на месте. В Латгалии, несмотря на протесты «настоящих латышей» – руководителей самоуправлений, немецкий гаулейтер Рикен разрешает издание книг на латгальском языке. За два года издается больше книг, чем в «свободной» Латвии за все время ее существования. Какую цель имели немцы, до сих пор не ясно. Ставить памятник гаулейтеру из-за «любви» к латгалам или он преследовал цель с помощью книг выявить неполноценные и пригодные для переселения элементы, дабы не ошибиться?

Когда немецкую армию на Востоке сильно потрепали, в Латвии стали организовывать добровольческие батальоны, которые, по большей части, потом использовали для карательных операций против партизан. В 1943 году на фронтах немецкой людской силы стало не хватать, и немцы решили уже подвергнуть население Латвии принудительной мобилизации. В Литве эта операция провалилась, поскольку литовские генералы сказали «нет» и пошли за это в концлагеря. По-другому поступили латышские генералы. Они успешно создали две дивизии Ваффен СС. Командный состав этих дивизий почти все – выходцы из Курземе и Видземе, а пушечное мясо в окопах почти все – выходцы из Латгалии и городов Латвии. Хозяева земли в Курземе и Видземе были освобождены от призыва, и сыновья часто откупались от призыва мясом и другими продуктами. Несмотря на то, что больше половины жителей Латгалии не явились на призывные пункты, властям, путем облав на вечеринках и по месту жительства, удалось численность латгалов в легионе довести до 40–45 процентов личного состава. Все они, как один, были посланы на передовую. Немцы обычно легионеров ставили под удар Красной армии в стыке соединений немецких частей или использовали для того, чтобы прикрывать отступление.

Латышские самоуправления помогали организовывать отправку молодежи на бойню. Прадеда автора этой статьи, например, немцы взяли в заложники для того, чтобы его сын вернулся обратно, в легион.

Весной 1944 года возле границы своей родины обе латышские дивизии Ваффен СС потерпели поражение. Те, кто был ближе к дому, дезертировал и успел повоевать потом за И. Сталина, участвовал во взятии Берлина. Летом 1944 года в Латгалии в Красную армию призывали всех, даже тех, кого немцы ранее забраковали. Необученную молодежь потом посылали воевать против немцев. Часто брат воевал против брата.

Часть призывников, видя большие потери в Красной армии, не являлись на призывные пункты или дезертировали после первого ранения и подавались в лес. Была такая поговорка: «Лучше пару месяцев в лесу, чем день на фронте». В Латгалии таких была основная масса из тех, кто ждал конца войны в лесу. К ним присоединились и те, кому, по сталинским законам, за пособничество немцам грозил лагерь.

Началась война после войны, где нет победителей. Война «лесных братьев» быстро бы закончилась, если не активная западная пропаганда, которая призывала идти крестовым походом на войну с большевиками. Со временем основная масса национальных партизан стала легализовываться, в лесу остались только те, кто совершал теракты или боялся ответственности за преступления. Советское правительство не сдержало своего слова и в 1949 году депортировало тех, кто был до этого амнистирован или поддерживал партизан. Последний «лесной брат» – дезертир из Красной армии – лес в Латгалии оставил в 1994 году. Некоторые так и померли нелегалами и похоронены родственниками поблизости от родного дома.

Не будем подробно касаться истории советского периода, но отметим только несколько важных моментов.

Последняя книга на латгальском языке вышла в Советской Латвии в 1961 году. Постановление о запрете книгопечатания на латгальском языке называлось следующим образом: «Режим единого языка». Этот режим в школах и в делопроизводстве действует негласно до сих пор.

Латгальский язык при советской власти стали искоренять как язык католической веры. Несмотря на то что советы подавляли частную собственность, что и привело строй к кризису, было много позитивных моментов, например, всеобщее бесплатное образование. У латгалов была возможность получить высшее образование, хоть и не на родном языке.

После 1920 года, во имя создания единого латышского народа, уничтожили ливский язык. После того как носителей этого языка не стало, разрешили в паспорте записать вместо латыша «лив». Дать заключение, кто удостоен этого эксклюзивного права, может «Общество ливов». Однако мало кто из членов этого общества уже владеет ливским языком.

А вот латгалы, которые владеют родным языком, а некоторые и пишут на нем, лишены права на самоидентификацию. Это явное нарушение прав человека. На этот факт Латвии указал Европейский союз в докладе своей Комиссии по расизму и нетерпимости. Указали и то, что Латвия лишила часть граждан права на самоидентификацию. Ведь по латвийскому закону национальность можно менять в течение двух поколений, а до этого времени запись о национальности обязательно ставило государство. Комиссия рекомендовала дать возможность людям для самоидентификации или убрать запись национальности из паспортов. Латвия это сделала, а через некоторое время возобновила практику, но введя условие – запись можно было делать только по «классификатору народностей». Этот классификатор создан специально для того, чтоб не надо было подделывать результаты переписи населения, как это было в 2000 году. Во время этой переписи многие латгалы в свободной графе «другая национальность» и «другой родной язык» записали – латгальский.

Уже почти 150 лет, как разные власти осуществляют языковой холокост или этноцид против латгалов. Несмотря на то что уже около 90 лет не изучается латгальский язык в школе и не используется в делопроизводстве, 168 000 респондентов во время последней переписи населения отметили, что пользуются латгальским языком в семье. А кто считал тех, у кого семьи смешанные или у кого вообще семьи нет? Что надо было ответить переписчику населения одинокому человеку? Политика языкового этноцида под корень подрезала владение письменным латгальским языком, и 99 процентов латгалов им не владеют.

Государство дошло до того, что Сенат Верховного суда ЛР своим решением документ, составленный на латгальском языке, признал составленным на иностранном и приравнял его к русскому языку. Латгалы признаны изгоями на территории, на которой проживают более 1000 лет. А некая «эксперт» Марта Рудзите, на выводах которой основывается приговор Верховного суда ЛР о том, что латгальский язык является иностранным, в 1964 году определила: «Ставится вопрос: были ли латыши одно племя в XI веке или латгалы другой народ?». Автор такого рода надуманной альтернативы М. Рудзите, наверное, основывается на выводах «Института медицинской зоологии» времен нацистской оккупации. Институт этот во время войны располагался в имении Клейсты и как раз занимался изучением «расовых проблем» в Латвии, в том числе сравнивал латышей и латгалов в расовом отношении.

О чем думали законодатели, когда в законе о языке записали: «Латгальский язык является разновидностью латышского, который сохраняет и развивает государство»? Как язык можно сохранить и развить, не изучая его в школе, не пользуясь им в делопроизводстве? Наверное, законодатели решили, что с латгальским языком покончено раз и навсегда и никто не напишет иск в суде на латгальском. Но это произошло совсем недавно, и Министерство юстиции ЛР теперь является ответчиком в суде по делу о недаче ответа заявителю на латгальском языке.

Под термином «литературный язык» сейчас подразумевается только латышский, а латгальский, выходит, не «литературный» язык. 300-летнюю историю книгопечатания на латгальском языке не хотят засчитывать.

Латвийский омбудсмен так ответил летом 2012 года в письме на заданный ему автором статьи вопрос о дискриминации латгалов: «Есть государственная нация латыши, к которым мы причисляем и латгалов... К латгалам допустимо особое отношение». Это он, наверное, имел в виду под

особым отношением запрет на изучение родного языка в школах и запрет на использование его в делопроизводстве? Латгалам, по его мнению, принадлежит честь считаться государственной нацией. Но мы, латгалы, хотим быть теми, кто мы есть на самом деле, и нам такой чести не надо. Такая честь дорого обходится. Это нам самим надо отказаться говорить на родном языке, отказаться от родного письменного языка. Ведь если нет, то ты против единения народа. В лучшем случае за это назовут тебя и твоих детей презрительно «чангалами». Это одна из причин, почему латгалы со своими детьми мало говорят на родном языке. Среди других народов Латвии такого нет. Например, дети русских свободно на улице говорят по-русски по всей Латвии. Это потому, что русский язык пока изучается в школах, он легальный, а разговаривать на латгальском сейчас – проявлять отсталость. Переступив порог школы, латгалам надо забыть про своих дедушку и бабушку и то, как они говорят между собой.

Еще в середине девяностых годов в средней школе города Прейли была надпись: «Будем говорить правильно». Сейчас надобность в этой надписи отпала и все в школе говорят «правильно». Даже гимн латгальского города Прейли сочинили недавно на «едином правильном» языке.

Зимой 2013 года было создано общество «Союз латгалов». Латышские власти отказали в регистрации общества на том основании, что документы в Регистр, по их мнению, были поданы на иностранном – приравненном к русскому – латгальском языке. Сейчас против решения Регистра подан иск в суд. Латгалы не хотят, чтобы их постигла печальная судьба ливов. Латгалы имеют право на школы на родном языке, на радио- и телевидение на латгальском языке. Пока Латвия этого права им не дает. Высшие латышские чиновники утверждают, что латгалы так любят госязык, что отказались в его пользу от своего родного. Латвия, мол, не столь богата, чтобы обеспечить изучение латгальского языка. Латвия может

обеспечить изучение любого, но только не латгальского языка.

У языка всегда есть рыночная стоимость – потребность в нем людей. Если это государство рыночную стоимость латгальского языка свела к нулю, если чиновник может работать в Латгалии, не зная латгальского языка, так кто его будет изучать? Мы сейчас живем в Европе, и вопрос о дискриминации латгальского языка, о праве латгалов на самоидентификацию в Латвии не может быть оставлен без внимания. Есть множество людей, которые молча поддерживают латгальский дух, но они зависят от государства, им семью кормить надо. Публичный разговор на латгальском разрешается только в специально отведенных для этого местах: в музеях, на волостных праздниках песен, в специальных радиопередачах для миноритетных этносов. Если бы латгалы к миноритетам относились не только во время специальной десятиминутной радиопередачи, но и по закону, то отсутствие латгальских школ расценивалось бы как этноцид.

Когда властям надо сослаться на то, что латыши в стране составляют большинство и они государствообразующая нация, то в состав этой нации включают латгалов. В других случаях о латгалах стараются не вспоминать.

Латгалы понемногу начинают осознавать себя. Это процесс длительный. Мы не ливы, у нас большие возможности в будущем для развития. В Латгалии из всех латышей латгалы составляют 99 процентов, в остальной Латвии их как минимум одна треть, Как нас могли «сосчитать» во время последней переписи населения только в 168 000 человек?

Под давлением общественности власти стали финансировать кое-какие телевизионные передачи о Латгалии, однако подчеркивая при этом ее «латышскость». Одно названия передачи чего стоит – «Citadi latviskais» («По-другому латышский»). Министерством культуры издается газета «Лакуга», из которой можно узнать культурные

новости Латгалии на латгальском языке. Некоторые профессора-латгалы пытались придать латгальскому языку статус регионального или продвинули тезис о том, что латышский язык имеет две формы письменности: балтиешу и латгальский. На это власти предупредили интеллигенцию, что если она хочет сохранить работу, то ей не надо лезть в политику. Издавайте, мол, на свои деньги стихи, рассказы, энциклопедии, и достаточно. Статус регионального языка получить, мол, нельзя, и виноваты в этом русские, ведь они после вас также попросят особый статус для своего языка. Так что, будьте добры, ради единения нации откажитесь от своего родного языка.

Все латгальское держится на энтузиазме тех латгалов, которые не желают поддаваться насильственной ассимиляции. Народные барды Ансис Атаолс-Берзиньш, Юрис Островскис и другие своими песнями поднимают латгальский дух. Историк Марис Румакс создал латгальский флаг, и сейчас он является символом и олицетворением нарушенных требований латгальских съездов. Правда, на последнем празднике песни этот флаг рекомендовали не нести. Ведь в цвета флага Латгалии разрисовали карту сторонники автономии Латгалии. А одна мысль об автономии Латгалии преступна. Латгал Питерс Луоцс за свои деньги содержит музей латгальской письменности. Общество «Крома колна бруолисте» восстанавливает замок латгалов, не каких-то придуманных «древних», а наших прямых предков.

Мы, латгалы, оптимисты и надеемся, что придет тот день, когда первого сентября на первом звонке прозвучат слова, что с сегодняшнего дня наши дети будут учиться на родном языке.

ДИСКРИМИНАЦИЯ В ЭСТОНИИ

Мечислав Юрьевич Русаков,

*директор Правозащитного центра «Китеж»,
председатель правления НПО «Русская школа Эстонии»*

История вопроса

Традиция неравного обращения по отношению к русским в Эстонии ведет свое начало с советских времен. Учебные группы в вузах на эстонском языке были непропорционально больше, чем на русском. Эстонские служащие быстрее делали карьеры. Эстонским писателям было проще публиковаться, чем русским. В эстонских предприятиях зарплаты были выше, чем в русских. И так во всех сферах жизни.

Но на тот момент неравенство было в разумных рамках, и его всегда можно было обосновать защитой прав нацменьшинств. Эстонцы были национальным меньшинством в Советском Союзе. Едва зародившаяся в начале XX столетия эстонская элита была частично репрессирована, частично эмигрировала. Поэтому стояла задача в рекордно короткие сроки создать новую эстонско-советскую элиту.

12 января 1991 года в Москве был подписан Договор об основах межгосударственных отношений РСФСР и Эстонской Республики. Статья 3 этого договора предусматривала, что *Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика и Эстонская Республика берут на себя взаимные обязательства гарантировать лицам, живущим на момент подписания настоящего Договора на территориях Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Эстонской Республики и являющимся ныне гражданами СССР, право сохранить или получить гражданство Рос-*

сийской Советской Федеративной Социалистической Республики или Эстонской Республики в соответствии с их свободным волеизъявлением.

Вопреки вышеупомянутому положению действующего Договора Эстония при обретении независимости лишила эстонского гражданства подавляющее большинство живущих на ее территории русских. Был провозглашен принцип континуитета, согласно которому получившая 6 сентября 1991 года независимость Эстонская Республика стала продолжением Первой Эстонской Республики (1920–1940). На основании этого удобного для эстонских русофобов принципа гражданами Эстонии были признаны только потомки граждан Первой Республики. С учетом же того, что основная масса русских приехала в Эстонию после 1940 года, они были лишены эстонского гражданства. Так треть населения страны была лишена гражданских и политических прав, а также возможности работать в госаппарате даже на самых низких чиновничьих должностях.

Но даже этого оказалось мало. Был провозглашен лозунг – «Очистим площадку!». Это означало – заменим оставшихся на средних и высших государственных должностях русских эстонцами. У многих русских карьеры пошли вниз.

Следующим этапом массовой дискриминации русских в Эстонии стало введение требований по знанию эстонского языка. Эти требования явно завышенные, и также они слишком явно были направлены именно на вытеснение русских из основных сфер жизни. Так, например, на высшую категорию должны знать эстонский язык врачи, психологи, логопеды, полицейские, фармацевты (список не исчерпывающий). При этом у психолога могут быть только русские клиенты (обычно так и бывает), а логопед может быть логопедом именно русского языка. Педагоги русских школ обязаны владеть эстонским на среднем уровне. Более того, даже воспитателей в детских садах признали педагогами и требуют от них владения эстонским языком на том же среднем уровне.

Чтобы не быть голословным, приведу два конкретных примера двухэтапной «расчистки площадки» из своей практики. Заместитель гендиректора Департамента тюрем был сначала понижен до начальника тюрьмы, а потом – заведующего столовой. И даже с этой должности его уволили за «недостаточное владение эстонским языком». Главврач тюремной больницы стал рядовым врачом, а потом и вовсе был уволен все с той же формулировкой – «недостаточное владение эстонским языком». Не помог даже сданный на высшую категорию экзамен по эстонскому языку. Врачу с тридцатилетним стажем не простили того, что он путается в падежах (в эстонском языке их 14).

Теперь рассмотрим проблему дискриминации, что называется, в лицах.

Русский омбудсмен vs. Transparency International

В 2011 году на интернет-странице эстонского представительства международной организации Transparency International НКО «Эстония, свободная от коррупции» (Korruptsioonivaba Eesti) было опубликовано объявление о замещении вакантной должности руководителя проекта.

Мой коллега юрист-правозащитник Сергей Середенко принял участие в этом конкурсе, отправив на указанный электронный адрес свое резюме, мотивационное письмо и список конференций, в которых он участвовал.

Через пару недель Сергей получил от исполнительного директора НКО г-на Ассо Прий электронное письмо, в котором тот сообщил, что г-н Середенко сильный кандидат, но, к сожалению, окончательный выбор пал на другого человека.

На следующий же день Сергей отправил г-ну Прию электронное письмо, в котором просил переслать ему резюме и мотивационное письмо кандидата, победившего в конкурсе, чтобы убедиться в том, что при приеме на работу не было

дискриминации, так как возникли основания полагать, что он был дискриминирован по национальному и возрастному признаку.

В своем ответном письме г-н Прий утверждал, что он не может передать резюме и мотивационное письмо, так как они содержат личные данные. К тому же победитель конкурса не известен, так как прошли еще не все его этапы. Станным образом в своем письме от 24.08.2011 г. г-н Прий сообщал о том, что окончательный выбор пал на другого кандидата. Очевидно, что информация, содержащаяся в предыдущем письме, противоречила информации, содержащейся в письме последующем.

Вскоре на сайте НКО «Эстония, свободная от коррупции» в разделе новостей была помещена информация о том, что в их команде появился новый руководитель проекта. Новым сотрудником оказался эстонский юноша, получивший лишь недавно степень бакалавра по социологии. Это обстоятельство дало еще большие основания для подозрений в дискриминации по этническому и возрастному признаку. Сергей имеет большой опыт работы в области защиты прав человека, в т. ч. борьбы с коррупцией, прекрасно владеет эстонским и английским языками, имеет два высших образования, одно из которых юридическое, а его даже не пригласили на собеседование.

Эстонское антидискриминационное законодательство предусматривает право лица, подозреваемого, что его дискриминировали, обратиться к дискриминатору с требованием объяснений, и последний обязан эти объяснения предоставить в течение 15 дней. При этом отказ в даче этих объяснений фактически означает признание дискриминации.

Сергей Середенко, руководствуясь этими положениями, представил соответствующее ходатайство о разъяснениях НКО «Эстония, свободная от коррупции». Через месяц был получен формальный ответ, в котором сообщалось, что

опубликованные на сайте НКО требования к кандидатам не являлись дискриминационными и, соответственно, НКО «Эстония, свободная от коррупции» не нарушило принцип равного обращения при приеме на работу.

Сергей вовсе не утверждал, что указанные на сайте НКО требования к кандидатам были дискриминационными. Его подозрения, которыми он поделился с НКО «Эстония, свободная от коррупции», заключались в том, что помимо этого использовались и другие критерии отбора. Также он хотел узнать, в чем конкретно другой кандидат оказался лучше его.

24.10.2011 г. Сергей подал заявление о возможной дискриминации уполномоченной по гендерному равноправию и равному обращению Мари-Лийс Сеппер.

По Закону о равном обращении на подобные заявления уполномоченная обязана реагировать в течение двух месяцев. Однако ответа пришлось ждать почти год, и он последовал только после того, как уполномоченной пригрозили судом за неисполнение предусмотренного законом срока. Г-жа уполномоченная решила, что при приеме на работу г-на Середенко принцип равного обращения нарушен не был. Только от нее мы узнали, что, оказывается, Сергей не подошел из-за того, что указал в своем резюме наличие у него хорошего устного и среднего письменного английского, в то время как его счастливый соперник, со свойственным молодости оптимизмом, оценил свой английский как отличный. При этом у НКО не было оснований предполагать, что у г-на Середенко английский лучше, чем он сам указал в своем резюме.

Здесь сразу возникает вопрос, почему об этом не было сообщено в ответе на ходатайство о даче разъяснений о возможной дискриминации? НКО «Эстония, свободная от коррупции» потребовался год для того, чтобы выдумать благовидный предлог для отказа.

Также помимо знания английского языка в объявлении было указано еще четыре критерия:

1. Высшее образование (желательно публичное администрирование, государственные науки, право или журналистика)

2. Хорошие аналитические способности

3. Способность работать самостоятельно

4. Очень хорошие способности общения и самовыражения.

Знание английского и эстонского языков было указано последним критерием.

По всем четырем критериям Сергей очевидно являлся более сильным кандидатом, чем победитель конкурса. И это не было секретом для НКО «Эстония, свободная от коррупции». Вся эта информация содержалась в резюме и мотивационном письме Сергея. У Сергея высшее юридическое образование, также большой опыт в публичном администрировании и журналистике. Его же конкурент ни к одной из перечисленных сфер образования отношения не имеет, так как является социологом, и в своем мотивационном письме сам признал свое несоответствие первому критерию конкурса.

Сергей является признанным аналитиком, о чем он со ссылками на доказательства сообщил в своем мотивационном письме. Аналитические способности его соперника пока никак не проявились.

Сергей Середенко руководил отделами солидных организаций, долгое время был руководителем своей юридической фирмы, с 2004 г. самостоятельно и в одиночку исполняет обязанности русского омбудсмана. Это свидетельствует о его способности работать самостоятельно. Конкурент может похвастаться только тем, что 3 года возглавлял отдел кадров в кафе.

Сергей более 10 лет работал адвокатом и выступал в судах, является автором нескольких прецедентов. Это уже предполагает очень хорошие способности общения и самовыражения. У «победителя» подобный опыт отсутствует.

Что касается знания английского языка, то Сергей Середенко использовал более строгие критерии самооценки.

По его мнению, чтобы владеть английским очень хорошо, надо родиться в англоязычной стране и быть образованным человеком. На самом деле нет сомнений, что и по этому критерию русский омбудсмен являлся более сильным кандидатом.

НКО ссылалась на то, что они об этом не знали. На самом деле Сергей в своем резюме указал, что учился в *Brendrup Folkehøjskole* и университете в Турку. Очевидно, что образование там можно было получить только на английском. Также Середенко предоставил список конференций, в которых он принимал активное участие, что предполагает и написание, и чтение докладов. Среди этих конференций были и международные. Не сложно догадаться, что они проходили на английском языке.

В итоге кандидат, который очевидно являлся более сильным по четырем критериям, не допускается даже к собеседованию. Допускается же тот, который предположительно является сильным только по одному, последнему критерию. Причем этот критерий явно субъективен. Люди по-разному себя оценивают. Кому-то свойственна завышенная самооценка, кто-то, наоборот, относится к себе более строго. Это слишком очевидные вещи, чтобы их не знали организаторы конкурса. На наш взгляд, НКО, являющаяся эстонским представительством такой солидной международной организации, как *Transparency International*, не имеет права оправдывать возможную дискриминацию при приеме на работу своей некомпетентностью в вопросах подбора персонала.

На самом же деле в Эстонии существует практика первичного отсева кандидатов на основании их неэстонских фамилий. Подобный эксперимент провел старший научный сотрудник факультета экономики Тартуского университета Отт Тоомет. Разослав по фирмам резюме с русскими и эстонскими фамилиями, он выяснил, что работодатели на

собеседование охотней приглашают кандидатов с эстонскими фамилиями.

Вполне вероятно, что подобной же практики придерживается и НКО «Эстония, свободная от коррупции». Это доказывается также тем, что среди ее сотрудников нет ни одного неэстонца. Притом что неэстонцы составляют треть населения республики.

Нам пришлось подать иск в суд, в котором потребовали компенсацию морального ущерба за дискриминацию при приеме на работу. Дальше начинается самое интересное. Суды первых двух инстанций отказались его удовлетворять. При этом судьи не утруждали себя изучением обстоятельств дела, а просто делали сору-past с обоснования уполномоченной по равноправию. Всех вполне устроила выдуманная ответчиком спустя год после события версия об английском языке. Дискриминационные дела предполагают смещение бремени доказывания в сторону ответчика. Именно последний должен доказать, что дискриминации не было. В эстонском же судопроизводстве вполне сгодились и простые голословные заявления. Так, ответчик утверждал, что среди кандидатов были и люди постарше, и русские, и они при этом в отличие от истца приглашались на собеседование.

При этом ответчик отказался предоставлять какие-либо доказывающие эти обстоятельства документы. В конце концов он сослался на защиту личных данных и что, исходя из этого, он уничтожил все документы, касающиеся конкурса. Таллинский окружной суд (суд второй инстанции) вполне этим удовлетворился. Закон о равном обращении превратился в профанацию. Бери на работу кого хочешь, главное потом сразу уничтожай все документы. У нас же сложилось устойчивое убеждение, что на самом деле не было ни конкурса, ни собеседований.

Государственный суд, по уже сформировавшейся в Эстонии традиции, не принял кассацию в производство. В

настоящий момент готовится жалоба в Европейский суд по правам человека.

А вот здесь уже начинаются особенности эстонского правосудия. Дело в том, что в Эстонии в судах проблемы не решаются. В судах проблемы ставятся на должный уровень. Судопроизводство – это тот необходимый правозащитный инструмент, при помощи которого дается сигнал, что есть проблема и ее надо решать. Суды при этом начинают делать вид, что проблемы на самом деле нет, она надуманная и формально права нарушены не были. Но это официальная часть дела. Неофициально же начинают происходить какие-то положительные сдвиги. Например, московский офис Transparency International в ответ на наш запрос сообщил, что Середенко не взяли на работу из-за его «избыточной квалификации». Т. е. причина все же была не в том, что Сергей Николаевич, перфектно владеющий английским, поскромничал и написал в резюме, что он владеет английским «хорошо», вместо «отлично».

Мы также направили заявление и в головной офис Transparency International. В результате этого руководитель эстонского филиала г-н Ассо Прий, дискриминировавший русского омбудсмена при приеме на работу, был в январе 2013 года освобожден от занимаемой должности. Нами была определена символическая сумма иска – 290 евро. Вносить в иск требования об увольнении дискриминатора, что было бы вполне адекватной компенсацией морального ущерба, мы не могли, так как законом это не предусмотрено. Тем не менее, виновный был наказан. В итоге процесс на уровне Эстонии проигран, но проблема, тем не менее, полностью решена.

Дело российских военных пенсионеров

В 1994 году между Эстонией и Россией было заключено Соглашение о социальных гарантиях пенсионерам Вооруженных Сил РФ на территории Эстонской Республики (далее – Соглашение). В 1995 году это Соглашение было

ратифицировано парламентом Эстонии и вступило в силу на ее территории.

В соответствии со ст. 5 этого Соглашения:

«Военным пенсионерам, которые приобрели право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Эстонской Республики, могут, по их желанию, назначаться и выплачиваться пенсии соответствующими органами Эстонской Республики за счет ее средств. При этом выплата пенсий, ранее назначенных Российской Федерацией, приостанавливается на период выплаты пенсии органами Эстонской Республики и наоборот».

На тот момент требование выбора одной пенсии из двух было обосновано тем, что, во-первых, российская военная пенсия в 2–3 раза превышала эстонскую гражданскую и на неё вполне можно было прожить, во-вторых, при начислении эстонской пенсии по действующему тогда законодательству учитывался также и российский военный стаж.

17 августа 1998 года в России произошел дефолт, и с той поры российская военная пенсия в Эстонии перестала расти. В 2000 году в Эстонии были проведены изменения в пенсионном законодательстве и в пенсионный стаж перестали включать срок службы в Советской (Российской) армии. Российские военные пенсионеры стали перед выбором: продолжать ли получать военную пенсию от России (которая стала уже меньше, чем эстонская за полный стаж) или получать эстонскую гражданскую пенсию за урезанный стаж. И в том и в другом случае речь шла об очень незначительных суммах, на которые трудно выжить в Эстонии (150–250 евро). Для сравнения: эстонские военные пенсии превышают российские в 2–3 раза. И это понятно. Если в Российской (Советской) армии служили миллионы, то количество эстонских военных пенсионеров более чем незначительно.

25–26 апреля 2001 г. на X заседании Смешанной Российско-Эстонской комиссии, образованной на основании ст. 12 Соглашения от 26 июля 1994 года, российская сторона

выступила с инициативой дать возможность российским военным пенсионерам получать обе пенсии одновременно. Также в ноте, направленной МИД РФ в МИД Эстонии в июне 2004 года, содержалось предложение исключить из ст. 5 Соглашения последнюю фразу, что открыло бы возможность получения российскими военными пенсионерами второй пенсии. Вновь этот вопрос был поставлен в июне 2005 года и в октябре 2006-го на проходивших в Таллине заседаниях Смешанной комиссии.

Эстонская сторона все эти инициативы отвергла. В октябре 2005 года она выразила в качестве мотива для отказа то, что это якобы поставит в неравное положение эстонских пенсионеров (которые тоже не могут одновременно получать и военную, и гражданскую пенсию). Но эстонская сторона не учла тот факт, что эстонские военные пенсионеры не получают две пенсии от одного государства, а в данном случае речь идет о двух бюджетах двух государств.

Также эстонская сторона неправильно истолковала понятие неравного обращения (дискриминации). Антидискриминационные директивы ЕС дают следующее определение дискриминации: она имеет место, если с одним лицом обращаются, обращались или будут обращаться хуже, чем с другим в сопоставимой ситуации.

Описанное выше сравнение российских военных пенсионеров с эстонскими явно несопоставимо. Сопоставимым же в данном случае было бы сравнение российских военных пенсионеров с живущими в Эстонии военными пенсионерами иных государств. Последние имеют право получать обе пенсии: как военную от государства своего происхождения, так и гражданскую от Эстонии. Этот факт был подтвержден Департаментом социального страхования Эстонии.

В 2005 году Социальный отдел Российского посольства заключил договор о сотрудничестве с Департаментом социального страхования Эстонии. Основной целью договора был обмен информацией между этими структурами по

части назначения эстонской пенсии российским военным пенсионерам. То есть если раньше местные эстонские пенсионные департаменты при назначении эстонской пенсии требовали предоставить справку об отказе от российской, то сейчас они перестали это делать, рассчитывая на то, что Социальный отдел Российского посольства при получении соответствующей информации лишит пенсионера российской пенсии.

Многие этим воспользовались. Начиная с января 2006 года оформление российскими военными пенсионерами эстонской пенсии стало носить массовый характер. Всего число лиц, имеющих право на одновременное получение обеих пенсий, достигало 2 тыс. человек. Социальный отдел Российского посольства не реагировал на сообщения эстонской стороны о назначении военным пенсионерам эстонских пенсий и продолжал платить российские. Ход был правильным. Следуя Соглашению, приостановление выплаты российской пенсии является прерогативой российской стороны. Эстония же, исходя из Соглашения, приостанавливать выплату эстонской пенсии в данном случае не вправе. Она могла бы это сделать только в том случае, если эстонский гражданский пенсионер оформил бы российскую военную пенсию.

Тем не менее, в нарушение процедуры, предусмотренной ст. 5 Соглашения, начиная с 28 апреля 2006 года эстонские пенсионные департаменты начали приостанавливать выплату эстонской пенсии российским военным пенсионерам. Часть из них обратились ко мне за правовой помощью. На основании этих обращений было составлено порядка 63 жалоб в административные суды Эстонии. 47 военных пенсионеров прошли все судебные инстанции в Эстонии, не получив удовлетворения своим жалобам, после чего подали жалобы в Европейский суд по правам человека.

В жалобах в административные суды Эстонии указывались следующие основные аргументы:

1. Приостановление выплаты пенсии Эстонией нарушает предусмотренную Соглашением процедуру, ибо в данном случае приостановление выплаты пенсии является только российской прерогативой.

2. Лишение российских военных пенсионеров одной из пенсий является дискриминационным, так как живущие в Эстонии военные пенсионеры иных государств имеют право получать обе пенсии.

3. Соглашение является международным договором, имеющим высшую юридическую силу в государстве, но есть и другие международные договоры, которые обязывают Эстонию выплачивать пенсии всем ее жителям – это Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах и Социальная хартия Совета Европы. Оба этих нормативных акта ратифицированы Эстонией и также имеют высшую силу на ее территории. Избирательность в пользу дискриминационного договора, а не в пользу международных договоров, гарантирующих права человека (которые, как известно, универсальны), выглядит по меньшей мере странной.

4. В международном праве существует принцип, закрепленный почти во всех международных правозащитных актах, в соответствии с которым права человека не могут ограничиваться международным договором. То есть государство не может использовать международный договор для ограничения прав человека, если внутреннее законодательство предусматривает более широкие права. Здесь же ст. 5 Соглашения о социальных гарантиях пенсионерам вооруженных сил как раз ограничивает социальные права и потому, исходя из приведенного выше международного принципа, не может применяться.

5. Приостановка выплаты пенсии также нарушает международный принцип правомерного ожидания. Пенсионерам пенсия назначалась пожизненно, и их ожидания были связаны с тем, что это именно так и будет. Государство же

обмануло их ожидания, нарушив тем самым международный принцип.

6. В 1990 году Эстонией был принят Закон о социальном налоге. В соответствии с этим законом на брутто-зарплату работника начисляется 20% социального налога. Целью социального налога при этом является последующая выплата пенсии работнику. Военные пенсионеры от этих выплат избавлены не были. Начиная с 1998 года этот социальный налог перечисляется на индивидуальный лицевой счет работника, то есть уже непосредственно накапливается для последующей выплаты пенсии. Таким образом, здесь мы имеем дело с обязательным государственным пенсионным страхованием, что является имуществом в понимании ст. 1 Протокола 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенции). И если государство присваивает страховые выплаты и при этом не выплачивает пенсии, ни возвращает их обратно, то здесь уже речь идет о лишении лица имущества государством в понимании ст. 1 Протокола 1 Конвенции.

7. Толкование второго предложения ст. 5 Соглашения также вызывает сомнения: «Военным пенсионерам, которые приобрели право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Эстонской Республики, могут, по их желанию, назначаться и выплачиваться пенсии соответствующими органами Эстонской Республики за счет ее средств». Если толковать буквально, то речь идет о тех правах на пенсию, которые были на момент заключения (или ратификации) Соглашения (прошедшее время). Следовательно, на те права, которые возникнут после ратификации (будущее время), эта статья не распространяется. В Директивах ЕС во избежание разночтений употребляются сразу три времени глагола. Например, «обращались, обращаются или будут обращаться».

Решения судов первой инстанции, независимо от места их нахождения, были написаны под копируку. При этом

мотивировка отказов по меньшей мере вызывает удивление. Используется такая аргументация, как:

1. Эстония была правомочна приостановить выплату своих пенсий российским военным пенсионерам, так как в ст. 5 Соглашения недвусмысленно сказано, что российский военный пенсионер может получать только одну пенсию по своему выбору.

Следуя логике суда, любой прохожий может остановить водителя, превысившего скорость, и оштрафовать его в свою пользу, так как в законе недвусмысленно сказано, что превышать скорость нельзя и что это наказывается денежным штрафом. Но помимо права есть еще процедура применения права. Как водителя может оштрафовать только уполномоченное на это государством лицо, точно так же и право приостановить выплату пенсии имеет уполномоченное Соглашением государство (в данном случае Россия). Если Россия этого не делает, нарушая тем самым Соглашение, то это может явиться основанием для предъявления ей ноты протеста со стороны Эстонии, но это не может быть основанием для произвольного наказания российских военных пенсионеров лишением их эстонской пенсии.

2. Неравного обращения по отношению к российским военным пенсионерам нет потому, что суду ничего не известно о том, что военные пенсионеры иных государств имеют право на эстонские гражданские пенсии.

И это заявление было сделано притом, что внутреннее пенсионное законодательство Эстонии не содержит запрета на получение гражданской пенсии иностранными военными пенсионерами. Точно так же отсутствуют аналогичные соглашения с другими государствами, которые бы ограничивали это право. Здесь действует основополагающий принцип правового государства: разрешено всё, что не запрещено. Но, по-видимому, суду ничего не было неизвестно ни об этом принципе, ни о том, что Эстония – это правовое государство. И это несмотря на то, что для облегчения работы

суда сразу вместе с жалобой был предоставлен ответ на запрос в Департамент социального страхования, в котором сообщалось, что в отношении пенсионного обеспечения иных иностранных военных пенсионеров какое-либо соглашение их государств с Эстонией отсутствует. Следовательно, у суда на руках были все факты неравного обращения и их сомнения в том, что иные иностранные военные пенсионеры имеют право на эстонскую гражданскую пенсию, было продиктовано скорей предвзятостью, чем некомпетентностью.

Более того, судом было заявлено, что в Соглашении дискриминации нет и быть не может потому, что это двусторонний международный договор. Следуя логике суда, любой двусторонний договор, даже если он нарушает все статьи Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ), даже если он предусматривает физическое уничтожение всех проживающих на территории договаривающихся сторон цыган или иной этнической или социальной группы, законен и пропорционален уже только в силу своей двусторонности (международности).

3. Приведенные в жалобе ссылки на международные правозащитные акты не имеют отношения к делу, так как в них ничего не сказано о том, что Эстония должна платить гражданские пенсии российским военным пенсионерам.

И ведь действительно не сказано. Там используются такие понятия, как «всем», «каждому» и т. п. И было бы странно, если бы в каком-то международном акте ООН, появившемся в 50-х, 60-х годах прошлого столетия, было бы сказано: каждый житель государства-участника данного Пакта имеет право на пенсионное обеспечение со стороны государства своего проживания. И даже российские военные пенсионеры, которые живут в Эстонии, тоже имеют на это право. По-видимому, суд согласился бы воспринимать только такие формулировки. Впрочем, я полагаю, что даже в этом случае они нашли бы тысячу причин не платить пенсии «оккупантам».

4. О принципе, в соответствии с которым международные правозащитные договоры не должны сужать права тех лиц, в отношении которых они заключены, если внутренним законодательством они обеспечиваются в большей степени, суду также оказалось ничего неизвестно, и он был им проигнорирован как не имеющий отношения к делу.

5. Принцип правомерного ожидания, по мнению суда, не был нарушен потому, что военные пенсионеры знали о существовании ст. 5 Соглашения, которая запрещает получение одновременно российской военной пенсии и эстонской гражданской. Они действительно знали о ст. 5 Соглашения. Но точно так же знали, что, во-первых, эта статья дискриминационна, а принцип недискриминации выше по своей юридической силе двусторонних соглашений; во-вторых, раньше для назначения эстонской пенсии пенсионный департамент требовал справку об отказе от российской, сейчас же – нет; и, наконец, в-третьих, никем не скрывался факт получения российской военной пенсии, и, несмотря на это и ст. 5 Соглашения, пенсионными департаментами пенсии назначались с формулировкой «пожизненно». Исходя из этого, у российских отставников возникло вполне определенное правомерное ожидание, что государство не будет отбирать у них то, что дало.

6. Обязательное пенсионное страхование, по мнению суда, не налагает на государство никаких обязательств. Оно обязательно и все должны его выплачивать, не ожидая чего-то взамен от государства. Таким образом, если договор накопительной пенсии заключен с частным банком, то банк обязан его исполнить, здесь же государство исполняет свои обязательства по своему усмотрению.

7. Грамматическое толкование ч. 1 ст. 5 Соглашения также не вызвало доверие у суда. По его мнению, эстонский текст Соглашения однозначен и сомнений в толковании ч. 1 ст. 5 не вызывает. На самом деле в эстонском варианте используется формулировка: „*sõjaväepensionäridele, kellel on õigus...*“

(военным пенсионерам, у которых есть право...). В эстонском языке нет будущего времени и вместо будущего используется настоящее. Суду будущее время в данном случае кажется более предпочтительным, что лишний раз доказывает его предвзятость. Но было бы логично предположить, что, так как речь идет об одном Соглашении, то и эстонский текст договора должен быть максимально близок по смыслу русскому. И, таким образом, получается, что и в эстонском варианте речь идет о тех, кто имеет право на эстонскую пенсию в настоящем времени, то есть на момент подписания договора, и эта статья не распространяется на тех, кто приобрел право на эстонскую пенсию позже.

8. Также, несмотря на то, что в ч. 1 ст. 28 Конституции Эстонии сказано, что каждый житель Эстонии имеет право на пенсию по старости, Эстония, по мнению суда, не обязана платить пенсии российским военным пенсионерам потому, что это за нее делает Россия. Суд при этом не принял во внимание, что ни Конституция, ни международные правозащитные акты не предусматривают возможность перекладывания обязанности государства по социальному обеспечению своих жителей на иностранное государство. Пенсия по старости – это не пособие по бедности. Ее платят всем, независимо от наличия или отсутствия другого дохода и размера последнего.

И это еще не самые несуразные высказывания административных судей Эстонии.

Производство в судах второй и высшей инстанции

Не рассчитывая на добросовестность окружных судов (суды второй инстанции), мною был сделан новый запрос в Департамент социального страхования, в котором недвусмысленно спрашивалось о том, имеют ли право иностранные военные пенсионеры (кроме российских) получать эстонскую гражданскую пенсию. Департамент социального страхования не ответил на запрос в предусмотренный ст. 6

Закона Эстонской Республики об ответах на информационные записки и на ходатайства о получении разъяснений 30-дневный срок, что послужило основанием для подачи жалобы в Таллинский административный суд. Только после этого с двухнедельным опозданием пришел ответ, в котором не содержалось ответа на поставленный вопрос, о чем мною было тут же заявлено суду. Только тогда представитель Социального департамента Эстонии лично принес ответ на запрос, в котором признавался факт, что все иностранные военные пенсионеры, кроме российских, имеют право на эстонскую гражданскую пенсию. Этот документ был приложен к апелляционным жалобам.

Окружные суды полностью согласились с доводами административного суда, добавив от себя следующее:

1. Неравное обращение в отношении российских военных пенсионеров они уже не смогли отрицать, ссылаясь на свое незнание положения других иностранных военных пенсионеров иных государств. Поэтому суд признал данное положение недискриминационным на том основании, что российские военные пенсионеры – это отдельная группа и внутри этой группы дискриминации нет. Сравнивать же российских военных пенсионеров с военными пенсионерами НАТО и ЕС неправомерно, так как Эстония – член ЕС и НАТО. Здесь стоит отметить, что, во-первых, помимо стран ЕС и НАТО в мире еще полторы сотни государств, чьи военные пенсионеры также имеют право на гражданские пенсии в Эстонии при наличии необходимого стажа. Во-вторых, в социальной сфере неравное обращение допускается только на основании гражданства. В данном случае среди российских военных пенсионеров есть и граждане Эстонии.

2. Суд отверг грамматическое толкование ст. 5 Соглашения, предпочтя ему логическое. По его мнению, ситуация, когда эстонский гражданский пенсионер становится российским военным пенсионером после подписания Соглашения,

невозможна. Поэтому было бы неправильно предположить, что в Соглашении заложено ограничение эстонской стороны на приостановление выплаты эстонской пенсии. На самом деле российскому военному пенсионеру никто не мешал бы, отказавшись от российской военной пенсии, перейти на эстонскую гражданскую, что достаточно распространено среди нижних чинов, так как их российская пенсия весьма незначительна. Таким образом, он стал бы эстонским гражданским пенсионером. Потом, российская военная пенсия могла бы стать больше, чем эстонская гражданская, и он мог бы перейти с эстонской пенсии на российскую. И в этом случае Эстония имела бы право, исходя из ст. 5 Соглашения, прекратить выплату своей пенсии. Соглашение было бы непродуманным и неполным, если бы оно не предусматривало подобные случаи. Поэтому логическое толкование, предложенное судом, не верно.

Государственный суд Эстонии пошел еще дальше. Он своими определениями вообще отказался принимать кассационные жалобы в производство. Данные определения являются окончательным решением государства.

Лёд тронулся...

Таким образом, внутри Эстонии все дела оказались проигранными. Может возникнуть вопрос: а стоило ли вообще это затевать, если результат отрицателен? Более того, о том, что он будет отрицательным, можно было догадаться сразу.

На самом деле понятия справедливости-несправедливости, а также дискриминационности-недискриминационности не являются чем-то раз и навсегда predeterminedными и неизблемыми. Например, когда-то кровная месть считалась правомерным поведением. В 60-е годы прошлого столетия в США считалась чем-то совершенно нормальной сегрегация афро-американцев. Их не допускали в школы для белых, в

бары, рестораны. И это воспринималось как добрые обычаи, и никто не говорил о том, что это дискриминация. Возможно, эта ситуация сохранилась бы и до сих пор, если бы не появился Мартин Лютер Кинг. Во вполне цивилизованной Швейцарии женщины получили избирательное право только в 1971 году.

Государство здесь действует по принципу: дитя не плачет – мать не понимает. В 2006 году эстонская сторона однозначно считала, что ситуация, когда российские военные пенсионеры могут получать только одну пенсию, вполне справедлива. После же процессов позиция эстонской стороны претерпела существенные изменения. Эстонский МИД трижды заявил, что Соглашение не соответствует современным реалиям и его надо изменить. Если раньше Эстония вообще отказывалась обсуждать этот вопрос, то потом она уже сама явилась инициатором изменения ст. 5 Соглашения.

Жалобы в Европейский суд по правам человека

Но времени ждать, пока правительство Эстонии дозреет до изменения Соглашения, не было. Срок обжалования окончательного решения национального суда в Европейском суде по правам человека составляет полгода. Было подано три коллективные жалобы. Первая (от 9 человек) была подана в марте 2008 года. Вторая (от 36 человек) – 3 октября 2008 года. Последняя (от 2 человек) была получена судом 20 октября сего года. Второй, наиболее представительной, жалобе было присвоено символическое название «Минин и другие против Эстонии».

В ней, в частности, указывалось, что Эстония нарушает ст. 1 Первого протокола Европейской конвенции по правам человека, гарантирующую защиту имущества (пенсия также является имуществом), и ст. 14 Конвенции, налагающую запрет на дискриминацию при обеспечении предусмотренных в конвенции прав.

Нарушение ст. 1 Протокола 1 Конвенции

Согласно ч. 1 ст. 1 Протокола 1 Конвенции:

Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение к своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Таким образом, для признания Европейским судом нарушения государством ст. 1 Протокола 1 Конвенции необходимо доказать следующее:

1. Право на пенсию – это имущество.
2. Это имущество было отобрано государством.
3. Лишение имущества не было обусловлено общественным интересом и (или) вошло в противоречие с законом и общими принципами международного права.

Пенсия как имущество

С 1 января 1991 года с каждой заработанной кроны военного пенсионера 20 центов шло на счет целевого пенсионного капитала в бюджет государственного социального страхования для последующей выплаты пенсии. За работу же после 1 января 1999 года размер пенсии определяется исключительно на основании вышеуказанных обязательных страховых выплат.

Европейский суд является прецедентным. В деле «Кяртан Асмудсон против Исландии» Европейский суд признал, что права, вытекающие из сделанных обязательных платежей в системе пенсионного страхования, являются имуществом в понимании статьи 1 Протокола 1. Более того, в более свежем прецеденте «СТЕК и другие против Великобритании» (от 2005 года) Европейский суд признал имуществом не только пенсию, назначенную на основании страховых выплат, но и вообще любую пенсию (т. е. в нашем случае и до 1991 года).

Исходя из вышеизложенного, в данном случае имущество имеет двойную природу. Во-первых, это обязательные страховые выплаты в пользу пенсии, во-вторых, это неполученная пенсия с момента приостановления ее выплаты и правомерное ожидание, связанное с ее дальнейшим получением. Во всех трех случаях имущество было отобрано государством.

Нарушение общественного интереса

Безусловно, невыплата российским военным пенсионерам гражданских пенсий от Эстонии экономит государственный бюджет. Но общественный интерес в данном случае заключается, прежде всего, в соблюдении законности, справедливости и принципа равного обращения. Податели жалобы честно выполнили свои обязательства перед государством, выплачивая социальный налог в счет своей пенсии, государство же присвоило их имущество – ничего не предложив взамен. Такое положение вещей вызывает недоверие к государству и провоцирует работу «по-чёрному», без уплаты налогов, что в свою очередь уже приводит к сокращению поступлений в государственный бюджет. В результате государство, во-первых, ведет себя аморально, обманывая стариков и экономя на них деньги, во-вторых, недополучает определенное количество финансовых средств из-за неуплаты социального налога с нелегальных доходов граждан. Как то, так и другое противоречит интересам общества. Из чего можно сделать вывод, что лишение имущества в данном случае было явно не в общественных интересах.

Нарушение закона

С точки зрения Закона о государственном пенсионном страховании военные пенсионеры имели право на получение гражданских пенсий по старости (так как достигли пенсионного возраста и отработали в Эстонии не менее 15 лет). И эта пенсия была им назначена, исходя из закона. Ст.

5 Соглашения в толковании эстонской стороны запрещает ему получать одновременно и российскую и эстонскую пенсию, но при этом предусматривает определенную процедуру приостановления выплаты пенсии, которая была нарушена. Помимо этого есть международный принцип равного обращения, которому не должно противоречить ни одно международное соглашение. Исходя из этого, можно констатировать, что лишение подателей жалобы имущества было не только не в общественных интересах, но еще и незаконным.

Нарушение общих принципов международного права

В соответствии со ст. 9 Международного пакта ООН об экономических, социальных и культурных правах, а также ст. 12 Европейской социальной хартии каждому должно быть гарантировано пенсионное обеспечение со стороны государства его проживания. Оба этих нормативных акта ратифицированы Эстонией и имеют высшую силу на ее территории.

Практически во всех международных правозащитных актах есть оговорка о том, что «Никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых или существующих в каком-либо участвующем в настоящем договоре государстве в силу закона, конвенции, правил или обычаев, не допускается под тем предлогом, что в настоящем договоре не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме». Этот принцип также вполне можно считать общим принципом международного права.

Соглашение между Российской Федерацией и Эстонской Республикой по вопросам социальных гарантий пенсионерам Вооруженных сил Российской Федерации на территории Эстонской Республики предполагалось как правозащитный договор. По сути же оказалось, что оно не о социальных

гарантиях, а об ограничении социальных гарантий, так как если не было бы этого Соглашения, то российские военные пенсионеры получали бы и эстонскую гражданскую пенсию (на основании внутреннего законодательства Эстонии), и российскую военную пенсию (на основании внутреннего законодательства России). Отсюда очевидно, что Соглашением сужаются права, предоставляемые национальными законодательствами договаривающихся сторон российским военным пенсионерам, и тем самым нарушается указанный выше принцип.

Также приостановление выплаты пенсий нарушает принцип равного обращения, установленный, в частности, «Расовой директивой».

Пенсионное право постоянно развивается. Само понятие пенсий появилось только в середине прошлого века, но при этом в некоторых государствах были ограничения по поводу получения пенсий со стороны иностранных государств (как, например, во Франции). Потом появилась тенденция к заключениям межгосударственных договоров о взаимном учете пенсионного стажа, чтобы ни один год стажа, отработанный в каком-либо государстве, не пропал.

В XXI веке произошел еще один шаг вперед. 29 апреля 2004 г. в Европейском союзе было принято Постановление о координации социальной системы. Ч. 1 ст. 50 этого постановления предусматривает получение пенсии от всех государств, где человек работал и имеет право на получение пенсии по внутреннему законодательству. Ограничения установлены только на то, чтобы человек не получал за один и тот же стаж пенсии от двух или более государств. Следовательно, здесь мы можем говорить еще об одном общем принципе международного права, в соответствии с которым человек может получать пенсии от неограниченного количества государств и факт получения пенсии от одного государства не может быть основанием для ограничения права на получение пенсии от другого.

Таким образом, в данном случае произошло нарушение четырех общих международных принципов:

- принципа, обязывающего государство гарантировать социальное обеспечение (в том числе пенсионное обеспечение) для всех своих легальных жителей;
- принципа, запрещающего, ссылаясь на международный договор, сужать права человека, если они в большей степени защищены внутренним законодательством;
- принципа равного обращения и процесса его доказывания;
- принципа, в соответствии с которым человек может получать пенсии от неограниченного количества государств.

Протокол 1 признает лишение имущества правомерным, только если это произошло:

- в интересах общества,
- на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Т. е. необходимо и достаточно наличие всех трех условий для того, чтобы не было нарушения ч. 1 ст. 1 Протокола 1. В нашем случае были нарушены все три условия. Из чего следует, что ч. 1 ст. 1 Протокола 1 была нарушена.

*Нарушение ст. 14 Конвенции в сочетании со ст. 1
Протокола 1 Конвенции*

В соответствии со ст. 14 Конвенции:

Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

Эстонское национальное пенсионное законодательство не содержит запрета на получение любой пенсии от любого иностранного государства. Тем не менее, если в отношении выплаты пенсий заключен международный договор, то действует международный договор. Эстония заключила международный договор только в отношении российских военных пенсионеров, ст. 5 которого налагается запрет на получение ими одновременно и российской военной пенсии, и эстонской гражданской.

Таким образом, только российские военные пенсионеры, в отличие от военных пенсионеров иных государств, лишены в Эстонии права на получение одновременно военной пенсии от иностранного государства и гражданской пенсии от Эстонии.

«Расовая» Директива ЕС дает следующее определение дискриминации:

– прямая дискриминация имеет место, если с одним лицом обращаются, обращались или будут обращаться хуже, чем с другим в сопоставимой ситуации на основе расовой или этнической принадлежности;

– косвенная дискриминация имеет место, если очевидно нейтральное условие, критерий или практика поставили бы лица определенной расовой или этнической принадлежности в особо неудобное положение по сравнению с другими лицами, если только данное условие, критерий или практика объективно не оправданы законной целью и средства достижения этой цели не являются адекватными и необходимыми

В данном случае мы имеем дело с группой, которая включает в себя всех иностранных военных пенсионеров, проживающих в Эстонии и имеющих право на эстонскую гражданскую пенсию в соответствии с национальным законодательством. Все представители этой группы выполнили свое обязательство перед государством: выплачивали обязательные

страховые платежи для получения пенсии, достигли пенсионного возраста (63 года) и имеют пенсионный стаж в Эстонии не менее 15 лет.

Но при этом государство путем заключения дискриминационного соглашения с Россией разделило эту группу на две подгруппы. Первая подгруппа – это российские военные пенсионеры, которые имеют право на эстонскую гражданскую пенсию, только отказавшись от российской. Вторая подгруппа – военные пенсионеры других иностранных государств, которые имеют возможность получать обе пенсии.

Очевидно, что в данном случае с российскими военными пенсионерами обращаются хуже, чем с военными пенсионерами других иностранных государств в сопоставимой ситуации.

Таким образом, здесь мы имеем дело с прямой дискриминацией по социальному признаку. Государственная идеология Эстонии придерживается такой точки зрения, что Эстония была оккупирована Советским Союзом. Причём дважды (в 1940 и 1944 году). Оккупация и всё, что с ней связано, носит явно негативный оттенок. Это воспринимается не как благо, а как зло. А если есть понятие оккупации-зла, то должны быть и конкретные носители этого понятия – оккупанты. И к этой категории как раз относят российских военных пенсионеров, которые тем самым образуют отдельную социальную группу. Исходя из этого, трудно ожидать к ним симпатий как со стороны «оккупированного» ими государства, так и со стороны отдельных представителей этнического большинства, которые работают как в социальной сфере и приостанавливают выплату пенсий, так и в судебной системе Эстонии и не удовлетворяют жалобы на приостановление выплаты пенсий.

Помимо этого стоит отметить, что российские военные пенсионеры в большинстве своем являются русскими и

русофонами, имеющими русский язык в качестве родного, что может подтвердить Социальный отдел при Посольстве Российской Федерации в Эстонии. В подгруппе же военных пенсионеров иных государств русские либо отсутствуют, либо практически отсутствуют. По поводу их этничности нет четких статистических данных. Можно лишь предположить, что в большинстве это этнические эстонцы, покинувшие Эстонию в 1940 и 1944 годах, а потом вернувшиеся назад после восстановления независимости.

С одной стороны, положения ст. 5 Соглашения можно рассматривать как нейтральное условие. Но оно очевидно ставит российских военных пенсионеров в особо неудобное положение по сравнению с военными пенсионерами иных государств. Также не вызывает сомнений, что лишение российских военных пенсионеров эстонской гражданской пенсии не оправданы законной целью, и средства достижения этой цели не являются адекватными и необходимыми. Следовательно, здесь мы можем говорить также и о косвенной дискриминации по языку, национальности и принадлежности к национальным меньшинствам.

В уже упоминаемом деле Кятрана Асмудсона против Исландии при аналогичной ситуации, когда из одной группы пенсионеров-моряков выделили подгруппу и лишили ее пенсии, суд признал нарушение ст. 14 Конвенции. Здесь также для примера можно привести положение российских военных пенсионеров в Латвии и Литве. В обоих этих государствах российские военные пенсионеры имеют возможность получать как российскую военную пенсию, так и гражданскую пенсию от страны проживания.

ЕСПЧ крайне неохотно принимает в производство жалобы на Эстонию. С момента ратификации Эстонией Конвенции в 1996 году в производство было принято всего порядка 30 жалоб из 600 поступивших. Эта жалоба была принята в производство. Ответчик обосновал свою позицию тем, что российские военные пенсионеры – это совершенно особая

категория, люди, которые в активном возрасте служили в армии государства, оккупировавшего Эстонию и принесшего боль и страдания на ее землю.

ЕСПЧ акцептировал подобное объяснение, признав российских военных пенсионеров особой социальной группой, несравнимой с иными социальными группами. А если нет возможности сравнить, то невозможно и доказать дискриминацию, так как последняя предполагает именно сравнение равных с равными в сопоставимой ситуации.

Этническая же дискриминация доказана не была, так как у суда не было информации об этничности этой социальной группы. Эта этничность хорошо просматривалась уже по тем 47 военным пенсионерам, которые подали жалобы, эстонцев среди них было менее 10%. Также этничность «русских оккупантов» является очевидным фактом для эстонских властей. Но суд, как и ответчик, предпочел сделать вид, что для них это тайна великая есть. Мне же, к сожалению, не удалось получить эту информацию от трусливых российских чиновников из Социального отдела при Посольстве России в Эстонии. Имея ее на руках, возможно, удалось бы выиграть дело в ЕСПЧ. Однако история не терпит сослагательного наклонения и Европейский суд жалобы не удовлетворил.

Тем не менее, уже в следующем году российские военные пенсионеры начали получать эстонскую пенсию за гражданский стаж. Это произошло благодаря заключению нового российско-эстонского пенсионного договора. Вопрос был поставлен уже на такой высокий уровень, что не мог не быть решен положительно.

«БРОНЗОВЫЕ НОЧИ» В ЭСТОНИИ – ЭТНИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА СОБЫТИЙ

Максим Валентинович Рева, «Ночной дозор», Эстония

Днем 20 мая 2006 г. эстонские национал-радикалы в Таллине публично надругались над памятником Воину-освободителю города от нацистских захватчиков, а ночью залили памятник краской. Памятник был отлит из бронзы и поэтому в прессе он был назван Бронзовый солдат. Эстонские власти не отреагировали на оскорбление Бронзового солдата, которого русская часть населения считала своим национальным символом. Поэтому группа русских активистов стала по ночам охранять памятник от надругательств эстонских национал-радикалов. Члены этой группы назвали себя «Ночным дозором».

В течение следующего полугодия эстонские национал-радикалы совершили еще несколько попыток оскорбления стоящего на площади Тынисмяги памятника, но каждый раз получали отпор со стороны активистов «Ночного дозора». Постепенно вокруг этих активистов стало формироваться массовое движение по защите Бронзового солдата как русского символа.

Здесь необходимо отметить, что памятник Воину-освободителю был воздвигнут в 1947 г. на площади Тынисмяги рядом с братской могилой 13 советских воинов, погибших при освобождении Таллина от нацистских захватчиков. Мемориал состоял из двухметровой фигуры советского солдата, склонившего голову в знак скорби, и стены, на которой были установлены таблички с именами погибших воинов и прикреплен барельеф в виде ордена Отечественной войны. В 1964 году перед памятником был зажжен Вечный

огонь. Монумент со временем стал местом, у которого происходило поминание советских воинов, павших в Великой Отечественной войне. Для русских, вынесших на себе основную тяжесть этой войны, Бронзовый солдат символизировал также гордость за Победу, а потому имел значительные элементы сакральности.

После обретения Эстонией независимости пришедшая в ней к власти националистическая элита взяла курс на силовое построение моноэтнического государства – «Эстонии для эстонцев». Абсолютное большинство русских лишили гражданства, уволили с государственной службы. Для тех, кто работал или служил в Советской армии и КГБ, были введены ограничения на занятия профессиональной деятельностью. Русский язык был объявлен иностранным, а затем языком оккупантов, и удален из официальной сферы. Власти стали ограничивать возможность получить образование на русском языке. Были закрыты русскоязычные ежедневные газеты. Важнейшую роль в реализации курса на принудительную ассимиляцию русского населения стала играть ревизия истории Второй мировой войны и обвинение СССР, а на практике – его государствообразующий народ, русских, в оккупации Эстонии в 1940 г. Интенсивно распространяемая эстонскими властями концепция советской оккупации должна была подавлять самосознание местного русского населения и оправдывать его дискриминацию в глазах эстонцев и остального мира.

В стране началась кампания по дискредитации и демонтажу всех советских символов, в том числе и памятников воинам, павшим в Великой Отечественной войне. Объектом нападок стал и мемориал Воину-освободителю в Таллине. Сначала у подножия памятника был потушен Вечный огонь. Затем с площадки перед памятником убрали архитектурный элемент, в котором горел Вечный огонь. Исчезла надгробная плита с именами захороненных неподалеку от памятника советских

солдат. В середине 2006 г., в ответ на успешные действия «Ночного дозора» по защите центрального русского символа национального достоинства от оскорблений эстонских национал-радикалов, правящая элита приняла решение любыми способами не допустить дальнейшей консолидации русского населения в борьбе за свои права. Применяемые ею прежде скрытные методы дискредитации, подкупа и стравливания между собой активистов русского движения сопротивления оказались малоэффективными, и был взят курс на открытое применение со стороны государства насилия в усиливающемся этническом противостоянии. Премьер-министр от Партии реформ Андрус Ансип сделал заявление о том, что «стоящий на Тынисмяги Бронзовый солдат является символом оккупации и его давно следовало снести». В ходе начавшейся вскоре предвыборной кампании, для того чтобы получить голоса националистически настроенных эстонских избирателей, премьер пообещал убрать памятник Воину-освободителю из центра на окраину города.

11 января 2007 г. Рийгикогу (парламент) Эстонской Республики принял специальный Закон о защите воинских захоронений, который давал исполнительной власти юридические основания для перезахоронения останков военнослужащих, покоящихся в общественных местах. По этому закону стал также возможен перенос находящихся на месте захоронения могильных памятников или их фрагментов на место перезахоронения.

В феврале-марте 2007 г. вокруг Бронзового солдата произошло несколько столкновений между эстонскими национал-радикалами, стремившимися осквернить памятник, и русскими активистами из «Ночного дозора», которые его охраняли. Полиция стала постоянно занимать сторону эстонских национал-радикалов и использовала для разгона протестующих русских активистов отряды специального назначения с собаками, применяла против них слезоточивый

газ и дубинки. Несколько защитников памятника было арестовано с предъявлением обвинений в организации беспорядков.

4 марта 2007 г. в Эстонии прошли очередные выборы в Рийгикогу. Активисты «Ночного дозора» попытались провести в парламент своих представителей через Конституционную партию Эстонии, однако партия не смогла преодолеть 5-процентный избирательный барьер. Достаточно большая популярность русского общественного протестного движения не была конвертирована в политическое представительство. Русские избиратели отдали предпочтение умеренной национал-демократической, Центристской партии.

Зато национал-либеральная Партия реформ на анти-русских лозунгах получает достаточное число голосов для того, чтобы составить правящую коалицию вместе с национал-радикальной эстонской партией «Союз Отчества и Res Publica». Андрусу Ансипу достается пост премьера. Полученную власть премьер использует для установления идеологического доминирования над национал-радикалами. Для этого он начинает реализовывать свои предвыборные обещания в отношении Бронзового солдата.

Учитывая возможность применения эстонским государством репрессий против русского населения в обострившемся этническом конфликте, 23 апреля МИД Российской Федерации вручает послу Эстонии в Москве ноту протеста, в которой выражает решительное несогласие с намерением эстонского правительства приступить к раскопкам и переносу захоронения останков советских воинов. Эти намерения были оценены как «пересмотр роли стран антигитлеровской коалиции в победе над фашизмом во Второй мировой войне, противоречащий не только нормам международного права, но и элементарным принципам человеческой морали и гуманизма».

Возможности дипломатического воздействия России на Эстонию в это время были крайне ограничены. Россия уже несколько лет безуспешно пыталась согласовать с ней прокладку по дну Балтийского моря газопровода «Северный поток». Этот газопровод стоил свыше 7 млрд. евро и должен был обеспечить экспорт газа в страны Западной Европы, а через это – поступление очень значительных доходов в российский государственный бюджет. Блокировать строительство «Северного потока» Эстонии помогали Латвия, Литва и Польша, а стояли за всеми ними США, которые не были заинтересованы в экономическом развитии своих конкурентов – России и стран Западной Европы. Поэтому правительство Ансипа российскую ноту во внимание не принимает.

В середине апреля 2007 г. эстонская политическая элита принимает решение о сносе главного символа памяти павшим во время Великой Отечественной войны воинам. Она хорошо знала, что это решение вызовет протесты оскорбленного русского населения, и приготовилась к подавлению этих протестов. Начиная с 23 апреля работники региональных органов полиции Эстонии командированы в Таллин для усиления репрессивного аппарата столицы. Из других прибалтийских республик в столицу Эстонии стягивается специальная техника для разгона демонстрантов. Как впоследствии стало известно, с 23 апреля в центре Таллина проводилась тайная полицейская операция, о которой ничего не было сообщено общественности.

Ранним утром 26 апреля 2007 г. власти начинают операцию по демонтажу Бронзового солдата. Памятник разрезают на части и переносят на Военное кладбище, находящееся на окраине Таллина. Останки советских воинов при этом вызывающим образом эксгумируют. Позже часть останков власти передают родственникам, живущим в других странах, часть хоронят на Военном кладбище, недалеко от грубо

восстановленного из разрезанных кусков металла памятника. Всеми этими действиями эстонские власти сознательно провоцируют массовые протесты русского населения, которые потом получают название «Бронзовые ночи».

Дежуривших 26-го числа у памятника Воину-освободителю активистов «Ночного дозора» полиция задерживает и избивает, однако они успевают оповестить своих сторонников о начавшейся полицейской операции. Утром на горе Тыниса (Tõnesmägi), где в сквере стоял памятник, стали собираться русские и возлагать цветы к металлическому забору, которым полицейские огородили сквер. В течение дня на площади Тынисмяги собралась толпа протестующих численностью около 2000 человек. Они выкрикивали в адрес полиции лозунги на русском языке «Позор!» и «Фашисты!». Вечером численность протестующих достигает 10 000 человек. Полиция, после ряда инцидентов, устроенных провокаторами, намеренно жестоко разгоняет протестующих демонстрантов, применяя слезоточивый газ, резиновые пули, светошумовые гранаты, водомет и дубинки. Вот как описываются жестокости полиции при разгоне протестующих в отчете эстонского Центра информации по правам человека (<http://komitet905.narod.ru/st3920.html>):

Свидетельница (68 лет): *«Я стояла возле продуктового магазина, когда полиция внезапно атаковала мирно стоящих людей и стала применять силу и спецсредства – слезоточивый газ, резиновые пули и т.п.... Поскольку людей было много, у меня не было возможности покинуть место событий. Я получила рану на правой руке в районе кисти, рану на щеке, голове и левом плече в результате многочисленных ударов дубинкой».*

Свидетельница (36 лет): *«После того как призывы полиции разойтись не возымели должного действия, полиция пустила в ход дубинки, слезоточивый газ и дымовые шашки. Еще не было разбито ни одного стекла, когда нас стали избивать*

дубинками. Мы бежали, и сзади со спины наносились удары дубинками. Они наносились абсолютно всем: и женщинам, и детям, и молодым, и старым».

Свидетель (56 лет): *«Я находился у памятника на Тынисмяги и наблюдал за работами по перезахоронению. Потом я отошел на улицу Эндла и стоял возле светофора. Недалеко от меня находились полицейские, а позади них стоял офицер с рацией. Ему поступила какая-то команда, он что-то крикнул, и они достали дубинки. Все началось мгновенно, они стали бить всех подряд, без разбору и куда попало. Меня ударили дубинкой по голове. Мне разбили голову, я упал, меня подхватили люди и отвели в сторону. Мы позвонили в «скорую», но они отказались приехать на площадь Тынисмяги. Через полчаса мне всё-таки оказали помощь. Мне наложили швы на голову. У меня теперь на голове шрам 10 см».*

В эту ночь было ранено 57 человек. Полиция арестовала около 300 человек. Российский гражданин Д. Ганин, при полном попустительстве полиции, был убит эстонскими скинхедами, которые расценили развязанные властями репрессии как возможность реализовать на деле лозунг «Эстонию – эстонцам». Обвиняемые в этом убийстве эстонцы были найдены и позднее оштрафованы за хулиганство. Возбужденное по факту убийства уголовное дело полиция тихо спустила на тормозах.

Вытесненная в ночь с 26 на 27 апреля с Тынисмяги толпа была вынуждена отойти в сторону Пярнуского шоссе, к кинотеатру «Космос». По свидетельству многих очевидцев, к этому времени здесь уже находились отряды людей с палками, которые разбивали витрины магазинов и грабили их, поджигали киоски, переворачивали автомашины. Активисты «Ночного дозора» обращались к полиции с требованиями остановить беспорядки, которые организовали отряды неизвестных, однако неизменно получали ответ, что на это нет команды начальства. Частные охранные фирмы, отвечавшие

за защиту имущества разграбляемых магазинов и офисов, по требованию того же полицейского начальства не выезжали на места погромов. Потом, для того чтобы избежать материальных претензий со стороны владельцев магазинов и офисов, правительство выплачивает им компенсации в размере почти в 600 тыс. евро. В связи с этим складывается впечатление, что погромы в городе были специально организованы для того, чтобы оправдать демонтаж монумента Воину-освободителю и показать эстонскому обществу внутреннего врага, для борьбы с которым необходимо объединиться вокруг вновь избранного премьер-министра Ансипа.

Вечером следующего дня протестующее русское население вновь стало собираться в центре Таллина. Число митингующих намного превысило 10 000 человек. Для их разгона полиция применила водометы, слезоточивый газ, дубинки. Количество раненных полицией превысило 150 человек. Около 600 человек было арестовано.

Стихийные митинги протеста в эту ночь прошли и в других населенных русскими местностях. В городе Йыхви и в уезде Ида-Вирумаа митингующие требовали освобождения всех арестованных защитников памятника и отставки премьер-министра Андруса Ансипа. Здесь неизвестные, но хорошо организованные группы также организовали погромы магазинов. Однако полиция задерживала не их, а около 50 человек протестующих русских. В ночь на 28 апреля была осквернена братская могила советских воинов в городе Валге. В ту же ночь неизвестные осквернили мемориал эстонским ээсовцам в местечке Синимяэ и немецкое кладбище в Кохтла-Ярве. В Нарве состоялась демонстрация протеста, участников которой полицейские разгоняли выстрелами боевых зарядов в воздух. Было задержано около 70 демонстрантов. Для подавления протестов были привлечены отряды ополчения Кайтселийт, состоявшего только из эстонцев. В этот же день

стихийный митинг протеста прошел в Силламяэ. В ходе акции протеста русскими была перекрыта трасса Таллин – Нарва.

Во время Бронзовых ночей полиция арестовала более 1200 человек. Позже 700 человек признали непричастными к массовым беспорядкам. Многие невинные согласились на признание своей вины и уплату денежного штрафа. Произошло это под давлением работников эстонских правоохранительных органов, которые запугивали случайно арестованных применением против них насилия, преследованиями по месту учебы и работы.

Задержанных в период Бронзовых ночей протестующих полиция свозила в тюрьмы и в помещение склада Д-терминала Таллинского порта, где их держали связанными и вынуждали сидеть на бетонном полу. В отпращивании естественных надобностей задержанным было отказано. Тех, кто в Д-терминале пытался встать, жестоко избивали. В интернет попали записи издевательств полиции над задержанными. Вот как описывается обращение полиции с задержанными в том же отчете Центра информации по правам человека:

Свидетель (32 года): *«Полицейские прохаживались мимо и били задержанных дубинками, если те пытались спросить их о чем-то или если просились в туалет».*

Свидетель (32 года): *«В ангаре была железная клетка, в которой уже находилось человек десять. В эту клетку сажали людей, которые не желали садиться, и там 3-4 полицейских их избивали. Особенно жестокими были люди в черной униформе, в масках и с надписью на спине «Оперативгрупп»».*

Свидетель (43 года): *«На моих глазах полицейские из тюремного спецназа избивали задержанного до бессознательного состояния, отволокли его к стене и оставили лежать в луже собственной крови».*

Свидетель (29 лет): *«При мне человека били дубинками по голове, потом по полу поволокли в клетку... Также я видел,*

как избивали пожилого немца лет 60-65, в бежевой куртке. Сначала его избili, потом приковали наручниками к клетке. Полицейские выносили избитых людей из ангара на улицу».

Свидетель (18 лет): *«Избивали всех, даже девушек. Били по ногам тех, кто стоял, избивали лежащих. На одного вылили пену из баллончика; она жгла ему лицо, он кричал... Одного парня избili так, что у него закатились глаза. Потом его вынесли».*

28 апреля были арестованы лидеры «Ночного дозора» Дмитрий Линтер, Максим Рева и 18-летний Марк Сирык. Всем троим были предъявлены обвинения в организации массовых беспорядков. Д. Линтер и М. Рева провели в тюрьме почти семь месяцев. В начале 2009 года они были оправданы уездным, а затем и окружным судом и им была выплачена компенсация за необоснованное содержание под стражей.

Однако после оправдательного решения суда Д. Линтер и М. Рева подвергались преследованию со стороны спецслужб Эстонии. Были созданы условия, при которых они не могли найти работу, за ними следили, их обыскивали по любому поводу, прослушивали их телефоны. В конце концов для получения возможности содержать семьи русским активистам пришлось уехать из Эстонии в Россию. Уехал в Россию учиться и остался там жить и М. Сирык.

События вокруг Бронзового солдата в Таллине вызвали акции протеста русского населения в других странах.

Из Латвии в Таллин направилась группа активистов русской общины для поддержки борьбы эстонских русских, однако они были задержаны полицией на границе, якобы на основании включения их в «черный список» невъездных. Только к этому времени и Латвия, и Эстония были членами Европейского союза, границ между республиками не существовало и права задерживать европейских жителей работники эстонских правоохранительных органов не имели.

Посольство Эстонии в Москве было блокировано активистами молодежного движения «Наши», которые требовали вернуть «Бронзового солдата» на Тынисмяги. Они же сорвали пресс-конференцию посла Эстонии в редакции газеты «Аргументы и факты», что вынудило посольство прекратить на время консульскую работу.

В России, Белоруссии, Украине, хранящих память о своих погибших в Великой Отечественной войне сынов, действия эстонской политической элиты вызвали крайнее неудовольствие. Совет Федерации РФ предложил президенту Путину разорвать дипломатические отношения с Эстонией. Государственная дума РФ потребовала от правительства применить к Эстонии экономические и политические санкции. Пресс-секретарь МИД Белоруссии Андрей Попов заявил: «Любое надругательство над памятью жертв этой войны вызывает у нас чувства глубокого возмущения и сожаления... Думается, что сегодня для всех является очевидным, что столь драматичные события стали результатом безответственных действий властей. Сожалеем, что эстонскому руководству так и не хватило политической мудрости не воевать с мертвыми». Уполномоченный Верховной рады Украины по правам человека Нина Карпачёва (фракция Партии регионов), обратившись к омбудсмену Эстонской Республики, заявила о своем возмущении и назвала демонтаж «надругательством над прахом воинов-освободителей».

Негативную оценку действиям эстонских властей высказал и ряд международных организаций. Комитет ООН против пыток в ноябре 2007 г. выразил «озабоченность по поводу обвинений в жестокости и чрезмерном применении силы со стороны сотрудников правоприменительных органов, особенно в связи с беспорядками, имевшими место в Таллине в апреле 2007 года, которые хорошо документированы с помощью тщательной подборки жалоб».

Европейский комитет по предотвращению пыток в 2011 году опубликовал свой доклад по результатам визита в Эстонию в мае 2007 года, в котором отметил, что многим задержанным не были обеспечены права не замедлительно связаться с близкими, получить доступ к врачу и адвокату.

Только семеро пострадавших от произвола полиции сумели, пройдя все инстанции и отказы в Эстонии, подать свои заявления в Европейский суд по правам человека. ЕСЧП принял постановление и удовлетворил четыре заявления, но только в одном из них было признано чрезмерное применение силы со стороны полиции. В трех оставшихся случаях иски были удовлетворены по причине отказа в приеме заявлений у истцов эстонскими правоохранительными органами и судом. Тем самым ЕСЧП косвенно поддержал правомерность применения силовых действий эстонских властей против русского населения.

По причине сильной зависимости от решения вопроса о прокладке газопровода «Северный поток» Россия не приняла открытых экономических санкций против Эстонии за снос Бронзового солдата. Однако русской общественностью в России был организован бойкот эстонских товаров и услуг. Российская железная дорога под предлогом начавшегося ремонта полотна прекратила экспортные поставки нефти через Эстонию. Было приостановлено несколько крупных российских инвестиционных проектов на территории республики.

Эстонские власти изначально попытались представить события вокруг Бронзового солдата не как массовые протесты русского населения против политики этнической дискриминации, а как беспорядки, организованные деклассированными элементами. Официальные представители ЭР стали вести кампанию по дискредитации памятника и захороненных у его подножия воинов. Например, премьер-министр А. Ансип распространял слухи о том, что у

подножия монумента были захоронены солдаты, погибшие не при освобождении города, а по пьяному делу, либо даже расстрелянные русские мародеры. В мародерстве без всяких на то оснований обвиняют первоначально и убитого эстонскими экстремистами Д. Ганина.

Для недопущения распространения истинной картины происходящего в республике во время Бронзовых ночей властями Эстонии был установлен контроль над содержанием электронных и печатных СМИ, закрыты несколько форумов и сайтов, а также запрещено комментирование статей на русскоязычном варианте популярного новостного портала Delfi.ee. В ответ на это многие веб-сайты эстонских государственных учреждений подверглись нападениям хакеров из-за границы. Эти нападения сопровождались комментариями о необходимости защиты русского населения Эстонии от произвола властей.

После ареста М. Ревы, Д. Линтера и М. Сирык деятельность «Ночного дозора» не была приостановлена. Организация стала собирать подписи за освобождение активистов русского движения сопротивления. Публичности были преданы факты жестокого обращения полиции с задержанными во время Бронзовых ночей. Был проведен ряд пикетов протеста против действий эстонских властей. 26 июня 2007 г. в здании Европарламента, в Брюсселе, состоялись открытые слушания на тему чрезмерной жестокости сил правопорядка Эстонии в период Бронзовых ночей. Докладчиками на слушаниях выступили: депутат Европарламента Татьяна Жданок, директор таллинского Центра информации по правам человека Алексей Семенов, представитель молодежного объединения «Здесь» Игорь Иванов, пострадавшие от произвола эстонской полиции.

Позже активисты «Ночного дозора» участвовали в муниципальных и парламентских выборах, однако не получили достаточного числа голосов избирателей для того, чтобы стать

депутатами. Чистая русская идея без увязки с социально-экономической проблематикой не увлекала избирателей.

События Бронзовых ночей оказали сильное воздействие на социальную жизнь Эстонии. Во-первых, правящая эстонская элита смогла на время приостановить консолидацию русской общины республики и возможность усиления ею борьбы с действующей в стране системой этнической дискриминации. Сделано это было за счет показательной расправы над лидерами протестного движения и запугивания масс русского населения применением против идущих на открытые протесты необоснованно жестких репрессий. Во-вторых, духовные лидеры эстонской общины не осудили неоправданно жестокие расправы своих политиков над русским населением. Тем самым они закрыли возможность налаживания диалога между русской и эстонской общинами. Общество, видимо навсегда, стало двухобщинным. Русские стали массово брать российское гражданство. В-третьих, в результате окончательного этнического раскола эстонское общество сильно ослабло и потеряло возможность к саморазвитию. Это наглядно проявилось во время наступившего вскоре экономического кризиса, когда началась массовая эмиграция всего населения за границу и усилились процессы депопуляции всего населения. В-четвертых, на примере «Ночного дозора» русское население поняло, что может выделять из своей среды лидеров и создавать центры борьбы за права вне политических партий. Позднее этот опыт проявился в организации объединения Русская Школа Эстонии.

«ГУМАНИЗМ VERSUS НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

*Сергей Николаевич Середенко,
юрист, правозащитник. Эстония*

Возомнивший себя на посту министра обороны дворянином и офицером Урмас Рейнсалу заявил, что «Центристская партия бросает перчатку идее эстонского национального государства». Красиво сказал. Я человек небогатый, поэтому перчатками разбрасываться не буду. Я бы просто спокойно перерезал горло этой «идее эстонского национального государства». Гуманно, одним движением, не отвлекаясь, как Аверченко, двенадцатью ножами в спину...

Почему? Потому, что «идея эстонского национального государства» не имеет права на жизнь как человеконенавистническая. Потому что «идея национального государства» в прибалтийском понимании, принципиально отличном от «государства-нации», со всей примитивной силой национализма яростно противостоит самому гуманизму и побеждает его в трех отдельно взятых прибалтийских странах. И этому уже просто пора положить конец. Для начала – заявив о намерении сделать это.

Почему важно об этом заявить? Потому, что практически все политики в эстонской стране полагают существование «идеи эстонского национального государства» нормальным. Потому, что за двадцать лет в стране не появилось ни одного гуманиста, зато за звание «самого правильного эстонца (латыша, литовца)» идет непрекращающаяся борьба.

Потому, что «национальное государство» никак не сочетается с правовым, социальным и демократическим государством, и, называя себя так, мы обрекаем себя на жизнь по

лжи. И большинство моих соотечественников, к сожалению, уже искренне убеждено, что иначе жить нельзя.

Почему национальное государство не может быть, например, правовым? Потому что в основе идеи правового государства лежит гуманизм, идея ценности собственно человека, идея равенства всех людей, в том числе перед законом. Согласно обобщению проф. М. Н. Марченко, речь идет о «простой констатации того непреложного факта, что независимо от взглядов и суждений о правовом государстве (или как бы оно ни называлось), существование последнего неизменно ассоциировалось с торжеством гуманизма, закона и законности, добра и справедливости».

А в национальном государстве в узком прибалтийском понимании торжествует одна национальность. За счет других национальностей. И это надо очень четко понимать. И этому стоит не просто бросить вызов – с этим надо покончить.

Практика подтверждает приведенную выше разницу между «национальным государством» и гуманизмом – эстонские суды можно в полной мере назвать национально-коррупционными. Порукой тому и мой богатый опыт, и опыт моих коллег-правозащитников. Эстонский суд не разбирается в том, была ли, например, дискриминация или нет – он занимается сбором аргументов в пользу того, что ее не было. Именно в этом эстонский суд видит свою задачу и успешно (как ему кажется) с ней справляется.

Одно из главных открытий, которое я сделал в своей книге «Русская правда об эстонской конституции» – это то, что в эстонском основном законе вообще нет слова «человек». Как и словосочетания «права человека». Телеведущий Андрес Райд предложил гостям в студии своей передачи «Подумаем снова» обсудить этот факт – гости-эстонцы затоптали его за 20 секунд. Я засекал. Особенно постарался Райво Варе, которого я же и предлагал в «технические премьеры». Вынужден

признать, что ошибался – среди эстонцев на сегодняшний день ни одного «технического» политика нет.

В одном из следующих эфиров той же передачи бывший министр народонаселения Андра Вейдемани заявила, что тема «прав человека» эстонцев вообще не волнует. Более того, все, что связано с «правами человека», ассоциируется у эстонцев исключительно с русскими в Эстонии. Это, мол, «их тема». Вынужден подтвердить этот вывод, с одним только дополнением – на самом деле эстонцы яростно борются за права человека. Но – не в Эстонии, а в России, Африке, Азии. Но главным образом – в России и Белоруссии.

Одно из непосредственных проявлений гуманизма в правовом государстве – принцип (уважения) человеческого достоинства. Странно, но в эстонской конституции он упомянут – в следующей конструкции: «Перечисленные в настоящей главе права, свободы и обязанности не исключают иных прав, свобод и обязанностей, вытекающих из смысла конституции или согласующихся с ним и отвечающих принципам человеческого достоинства, социального и демократического правового государства».

«Идея эстонского национального государства», как известно, «вытекает из смысла» эстонской конституции, поэтому принцип (уважения) человеческого достоинства с ней не согласуется никак. Так как принцип этот адресован прежде всего законодателю, то можно было бы поинтересоваться, как ему соответствуют такие «юридические термины», как «оккупанты», «мигранты», «колонисты», «гражданские оккупанты», «неграждане», «неэстонцы» и пр. – список можно продолжать. То есть как эти «термины» уважают достоинство тех людей, которым они адресованы?

Никак не уважают, но это и не важно – важно то, что они тем самым подчеркивают превосходство эстонцев над всеми указанными «категориями». Потому что других способов обозначить это превосходство – просто нет.

«Идея эстонского национального государства» в приличных терминах невыразима. Действительно, не скажешь же прямо, что эстонцы лучше и главнее всех других народов, населяющих Эстонию. И поэтому имеют исключительное право на распоряжение общественным богатством.

Прошедший февраль, на который приходится национальный праздник – день самостоятельности Эстонии, – был использован главной националистической партией IRL для пропаганды «эстонского дела» – квинтэссенции «национального государства». Проводником «эстонского дела» стала, естественно, IRL. Об этом было заявлено прямо: «IRL: Делаем эстонское дело! (Ajame eesti asja!)». Плакаты, развешанные по городу, наконец-то объяснили нам, в чем же суть «эстонского дела». Цитирую: «Каждый день ты делаешь эстонское дело. Твоя работа. Твоя учеба. Твоя семья. Твои надежды и мечты – это и есть эстонское дело».

Но с таким же успехом эта формула годится и для «ханьского дела», и для «хорватского дела»... А куда же делись специфические для эстонцев вера в «оккупацию», ксенофобия, нарциссизм, глорификация нацистов, уничтожение русского образования и русского языка, трайбализм и юридическая некромантия, жадность и зависть, составляющие суть и основу «эстонского дела»?

Попытка IRL представить «эстонское дело» белым и пушистым – явно провальная. Но ничего другого они предложить не могут. Они ведь, по выражению, если не ошибаюсь, Л. Д. Троцкого — «органические националисты». Более того, вообще все попытки объяснить даже себе (в приличных терминах, разумеется), что же такое «национальное государство», заканчивались у эстонцев неизбежным провалом.

Мне уже доводилось приводить протоколы Ассамблеи Конституции, из которых четко видно, что формулировка «национальное государство» не вошла в текст конституции только потому, что никто не смог объяснить, что же это такое.

А вот более поздние комментарии к конституции: «Запрет на дискриминацию в связи с национальностью является проблемным, т. к. очень сложно определить, что означает национальность». Возникает естественный вопрос – как же вы, голуби, строите свое «национальное эстонское государство», если вы даже с «национальностью» определиться не можете? Коллизия между доминантой эстонцев в «эстонском национальном государстве» и формальным равенством всех перед законом решается в тех же комментариях с элегантностью ленивца: «особые правила, установленные для иностранцев на основании гражданства, не могут считаться дискриминацией на основании национальности. (...) Во избежание теоретических и практических осложнений рекомендуется использовать термин «национальность» в качестве субсидиарного и применять его только тогда, когда искомый критерий не удастся заменить такими признаками как «раса», «цвет кожи», «язык» или «происхождение»».

Понятно, что ни слова о краже в 1992 году гражданства у полумиллиона граждан Эстонии «на основании национальности» в упомянутых комментариях нет. И дискриминации на основании национальности тоже нет, и исследовать ее – не рекомендовано...

Осознанный отказ от «идеи эстонского национального государства» в пользу гуманизма – это ведь для эстонцев (латышей, литовцев) прямые убытки. Но то, что для них убытки, для нас – единственный шанс на развитие. Потому как «сохраняться на века», как клопы в матрасе, – не в традициях русской цивилизации. Во имя свободы и самостоятельности эстонцы обещали есть картофельные очистки, но эстонских свободолюбивых бомжей мы отчего-то не наблюдаем – наоборот, эстонцы активно уезжают из страны (хотя на одного уехавшего эстонца приходится двое русских). Туда, где уже нет такой профессии, как «эстонец», и такого образования, как «эстонский язык». На свой страх и риск примазываясь к

тем, кто управляет своими государствами разумнее и добрее. При этом, как показал опыт языкового референдума в Латвии, оставаясь «органическими националистами» – зарубежные латыши солидарно проголосовали в своих посольствах против придания русскому языку статуса государственного.

Перерезать горло песне «эстонского национального государства» – можно и должно. Но проделать то же самое с самими носителями этой песни – нельзя. Потому что гуманизм принуждает относиться к прибалтам, как к равным. Никаких операций по «принуждению к интернационализму» на память почему-то не приходит, кроме процесса денацификации Германии.

И тут возникает логическая ловушка: любую критику в свой адрес с «русской» стороны эстонцы воспринимают как агрессию, что служит для них оправданием эскалации репрессий. То есть молчать – плохо, говорить – еще хуже. Очень хорошо это прослеживается на критике законодательства – если в суде ты выявляешь те или иные недостатки в законе, то эстонский законодатель их довольно оперативно «исправляет». В худшую сторону, разумеется.

Есть ли тут какие-то готовые рецепты? Поиск в Google по вопросу «Как повернуть национальное государство к гуманизму?» дал много размышлений, но ни одной практической рекомендации...

Однако последний, 2013 год принес изменения – эстонцы вышли на улицы против своего собственного правительства, против правящей Реформистской партии (IRL своей рекламной кампанией поспешил воспользоваться ситуацией против конкурента). Потому как стало явным, что и среди эстонцев общественное богатство делится несправедливо, что бюрократия, как и повсеместно в мире, рвется к бесконтрольности, определяя тем самым тяжелейший управленческий кризис.

Возникший было русский энтузиазм быстро утих – эстонцы очень четко дали понять, что на их акции протеста русских не звали. Даже формально интернациональные профсоюзы. Так что прогноз уважаемого адвоката Леонида Оловянишникова о том, что ситуация в Эстонии переломится, стоит только русским и эстонцам вместе выйти на улицу, не оправдался – эстонцы просто не захотели делить улицу с русскими. Интересно, есть ли что в этой ситуации сказать академической науке?

Вместо послесловия. Мой латвийский коллега Александр Гапоненко опубликовал на днях в Facebook запись об анализе комментариев к сообщению о создании организации, защищающей права русских неграждан – Конгресса неграждан, – на электронных порталах газет «Latvijas avīze», «Neatkarīgā rīta avīze» и «Diena»:

«Всего около 500 комментариев, что составляет достаточно репрезентативную для республики выборку. В ходе изучения отзывов читателей я использовал идею одного французского социолога, который проводил в 60-е годы (период студенческой революции) обследования с экзотическим названием: «О состоянии общественного сознания парижан на основании изучения надписей в общественных туалетах». Что дала реализация этой идеи в применении к анализу текстов комментариев в трех ведущих латышских газетах?

1. Существует большая и активная группа латышского населения, которая настроена на создание этнически однородного общества силовым способом.

2. Инородцев (русских, евреев и др.) она считает людьми второго сорта, которые должны занимать низшие места в социальной иерархии или уезжать на свою этническую родину. Если инородцы не хотят этого делать добровольно, то к ним следует применять меры принуждения.

3. Комментаторы призывают на помощь в проведении репрессий против инородцев силовые структуры госу-

дарственной власти. В призывах сквозит желание наказывать инородцев не за реальное преступление законов, а за их этническое происхождение. Наказания, по мнению комментаторов, должны носить массовый характер, и идентифицировать жертвы следует по их этнической принадлежности или путем составления специальных списков, например, списков членов Конгресса неграждан, списка участников референдума по русскому языку и т.д.

4. Этот настрой комментаторов дает основание думать, что среди сотрудников силовых органов есть сочувствующие, которые постоянно дают понять, что данный вариант развития событий возможен в случае получения ими политической власти в полном объеме.

Предполагаю, что комментаторы с помощью такого рода оценки стремятся повысить свой собственный социальный и экономический статус. В случае создания благоприятной политической обстановки, они готовы будут приступить к насильственному изъятию у инородцев материальных ценностей, осуществлять их принудительную депортацию, физически расправляться с активистами сопротивления. Не случайно именно эта группа населения столь активно защищает исторические образцы расправы над инородцами в Латвии посредством проведения символических акций 16 марта (объявленный А. Гитлером день памяти воинов-нацистов) возле памятника Свободы в центре Риги.

А при чем тут общественные туалеты? — спросит недоумевающий читатель. А при том, что все пересказанные мною идеи изложены комментаторами в словах и выражениях, которые нельзя выносить за пределы отхожих мест».

БОРЬБА ЗА РУССКУЮ ШКОЛУ В ЛИТВЕ

*д. ф. н. Андрей Вадимович Фомин,
учитель-эксперт, председатель Клайпедской организации
Ассоциации учителей русских школ Литвы*

Пожалуй, главным за последнюю четверть века конфликтом в Литве на национально-культурной почве был вопрос сохранения образования на русском языке, проблема сохранения русской школы.

В Литовской Республике в период с 1991 по 2013 гг. происходил и происходит процесс постепенного вытеснения из жизни общества образования на русском языке. Делалось это постепенно, не вдруг, чтобы не вызывать ненужной социальной напряженности, но осуществлялось и осуществляется с серьезным упорством, свидетельствующим о сознательных усилиях властей ликвидировать русскую школу и русское образование. Это не оставляет никаких сомнений в том, что проводимая в сфере образования политика – осознанная и целенаправленная позиция властей.

Ликвидация высшего образования на русском языке

В первую очередь, в Литве достаточно быстро была ликвидирована возможность получения высшего образования на русском языке, несмотря на то, что во многих вузах Литвы, особенно на технических и педагогических факультетах, существовали прочные традиции высшего образования на русском языке, а само получение на нем образования было в большой степени востребовано. Тем не менее, во второй половине 1990-х гг. возможность получения образования на русском языке в высших учебных заведениях была ликвидирована полностью. Власти и руководство

университетов решили осуществить этот процесс расставания с русским языком в вузах Литвы сразу и быстро. Поэтому уже в первой половине 90-х годов преподавание на русском языке и существование русских групп было прекращено. Дольше всех продолжали существовать русские группы на педагогических факультетах в Вильнюсе, Клайпеде и Шяуляе. Определялось это большим числом поступавших на эти специальности студентов, а также, видимо, существованием русских школ. Русские группы педагогических факультетов продержались примерно до 1997 года. Но уже и до этого они вызывали у многих политиков и чиновников от просвещения недоброжелательное отношение, почему и были упразднены, а обучение на них быстро было переведено на литовский язык. Те, кто начинал в них учебу на русском языке, заканчивали уже на литовском. Таким образом, прекратилась подготовка на русском языке педагогов для школ с русским языком обучения на педагогических факультетах университетов, несмотря на существование в крупных городах Литвы значительного числа таких школ, требовавших пополнения педагогических кадров. В запале «выкорчевывания» русского языка из системы высшего образования в 2007 году была упразднена старейшая кафедра русской филологии Вильнюсского университета, существовавшая более 200 лет. Закрытие кафедры, которая являлась своеобразным центром русского языка и литературы в Вильнюсском университете, вызвало широкий общественный резонанс. В знак протеста против закрытия кафедры и увольнения ряда преподавателей в отставку подал заведующий кафедрой профессор Е. А. Костин, являвшийся видной фигурой в русской общине Литвы.

Впрочем, потребность в получении высшего образования на родном языке в Литве всегда была велика среди русской молодежи, да и людей более зрелого возраста. Поэтому на образовательный рынок Литвы в середине 90-х, начале 2000-х гг. пытались проникнуть и утвердиться некоторые негосударственные высшие учебные заведения, которые вели

образовательную деятельность на русском языке. Их было несколько, но лишь две попытки были достаточно серьезны. В 1996 году в Литве появился латвийский Балтийский русский институт (БРИ), который создал первоначально в Клайпеде, а затем в Вильнюсе и позднее в Висагинасе свои представительства. Появление БРИ в Литве вызвало массовый поток желающих учиться в нем. Несмотря на коммерческий характер деятельности своих представительств в Литве, достаточно высокую плату за обучение, сложности в организации учебного процесса, сочетавшего элементы заочного и вечернего образования, БРИ стал популярен и привлек несколько сот студентов. Потребность в получении образования на русском языке была велика, поэтому предложение имело успех. Правда, пресса и официальные структуры всячески пытались подчеркнуть неправомерность деятельности БРИ в Литве. Периодически в литовской прессе публиковались материалы, дискредитирующие институт. Надо отдать должное латвийскому (рижскому) руководству БРИ: оно делало многое и почти невозможное, чтобы занять место в ряду высших учебных заведений Литвы. Руководители БРИ обращались в Министерство просвещения и науки Литвы, предъявляли материалы латвийской аккредитации, приглашали комиссии для проверки деятельности своих образовательных центров. В 2004 году БРИ, сменивший вскоре название и ставший Международной балтийской академией, получил лицензию литовского правительства на право деятельности в Литве. Казалось, цель достигнута! Но сразу же последовало возбужденное некоторыми депутатами Сейма разбирательство, как такое могло случиться. В результате история с выдачей лицензии стоила места министру просвещения и науки Литвы Р. Вайткусу. А сама лицензия, прослужив год, была отозвана. Руководители БРИ–МБА подали в суд, но тяжба окончилась поражением вуза. Надо сказать, что при всех трудностях и недостатках организации деятельности БРИ–МБА был бы востребован-

ным образовательным учреждением в Литве, если бы власти не использовали все средства для его ликвидации.

Другим русским, а точнее – российским, высшим учебным заведением, пытавшимся утвердиться на образовательном пространстве Литвы, стал Московский государственный индустриальный университет (МГИУ), утвержденный в 1994 г. Министерством просвещения России в качестве «головного вуза по образованию соотечественников за рубежом». В Литве на правах закрытого акционерного общества, а затем – общественного учреждения был создан образовательный центр «Рутения», который являлся официальным представителем МГИУ. Подразделения – образовательные центры МГИУ – действовали в Висагинасе, Вильнюсе и Клайпеде. Их деятельность также была успешна, при их посредничестве заочно в МГИУ обучались несколько сот студентов, число которых в 2002–2003 гг. стремительно росло. Увеличивалось число специальностей, на которые был открыт прием. Во всех трех городах была создана хорошая учебная база: учебные аудитории, кабинеты компьютерных технологий, для проведения занятий и консультаций приглашались квалифицированные специалисты. Несмотря на то что центры МГИУ–«Рутении» действовали открыто, а руководство «Рутении» неоднократно подавало в Министерство просвещения и науки Литвы прошения официально оформить его деятельность в Литве, придать ему статус негосударственного вуза Литвы, несмотря на то что ректор и проректоры МГИУ ежегодно приезжали в Литву и вручали выпускникам дипломы университета, министерство тянуло время, а созданный в стране Центр по оценке качества образования регулярно публиковал информацию о неправомерности деятельности центров МГИУ. Не имея возможности и права ставить под сомнение достоверность вручаемых МГИУ дипломов, литовский Центр оценки качества образования отказывался их признавать на том основании, что деятельность МГИУ на территории Литвы официально неправомерна, а раз студенты проходили обучение в Литве,

стало быть, их дипломы не являются полноценными. Дело дошло до того, что при осуществлении процедуры признания дипломов Центр стал требовать от студентов паспорта с российскими визами, подтверждающими регулярные поездки в Москву для учебы в МГИУ. Если такие свидетельства были (а студент мог регулярно ездить в Россию к родственникам или по делам работы – неважно!), дипломы признавались. В прессе также была развернута кампания по дискредитации этой образовательной институции.

В конце концов, центры МГИУ могли стать хорошей основой развития, по крайней мере, заочного и дистанционного образования в московском университете, но, очевидно, именно этого власти страны и руководство литовских университетов, усматривавших в их деятельности конкуренцию, и не хотели. И сделали все, чтобы этого не допустить. К сожалению, в Литве соотечественники, учившиеся в МГИУ, не дождалась поддержки и со стороны России: ни от руководства МГИУ, ни от Министерства образования и науки. Несколько раз руководители образовательных центров просили договориться на межгосударственном уровне и оформить деятельность московского вуза в Литве. Обращались с просьбой о заключении межгосударственного договора о сотрудничестве в области образования и науки, предусматривавшего деятельность филиала МГИУ в Литве, но до этого дело так и не дошло.

В 2004 году законодательно были запрещены даже негосударственные формы образования на русском языке, в том числе осуществлявшие дистанционное (заочное) обучение в российских университетах.

Драма русской школы.

Акт первый: разрушение структуры

Параллельно с уничтожением возможности высшего образования на русском языке власти Литвы осуществляли меры по ликвидации русской школы. В результате система

среднего образования на русском языке пережила серьезные потери. За последние 17 лет численность русских школ в Литве сократилась в 2,5 раза: с 85 школ в 1996 году до 33 – в 2013 году. Число учеников, обучающихся на русском языке, за это же время сократилось с 52 000 до 16 000, то есть более чем в три раза! Среди главных причин этого угасания русского образования не только эмиграция русского и русскоязычного населения из Литвы, но, главным образом, проводимая в стране реформа системы просвещения и общая политика государства в области образования, которые, несмотря на декларации и законодательные гарантии, приводят к упадку русских школ. Причем властями следствие зачастую выдается за причину. Так, чиновники от просвещения, как заклинание, повторяют, что резко уменьшается число учеников русских школ, поэтому и вынуждены закрываться школы с русским языком обучения. При всем том, что демографические причины здесь, безусловно, играют роль, и число не только русских, но и литовских школьников в стране действительно сокращается, хитрость заключается в том, что, формируя упадочный образ русской школы, реформаторы просвещения побуждают русские семьи отдавать детей в литовские школы. По результатам исследований, сейчас от 30 до 60 процентов контингента некоторых литовских школ составляют дети из русских или «русскоязычных» семей. Таким образом, уменьшение численности учеников русских школ не причина, а во многом следствие иезуитски проводимой реформы системы образования.

Причины осознанного разрушения системы русского образования в Литве ясны. Русские в школе являются единственным массовым очагом воспроизводства русской общины Литвы, привития подрастающему поколению русской культуры, национальных ценностей, менталитета, мировоззрения. С другой стороны, опыт работы русских школ Литвы свидетельствует, что они занимают достойное место в системе образования Литвы, и их выпускники в достаточной

степени владеют полученными знаниями и навыками, а также литовским языком, успешно поступают в ведущие университеты Литвы и столь же успешно реализуются во всех сферах жизни страны. То есть русские школы составляют серьезную конкуренцию литовским школам.

Несмотря на то что процесс выдавливания русского образования в Литве происходил в контексте общей реформы системы образования, порой оказываясь в тени общих реформаторских событий, нет ни малейшего сомнения в том, что это был самостоятельный целенаправленный и осознанный проект властей.

Основные драматические события начались с ломки структуры системы среднего образования. После провозглашения независимости до начала 2000-х гг. в Литве действовали единые средние, ставшие 12-летними школы, дававшие ученикам законченное среднее образование. В начале 2000-х гг., в соответствии с разработанной образовательной стратегией, в основу которой отчасти легли реликты межвоенной системы образования в Литве, а отчасти – заимствованный зарубежный, причем не самый оптимальный, опыт, началась реорганизация среднего образования: средние школы было решено заменить основными (1–10-й классы) школами и гимназиями (9–12-й классы). Подобная реорганизация, разработанная в недрах Министерства образования и науки Литвы, вызвала серьезную критику со стороны педагогических коллективов, прозорливо предвидевших все негативные последствия подобной реформы. Однако авторов реформы не смутило даже очевидное дублирование 9-х и 10-х классов основных школ и гимназий, которое, как мина замедленного действия, чревато было в ближайшем будущем конфликтом в формировании контингента учащихся школ обоих типов.

Ломка структуры школ, в первую очередь, больно ударила по русским школам. В отличие от литовских школ она разрушала единую, целостную систему национально-

культурного воспитания учащихся, преемственность в образовательном процессе русских школ. Примечательно, что сам по себе болезненный процесс реорганизации начали именно с русских школ. В качестве «подопытного кролика» были избраны русские школы города Клайпеды, более четверти населения которого составляли русские. Надо отметить, что педагоги русских школ и здравомыслящая часть русской общины сразу усмотрели серьезную опасность в проводимой реформе и резко выступили против реорганизации русских школ. Острые дискуссии проходили в совете городского самоуправления, отдельные русские депутаты которого не только жестко критиковали реформу, требовали отложить ее реализацию в отношении русских школ, но и настойчиво препятствовали принятию окончательного решения. В городе ширилось движение педагогов и родителей учащихся русских школ против их реорганизации. В адрес Сейма Литовской Республики, Министерства образования и науки Литвы, городского совета и мэра поступали многочисленные протесты и требования не проводить форсированную реформу русских школ. По инициативе городской Ассоциации учителей русских школ Литвы к обсуждению и критике реформы были подключены средства массовой информации: радио, телевидение, городская и республиканская печать. Временами удавалось на несколько месяцев приостанавливать принятие окончательного решения по реформе русских школ. Активизировалась позиция русской общины, с чем вынуждены были считаться многие политики, позиция которых по поводу принимаемого решения поколебалась. Однако во время решающего голосования с минимальным перевесом в один голос было принято решение об оптимизации сети школ с русским языком обучения.

То, что происходило с русскими школами в Клайпед в 2002–2006 гг., не было частной проблемой муниципального уровня. Особый иезуитский характер реорганизации школ

стал ясен позднее, когда обнаружилось, что Клайпеда – единственный город Литвы, участвующий в «пилотном проекте» реорганизации и оптимизации сети школ. Само же рождение этого «пилотного проекта» таило в себе много неясного и странного. Самого проекта в период обсуждения вопроса «оптимизации» школ города никто не видел. Он был обнаружен при содействии одного из чиновников администрации городского самоуправления, под большим секретом передавшего копию договора министра и мэра города спустя полтора года после принятия решения. Условия этого проекта не видел ни городской совет, ни комитет просвещения, ни тем более общественность. А в нем, кстати, были прописаны немалые суммы в евро, выделявшиеся на проведение реформы, в том числе и шестизначные суммы в качестве премий для чиновников, осуществлявших руководство процессами реформы. Но об этом общественность узнала, когда дело было сделано и изменить ситуацию уже было нельзя. Кроме того, при проведении в Клайпеде реорганизации русских школ делалось многое для того, чтобы искусственно обострить отношения между педагогическими коллективами, вызвать соперничество между школами, посеять зерна раздора. Эти посевы в скором времени также дали свои злые плоды.

Поскольку стратегия проводимой реформы была рассчитана до 2012 года, ситуация с русскими школами, аналогичная клайпедской, впоследствии повторялась и в других городах Литвы.

Особой остроты события достигли в 2006 году, когда «оптимизация» вступила в практическую фазу. Русские школы, которые должны были лишиться статуса средних учебных заведений, предприняли отчаянную попытку изменить принятое решение, учитывая при этом ставший достоянием гласности факт кулуарного подписания представителями власти «пилотного проекта». В городе начались открытые акции

протеста общественности. Примечательно, что инициаторами защиты русских школ в Литве выступили сами учителя. Была предпринята попытка общественности заставить городской совет вернуться к вопросу оптимизации школ и отменить ранее принятое решение. При содействии некоторых депутатов городского совета вопрос был вновь вынесен на обсуждение. В марте – июне 2006 года предпринимались попытки остановить реорганизацию. Происходили острые дискуссии представителей властей с педагогическими коллективами школ, представителями родителей школьников. При этом представители школьных общин подвергались угрозам и оскорбительным выпадам со стороны представителей властей. В условиях высокой напряженности и нервозности состоялся визит представителей русской общественности – педагогов и родителей школьников – к министру просвещения, который «с удивлением узнал» о методах и особенностях реорганизации русских школ в Клайпеде и выразил недоумение по поводу ее столь поспешных темпов. Были подключены комиссия по этике, петиционная комиссия, комитет по просвещению, которые в ходе дискуссий вынуждены были признать моральную правоту педагогических коллективов, но это не изменило ранее принятого решения. Особо подчеркнем факт, что литовские школы в этих процессах не участвовали, поскольку происходившие процессы реорганизации для них в силу количества и географического положения не были болезненными.

Ситуация достигла кульминации в начале лета 2006 года, поскольку в сентябре новый учебный год школы должны были начинать в новом, измененном и усеченном качестве. Видя, что все предпринятые попытки не увенчались успехом, педагоги и родители учеников двух русских школ Клайпеды в июне 2006 года организовали и провели в центре города, перед зданием городского самоуправления, пикеты. Лица заполнивших улицу протестующих были заклеены черной

лентой, символизирующей необходимость молчаливо принимать любые решения властей, в руках протестующие держали плакаты, осуждающие разгром русских школ под видом реформы и «оптимизации» школьной сети. Понимая, что власти проигнорируют подобные акции, учителя клайпедской школы «Паюрис» прибегли к отчаянной акции протеста – голодовке. Ей предшествовали информационная подготовка, когда инициативная группа педагогов направила в Сейм, правительство, президенту Литвы, разослала во все средства массовой информации страны обращения с просьбой о помощи в сохранении структуры русских школ, в которых объяснялись мотивы акции голодного протеста учителей в случае неполучения поддержки. В назначенный день с соблюдением всех необходимых предусмотренных законом формальностей педагоги разбили палаточный лагерь, огорожив его плакатами, разъясняющими суть акции, и приступили к голодовке. Во время этой акции в городском совете вновь разгорелись острые дискуссии по поводу реформы русских школ, подстегиваемые запросами депутатов Сейма, чиновников президентуры и правительства. Акция привлекла повышенный интерес СМИ. К голодающим педагогам приезжали депутаты Сейма, чиновники разного ранга, мэр Клайпеды. Однако позиция властей оставалась неизменной. Один из ее представителей заявил, что участники голодовки могут умереть, но решение о реформе русских школ останется неизменным. Голодовка педагогов продолжалась неделю. Вероятно, она длилась бы и дольше, однако учителя, как выяснилось позже, были обмануты некоторыми депутатами Сейма и мэром Клайпеды, обещавшими учесть мнение общественности и пересмотреть решение о реорганизации русских школ.

Чтобы сохранить среднюю школу, родители учеников старших классов и сами школьники на расширенном собрании школьной общины приняли решение, несмотря ни на что, 1 сентября идти в 11-й класс в свою школу, лишенную

права формировать старшие классы. Однако накануне начала учебного года чиновниками городского самоуправления, явившимися в школу якобы с проверкой ее технического состояния, из кабинета заместителя директора школы были похищены заявления учеников с просьбой зачислить их в 11-й класс, личные дела и другие документы школьников. Педагогам школы пришлось обратиться в полицию. 1 сентября, действительно, все одиннадцатиклассники явились в школу и приступили к занятиям. Несмотря на требования властей «передать» учеников в другие школы, угрозы невыплаты зарплаты, закрытия школы и т. п., занятия продолжались неделю, причем учителя заявили согласие учить старшеклассников бесплатно, если муниципалитет откажется тарифицировать их работу. Только под угрозой, что фамилии одиннадцатиклассников будут стерты из базы данных учеников страны, учителя и родители учащихся вынужденно согласились перейти в другие школы.

Однако борьба за школы переместилась в судебную сферу. В административный суд был подан иск, опротестовывающий принятое самоуправлением решение. Судебное разбирательство длилось несколько месяцев, при этом решение самоуправления о реорганизации школ судом было приостановлено, что фактически не отразилось на их работе. Несмотря на приведенные доводы о нарушениях процедуры принятия решения о реорганизации русских школ, суд в итоге оставил решение муниципалитета в силе. Реорганизацию русских школ в Клайпедде остановить или затормозить не удалось, и таким образом был создан прецедент их искусственной «оптимизации».

Последствия реорганизации не замедлили сказаться: русские школы стали «мелеть», число учеников стало сокращаться как в основных школах, так и гимназиях. Через считанные годы «корзина» школьника уже не обеспечивала все образовательные потребности и нужды учебных заведений. Школы оказались в сложном финансовом положении.

Оптимизация русских школ одним из своих последствий имела сокращение кадров учителей. Началось увольнение педагогов, каждая школа в среднем вынуждена была уволить 10–15 педагогов. Среди уволенных отчаявшихся педагогов были попытки суицида.

Драма русской школы: содержание образования

Другим аспектом конфликтной ситуации, развертывающейся в сфере образования, который постепенно стали осознавать педагоги и родители учеников, стало изменение содержания образования в русских школах. Была осуществлена нивелировка учебных программ и содержания образования, уничтожающая национальную специфику русской школы. В русских школах постепенно, но неуклонно уменьшается число уроков родного – русского – языка. Упрощается курс русской литературы. Наряду с общим упрощением образовательных стандартов и программ в школах Литвы, снижением уровня и глубины обучения учащихся, особенно в сфере математических и естественнонаучных дисциплин, резко изменилось содержание обучения социальным и гуманитарным наукам. Русская школа Литвы перестала быть русской школой: она превращалась в литовскую школу с русским языком обучения. Решением Министерства образования и науки Литвы в русских школах, или школах с русским языком обучения, было запрещено использование учебников и учебных пособий, изданных не в Литве. Таким образом было официально запрещено использовать в образовательном процессе даже «Букварь» для первоклассников и учебники русского языка для начальной школы, издаваемые в России, что сначала вызывало недоумение и возражение педагогов и родителей школьников, поскольку наспех подготавливаемые в Литве учебники своим качеством не шли с ними ни в какое сравнение. Власти следили за тем, какие учебники используются в школах. В городе Висагинасе, абсолютное

большинство населения которого составляют русские жители, в одной из школ была осуществлена «показательная» проверка, во время которой чиновники вошли во второй класс и попросили учеников достать из портфелей книги. Обнаружив классические российские учебники родного – русского – языка, представители надзорного органа наказали учителей и администрацию школы. Случай был предан широкой огласке и послужил уроком и предостережением для других.

Особенно чреватым внутренними конфликтами стало преподавание в школе с русским языком обучения социальных дисциплин: истории, политологии и курса гражданского воспитания. Программа и содержание исторического образования и поддерживающие его учебники формируют в школах Литвы искаженный взгляд на историю и недоброжелательную оценку роли в ней других народов и стран. Таким образом молодому поколению навязываются сознательно культивируемые представления, далекие от исторической правды. В первую очередь это касается русской истории, истории России и русской культуры. Самое печальное, что именно такую историю должны изучать сами русские школьники – ученики русских школ.

Во-первых, тысячелетняя русская история представлена крайне узко, фрагментарно, и тенденциозно негативно. Например, в новой серии учебников истории для основной школы русская история за пять лет обучения представлена ученикам не более чем 7 фрагментами, которые рисуют ее очень непривлекательный образ. Русская история, создавшая великую универсальную культуру, обогатившую все человечество, представлена деспотичными образами Ивана Грозного, Петра I, отрезающего боярские бороды, осуществляющего захват власти Ленина и кровавого Сталина. Пожалуй, из персонажей русской истории ученики больше никого и не знают. В курсе истории сознательно формируется образ странной в своей отсталости и жестокости страны,

который, естественно, не соответствует исторической реальности, но главное – не может вызывать никакой симпатии. Благодаря таким кривым зеркалам историографии у школьников Литвы, включая и учеников русских школ, формируется не только искаженный и негативный образ России, но закладываются основы внутреннего конфликта, чувства собственной неполноценности и исторической вины. Что же касается достижений и богатств русской культуры, то они попросту остаются неведомы ученикам. Таким образом, в современных учебниках истории Литвы осознанно представлен и формируется образ России как страны, которую нужно бояться и опасаться по сей день.

Не углубляясь в анализ школьных учебников истории, приведем лишь несколько примеров подачи материала учащимся. Например, серия учебников «Laikas» («Время») для 7–10-х классов – это новое поколение учебников, внешне выглядящих привлекательно, содержащих много иллюстративного материала и хорошо разработанный методический аппарат. Но в учебнике для 8-го класса, посвященном истории V–XVII вв., например, рассказывается о событиях казачьего восстания 1648–1654 гг. на Украине и о вызванной ими войне России с польско-литовским государством: «Россия основной удар направила на Великое Княжество Литовское. В него вторглась 100-тысячная русская и казачья армия... В 1655 г. летом впервые в истории Литвы был занят весь Вильнюс. Грабежи, убийства и пожары продолжались 17 дней. Погибли тысячи горожан, многие были вывезены в Россию. Не видевшие такого богатого и красивого города русские грабили все, что попадалось под руку: срывали даже медные крыши домов, выворачивали гробы похороненных в подвалах костелов и монастырей покойников. Все ценности отправляли в Москву. Вид разграбленного Вильнюса вызвал испуг даже у самого царя».

В учебнике для 9-го класса, посвященном истории XIX века, России уделено внимание в параграфе под названием

«Тюрьма народов». Приведем его практически весь: «Страна под гнетом царя. Происшедшие в XIX в. в Западной Европе грандиозные изменения в жизни людей оставили позади Россию. В громадной империи все еще существовал средневековый порядок. В стране не было конституции, у граждан – политических прав и свобод. Промышленность была слабой, отсталой. Составляющие 80% населения страны крестьяне терпели жестокое крепостное право. Для русских дворян было привычным делом продавать, обменивать, дарить и даже проигрывать в карты крепостных. В России процветала абсолютная монархия – форма правления, когда правитель обладает неограниченной властью, опирающейся на полную покорность подданных. Чиновники зорко следили, чтобы царские указы послушно исполнялись. Заслушивание грозили жестокие наказания и даже смерть. В государстве не было места инакомыслящим и критикам власти. Все обязаны были думать одинаково. Подданные верили в «батюшку-царя». Православная церковь также подчинялась царю. Власти возносили православие над другими религиями, иноверцев преследовали и унижали»... Текст дополняют соответствующие иллюстрации.

Разумеется, особенно сомнительный и тенденциозный материал школьникам преподносится при изучении истории XX века. Содержание учебника для 10-го класса не только вызывает удивление, временами оно просто оскорбительно. Посвященный Второй мировой войне раздел начинается так: «К сожалению, истина не всегда торжествует. Виновник войны – коммунистический СССР не был осужден. В Нюрнберге Советский Союз из обвиняемого стал одним из судей. Целое поколение советских людей верило в миф, что Советский Союз стал жертвой агрессии А. Гитлера. Однако недавно обнаруженные исторические факты показали иное: И. Сталин сам намеревался напасть на Германию, но опоздал». Что это за новые исторические факты, авторы учебника не

уточняют. Но очевидно одно: школьников сразу убеждают, что главным виновником войны был СССР.

Чуть дальше, видимо, наперекор «советскому мифу», творится другой миф о нападении Германии на СССР: «Тысячи плохо и только к нападению подготовленных советских солдат погибли, целые армии сдались в плен. Часть разоренных режимом И. Сталина, бесправных и забытых людей ненавидела советскую власть, не хотела за нее воевать». О попавших в начале войны в плен учебник сообщает: «Сталинский приказ утверждал: «военнопленных нет – есть только предатели родины». Семьи попавших в плен были объявлены «врагами народа», у одних отняты продовольственные пайки, другие – арестованы и сосланы в Сибирь». Школьникам (дважды на одной странице) сообщается, что «часть жителей СССР встречала немецких солдат хлебом-солью как освободителей».

Ниже говорится: «Славян нацисты считали малоценным народом. В будущем их ждало уничтожение, рабский труд на немцев или выселение в Сибирь. Русский народ осознал утрату родины и национального достоинства». Это, по мнению авторов учебника, и заставило его встать на борьбу. Правда, «патриотическими настроениями общества поспешил воспользоваться коммунистический режим. Советская власть всю страну нацелила на отчаянные цели войны. Все жители от 14 лет должны были работать по 11 часов в сутки. Для горожан введены продовольственные карточки. Жители опустошенной коммунистами страны должны были еще больше нищать. Стремясь выжить, подростки, старики и женщины должны были браться за самую тяжелую работу».

Сама героическая Отечественная война советского народа показана в учебнике тенденциозно и лапидарно: «Для советской власти жизнь простого человека не представляла ценности. Полки плохо одетых и плохо вооруженных, порой безоружных красноармейцев посылались на штурм вражеских укреплений. «Ни шагу назад!» – гласил при-каз

Сталина. Сформированные специальные хорошо вооруженные отряды должны были сзади уничтожать пытающихся отступить. За время войны было расстреляно 300 тысяч красноармейцев, отказавшихся выполнять безумные приказы командиров и бежавших с фронта». Чтобы усилить эффект, авторы вставляют в текст фрагмент «Советская тактика разминирования»: «Подойдя к минному полю, наши пехотинцы атакуют, словно такого поля нет», – в разговоре с генералом армии США Дуайтом Эйзенхауэром говорил генерал Красной армии Константин Жуков». Естественно, у изучающих историю по таким учебникам школьников должно создаваться впечатление о советских воинах, как о толпе ненавидящих свое государство, не способных и не желающих воевать дезертиров, вызывающих лишь чувство жалости и брезгливости. А чтобы не возникало вопроса: «Как же они смогли победить?», тут же дается ответ: «В декабре немецкие солдаты настолько подошли к Москве, что в бинокли были видны Кремлевские башни. Однако необыкновенно холодная и ранняя зима измучила немцев. Столица СССР осталась в руках советов». А далее сообщается, что «помощь Запада особенно помогла СССР. До конца войны Советы от британцев и американцев получили помощь стоимостью 11 млрд долларов США. Без этой поддержки Красная армия не устояла бы против Вермахта».

Из декабря 1941 г. учебник, конечно же, сразу делает скачок в июнь 1944 года. Согласно концепции данного учебника в этой войне не было ни битвы за Москву, ни Сталинградского сражения, ни Курской битвы, ни наступательных операций Советской армии 1943–1944 гг., ни партизанского движения. Зато далее говорится: «6 июня 1944 г. воинские части армий США и Великобритании высадились на побережье Нормандии во Франции. Это был величайший в истории человечества десант. Успешное открытие Второго фронта приблизило окончание войны. Перенесшие германскую

оккупацию нации Европы встречали цветами британских и американских солдат как освободителей. Часть руководства немецкой армии, видя приближение поражения, стремилась прекратить войну».

В подводящем итоги войны параграфе «Порождения и преступления войны» первый же раздел называется: «Преступления советов». В нем к нацистским военным преступлениям приравниваются и действия Советской армии. С изумлением и негодованием читаем: «С приближением конца войны двигавшаяся к Берлину Красная армия грабила, сеяла вокруг себя насилие и смерть во всех странах, как только в них вступала. Особенно жестоко вела себя в Германии, мстя за нацистские преступления в СССР, массово убивая мирных жителей, насилуя женщин». Здесь же – весьма сомнительная фотография с характерной подписью: «Советский солдат пристает к немке». Поверхностно и мелко вспоминая о Нюрнбергском процессе, авторы с сожалением отмечают: «Никаких обвинений за насилия и убийства, развязывание войны Советскому Союзу предъявлено не было».

Интересно, что целый разворот в учебнике посвящен зверствам Красной армии в Восточной Пруссии. Параграф, названный «Трагедия Восточной Пруссии», полон сочувствия и жалости и к мирным жителям этой области и к солдатам Вермахта. Особенно потрясающе выглядит материал под заголовком «Волна террора Красной армии». Вот что читает литовский школьник в своем учебнике: «В октябре 1944 г. с вторжения Красной армии в принадлежащую Германии Восточную Пруссию начался самый трагический период истории этого края. Советская пропаганда вбивала в головы солдатам, что Восточная Пруссия – очаг войн, территория смертельных врагов, что ее жителям нужно мстить за все жестокости германской оккупации в Советском Союзе. В воззваниях, распространяемых среди солдат, писалось: «Среди немцев нет ни одного, кто был бы невиновен: ни

среди живых, ни среди мертвых. Красноармейцы, свято исполняйте указание товарища Сталина и уничтожьте фашистского зверя в его логове. Сломите расовую гордость германских женщин. Захватите законную добычу. Убивайте, храбрые красноармейцы». Волна террора Красной армии прокатилась по Восточной Пруссии. Красноармейцы массово убивали мирных жителей, садистски насильвовали женщин. Вереницы отступавших в Германию беженцев давили советские танки. Пытающихся спастись бомбила советская авиация». Интересно, что в этом параграфе авторы учебника беззастенчиво используют уже неоднократно разоблаченный материал нацистской пропаганды, проводившей широкую кампанию по «обличению советских зверств», обвиняя советских воинов в массовых убийствах и изнасилованиях после вторжения в Восточную Пруссию и занятия первого немецкого города Неммерсдорфа.

Таким образом, даже краткий обзор учебников истории для основной школы Литвы позволяет сделать выводы о том, какой истории учат школьников в Литве, какие представления сознательно формируют у подрастающего поколения в отношении России, ее роли в мировой и европейской истории. Этот яд лжи, вливаемый в души детей и молодежи, способен надолго отравить внутренний мир молодого человека, сказываться на будущих отношениях между народами. Очевидным является и то, какие знания о Великой Отечественной войне, в которой сражались, защищая Родину, отдавая свои жизни, их прадеды, будут у русских учеников школ Литвы. Подобные концепции и интерпретации истории являются очень опасным средством формирования общественного сознания. Авторы подобных учебников, без преувеличения, совершают преступление: духовное растление молодежи.

Разумеется, педагоги русских школ и, в первую очередь, Ассоциация учителей русских школ Литвы неоднократно поднимала перед Министерством образования и науки Литвы,

академическими историками вопрос о недопустимости подобных трактовок и интерпретаций истории в русских школах. Однако, как можно догадаться, эти требования остались без ответа. Чтобы компенсировать подобные изъяны исторического образования и заполнить вакуум в знаниях школьниками отечественной истории и культуры, Ассоциация учителей русских школ Литвы и педагогический энтузиасты проводят дополнительные занятия по русской истории, издают и распространяют среди школьников журнал «Родной истории страницы», проводят конкурсы по русской истории и культуре, акции, посвященные памятным датам русской истории и культуры.

Драма русской школы: атака на язык обучения

В 2008 году находившиеся у власти националистические и консервативные правые партии Литвы подготовили проект поправок к Закону об образовании, в котором предлагалось радикально пересмотреть принципы обучения на языках национальных общин и меньшинств. В действовавшем Законе, принятом в 2003 году, гарантировалось право национальных общин обучать детей на родном языке в школах всех ступеней: начальной, основной и средней. Однако в новом проекте поправок Закона предлагалось сохранить на родном языке лишь начальное образование. В основной школе, то есть в 5–10-м классах, на родном – русском – языке планировалось преподавать не более 60% предметов, а в средней школе (11–12-й классы) на родном языке – не более 30% учебных дисциплин. Причем в это число включалось и изучение родного языка, поэтому процентное соотношение должно было на самом деле быть гораздо меньше: реально на русском языке преподавалось бы не 60 и 30, а только 40 и 20% учебного времени. Так что значительная часть учебных предметов в 5–12-м классах, а в старших классах – абсолютное большинство должно преподаваться на литовском

языке. Этим проектом власти Литвы намеревались даже превзойти языковые ограничения своих северных соседей: Латвии и Эстонии. Мотивы принятия подобных поправок, как всегда, носили иезуитское обоснование: данный проект, по мнению его авторов, преследовал цель «достичь интеграции национальных меньшинств в литовское общество и создать им подходящие условия жить, работать и учиться в Литве. А также сохранить их самобытность». Предлагавшийся проект представлял собой своеобразную мину, закладываемую не только под школы, но и под будущее национальных общин. Мало того, что проводимая в Литве структурная перестройка школ привела к замене многих русских средних школ, дававших полноценное законченное среднее образование, неполными – основными школами, которые стремительно деградируют, теряют учеников, роняют престиж в глазах родителей школьников, побуждают вести детей в литовские школы. Перевод преподавания в таком объеме на государственный язык должен был резко ухудшить качество обучения и эффективность учебного процесса.

Понимая всю глубину и тяжесть последствий этих поправок, русская общественность резко выступила против. Следует подчеркнуть, что вновь инициаторами протеста против этих поправок выступили, в первую очередь, сами учителя русских школ, которых поддержали родители школьников. Руководителями Ассоциации учителей русских школ Литвы были подготовлены письма во все властные структуры с категорическим требованием не допустить изменений действующего закона, и начался сбор подписей. Реакция общественности последовала быстро и энергично: публикации в прессе известных педагогов, вскрывающие сущность предлагаемых поправок и призывающих к действию, требования провести открытые дискуссии, выступления в средствах массовой информации и с различных трибун общественных деятелей, представляющих интересы нацио-

нальных общин, и, наконец, письма протеста против поправок, адресованные властям Литвы. Более ста русских и польских школ собрали под письмами протеста тысячи подписей. Только в Клайпеде за три недели было собрано несколько тысяч подписей под письмами, которые были направлены президенту Литвы Валдасу Адамкусу, премьер-министру Гедминасу Киркиласу, правительству и в Сейм Республики. К высшим лицам государства и органам власти люди обращались с такими требованиями: «Мы глубоко убеждены в том, что школы с русским языком обучения дают своим воспитанникам полноценное качественное образование и обеспечивают хорошее знание ими государственного языка, позволяющее свободно интегрироваться во все сферы общественной жизни страны. Мы убеждены в том, что предлагаемый проект поправок Закона ущемляет наши права граждан Литовской Республики и Европейского союза и не соответствует нормам Рамочной конвенции Совета Европы о защите национальных меньшинств. Мы рассматриваем предлагаемые поправки как нарушение прав национальных меньшинств Литвы и оцениваем их как несоответствующие основным принципам современного демократического общества.

Мы требуем уважать и сохранить наше право обучать своих детей и внуков на родном языке. Мы не считаем нужным сокращать время обучения школьников на родном языке. Мы убеждены в том, что насильственное внедрение обучения на государственном языке негативно повлияет на качество обучения наших детей и учеников, не позволит им глубоко усваивать учебный материал и резко снизит эффективность учебного процесса.

Мы убеждены в том, что задача современной школы – дать своим воспитанникам глубокие знания основ наук, подготовить их к дальнейшей учебе и жизни в современном демократическом европейском обществе. Современная шко-

ла должна гарантировать своим выпускникам возможность и право реализовать свои способности в любой стране мирового сообщества, а для этого приоритетом является качественное образование. Достижение этой цели возможно только при условии образования на родном языке.

Национальные общины и меньшинства являются законными интегрированными составными элементами общества Литовской Республики, законопослушными гражданами страны, трудящимися на ее благо, добросовестными налогоплательщиками. Поэтому мы имеем право требовать считаться с нашими потребностями и желаниями. Мы требуем сохранения нашего законного права обучения детей на родном – русском – языке.

Мы требуем не допустить принятия поправок Закона о просвещении Литовской Республики и сохранить его в ныне действующей редакции. Если наше мнение не будет учтено, мы оставляем за собой право обращаться в структуры Европейского союза и Европейский суд по правам человека».

Именно в этот период началось активное и близкое сотрудничество русских и польских педагогических организаций и общин, хотя, следует отметить, первый шаг был сделан именно русскими педагогами. Параллельную активную работу осуществляли польские коллеги, а вскоре в этом процессе сложилось сотрудничество двух общин. Борьба против ограничений возможности обучения на родном языке продолжалась более двух лет. Поднявшаяся в стране волна негодования и недовольства национальных общин заставила власти отступить. Сначала они вынуждены были смягчить предлагаемые поправки: вместо перевода преподавания большинства предметов на литовский язык, было предложено в русских школах по усмотрению министерства изучать 2–3 предмета на государственном – литовском языке. Но и эти «смягченные» поправки были решительно опротестованы. Позиция общественности была тверда: на уроках математики, физики, химии, биологии, истории школьники должны

изучать именно эти учебные предметы, а не литовский язык, на изучение которого учебным планом и так предусмотрено немало времени.

Весной 2010 года началось новое обострение законотворческой горячки. Стали предлагаться новые проекты поправок к той статье Закона, в которой говорится об обучении на языках национальных меньшинств. Летом 2010 года, в разгар обсуждения Закона, 65 русских общественных организаций и организаций российских соотечественников направили обращение президенту, Сейму и правительству Литовской Республики с требованиями не допускать изменения действующей правовой нормы. Борьба за сохранение права учить детей на родном языке без ограничений продолжалась. Надо сказать, что власти использовали не только вводящую в заблуждение риторику, но и своих «агентов» из числа представителей национальных общин, требовавших закрытия польских и русских школ Литвы вообще. В ответ на это в декабре 2010-го – январе 2011 г. была проведена акция, в ходе которой, по имеющимся сведениям, в Сейм Литвы были направлены тысячи обращений представителей русскоязычного населения с просьбой сохранить без изменений статью Закона, гарантирующую получение образования на родном языке без ограничений. Общие интересы сплотили русскую и польскую общины Литвы. Ассоциация учителей русских школ Литвы и Общество учителей польских школ Литвы отстаивали свои требования и позиции на совещаниях и консультациях разного уровня. Польская община организовала впечатляющий митинг в защиту польских и русских школ у резиденции президента Литвы.

Тем не менее, свои планы власти не отменили. Пауза в принятии поправок, вызванная протестом общественности, использовалась для подготовки властями главного удара, и Сейм в конце 2010 года вплотную занялся обсуждением поправок к Закону, главная суть которых – перевод преподавания части предметов на литовский язык, а также утверждение

единых требований к сдаче государственного экзамена по литовскому языку для всех выпускников школ, независимо от национальности и языка обучения. В конце октября в парламенте Литвы прошла конференция: «Политика просвещения национальных меньшинств в Европейском союзе: опыт Латвии». В официальном пресс-релизе Сейма было объявлено: «Опыт Латвии для Литвы особо ценен; это один из лучших примеров ЕС, когда национальные меньшинства, сохраняя свою идентичность, вливаются в общественную жизнь страны, становятся активными гражданами». Нисколько не смущаясь этой ложью, организаторы конференции объявили, что перевод изучения 60% предметов на государственный язык в Латвии дал «сегодня результаты положительного опыта».

Примечательно, что к участию в конференции представители ни русской, ни польской общественности допущены не были. На конференции прозвучали настолько радикальные и категорические выступления, которые не оставили сомнений в намерениях властей. Например, ведущий «Радио Литвы» Марюс Лауринавичус заявил: «Я вижу, что школы нацменьшинств по отношению к Литве в принципе являются инструментом дезинтеграции. Поэтому странно от наших идеологов от образования слышать, что должны соблюдаться права нацменьшинств. Во времена «Саюдиса» (т.е. в начале 1990-х гг.) говорилось очень четко: Литва – единственная земля, где литовцы могут говорить по-литовски. Мы победим, но наши движения в сторону победы не особенно видны. Сколько же можно через каналы образования для нацменьшинств пропагандировать славянский образ жизни, историю, унижающую нашу историю? Нужно менять акценты. Это вопрос жизни. Лично для меня». Один из организаторов конференции, член Сейма – национал-консерватор Гинтарас Сонгайла мгновенно подхватил: «Да, я согласен, что действовать нужно намного решительней, и не только мне, но всему парламенту. Ваши идеи о том, что систему

национальных меньшинств нужно менять, понятны, и в Сейме, думаю, они найдут одобрение».

Конференция приняла резолюцию, суть которой сводится к тому, чтобы сокращать число школ национальных меньшинств. В ней отмечено, что отсутствие преподавания учебных предметов на государственном языке «осложняет интеграцию этих меньшинств в общество, подталкивает их к изоляции и даже дезинтеграции, враждебно противопоставляет остальной части литовского общества».

В конце 2010-го – весной 2011 гг. тема судьбы школ с русским и польским языками обучения активно обсуждалась средствами массовой информации, чиновниками, политиками, общественными деятелями Литвы. На фоне общественных протестов Сейм обсуждал поправки к Закону об образовании, многие из которых несли угрозу национальной самобытности жителей Литвы. Польские и русские педагогические общественные организации и школьные общины использовали все доступные средства, чтобы не допустить ограничения возможностей обучать детей на родном языке.

13 декабря 2010 года у Президентского дворца в центре Вильнюса состоялся первый многолюдный митинг в защиту образования на родном языке. Он был организован польской общиной Литвы, но в нем на равных принимали участие представители русской общины. Тысячи участников митинга держали в руках транспаранты и плакаты, на которых на литовском, польском и русском языках были написаны лозунги: «Оставьте в покое наши школы!», «Нет – принудительной ассимиляции!», «Мы хотим свободно учиться на родном языке!», «Президент, защитите нас!»

15 марта 2011 года председателю Сейма, а также президенту и правительству были переданы обращения с просьбой сохранить образование на родном языке в полном объеме, под которыми стояли подписи 62 тысяч граждан, и обобщенное обращение Ассоциации учителей русских школ и Общества учителей польских школ Литвы.

17 марта на заседании Сейма обсуждался законопроект. Несмотря на титанические усилия и неоднократные эмоциональные и аргументированные выступления члена Сейма от Избирательной акции поляков Литвы Ярослава Наркевича, до конца отстаивавшего интересы польских и русских школ, Сейм 76 голосами «за», при 14 «против» и 29 воздержавшихся принял новую редакцию Закона, вводящую двуязычное обучение в школах национальных меньшинств.

Итак, 17 марта 2011 года Сейм Литовской Республики принял Закон об образовании в новой редакции, согласно которому в школах национальных меньшинств – цитируем – «изучению литовского языка уделяется не меньше времени, чем изучению родного языка». Согласно Закону уже в подготовительных к школе группах детских садов не менее 4 часов в неделю должно уделяться изучению литовского языка. А во-вторых, законодательно закреплено, что с 1 сентября 2011 года воспитательный процесс по программам основного и среднего образования в школах национальных меньшинств будет осуществляться способом двуязычного обучения: на литовском языке и на языке национального меньшинства. В начальной школе обучение литовскому языку будет осуществляться интегрированно. А в основной и средней школе на литовском языке (помимо уроков литовского языка, естественно) будут изучаться темы истории и географии Литвы, ознакомления с окружающим миром; на литовском языке будут преподаваться основы гражданского воспитания. Одновременно устанавливалось, что по желанию родителей на литовском языке может быть введено обучение любых предметов, начиная с начальной школы. Одновременно в Литве с 2013 года вводились единые требования к сдаче государственного экзамена по литовскому языку для выпускников литовских школ и школ национальных меньшинств. Проще говоря, выпускники школ с русским и польским языками обучения должны сдавать государственный экзамен по литовскому языку наравне с

литовскими абитуриентами, для которых этот язык является родным.

Следует отметить, что трехлетняя борьба русской и польской общин против изменения Закона и любых ограничений права обучения детей на родном языке дала определенные результаты. Немалыми усилиями все же удалось отразить принятие наиболее жестких и радикальных вариантов поправок к Закону. Эти проекты удалось отклонить. Примечательно, что главную роль в защите интересов национальных меньшинств играла широкая общественность: педагоги, родители школьников, русские и польские общественные организации. Нужно отдать дань глубокого уважения польским политикам: они были достойными представителями своих избирателей. Немногочисленные же русские «профессиональные» политики благополучно отсиделись за спинами учителей, школьников и их родителей...

С другой стороны, принятые поправки наносили серьезный удар по системе образования национальных общин, по русским школам и вызвали негодование общественности. Сразу после принятия Сеймом Закона Ассоциация учителей русских школ Литвы и Общество учителей польских школ Литвы, Объединение родителей учащихся школ с польским языком обучения и ряд русских и русскоязычных общественных организаций направили президенту Литвы Даля Грибаускайте призыв не подписывать принятый Закон. Однако это было сделано, скорее, «для очистки совести», поскольку было ясно, что глава государства не только его подпишет, но, в известной степени, сама является инициатором внесения поправок. Подписывая новую редакцию Закона об образовании, президент Литвы Даля Грибаускайте заявила: «Мои главные мотивы таковы, что всем национальным меньшинствам Литвы необходимо помочь стать равноценными гражданами, то есть помочь им интегрироваться в литовское общество, почувствовать себя равноценными, пользоваться уважением, знать наш дорогой язык». В высказывании президента была

допущена некорректность: получалось, что до сих пор русские и поляки, а также представители других национальностей не являлись и не являются равноценными гражданами, не пользуются уважением титульной нации.

Общественность не сложила руки: в столице Литвы состоялись еще два многотысячных митинга, организованных польскими общественными организациями при активном участии русской общины. Тем не менее, несмотря на ярко выражаемую позицию общественности, власти страны остались глухи, мнение десятков тысяч граждан было проигнорировано.

Драма русской школы: экзамен по литовскому языку

В Литве продолжается борьба за права национальных меньшинств на полноценное образование на родных языках. Она переместилась в сферу требований к государственному экзамену на аттестат зрелости по литовскому языку. В 2013 году вступила в силу поправка к Закону об образовании, уравнивающая требования к экзамену по литовскому языку и литературе для выпускников литовских школ и школ национальных меньшинств, которая стала новым камнем преткновения. Власть ввела единые требования к сдаче государственного экзамена по литовскому языку для тех, кому он является родным, кто впитывает его с молоком матери, и для тех, кто изучает его как другой – не родной язык. Не оставляя попыток вернуть прежнюю редакцию Закона, русская и польская общественность пыталась оспорить правомерность и оправданность применения единых требований к сдаче государственного экзамена выпускниками русских и польских школ.

После острых дискуссий, публикаций в прессе и подачи русскими и польскими педагогическими ассоциациями президенту, Сейму и правительству нескольких обращений, указывающих на неправомерность срочного введения единых

норм экзамена и критериев его оценивания, ссылок на проведенные литовскими учеными психолого-педагогические исследования, подтверждающие недопустимость применения единых норм оценивания знания литовского языка, новая правящая коалиция, сложившаяся в конце 2012 года, в которую входят представители Избирательной акции поляков Литвы, пошла на некоторые уступки. Учитывая настойчивые требования национальных меньшинств, министр образования и науки 20 февраля 2013 года подписал приказ, несколько облегчающий условия сдачи этого экзамена для абитуриентов нелитовских школ. Выпускникам польских и русских школ было разрешено писать сочинение в объеме 400, а не 500 слов, и разрешалось для положительной оценки допустить на 3 ошибки больше, чем литовцам. Причем этот гандикап – одноразовый и распространялся лишь на 2013 год. В 2014 году всем абитуриентам все равно предстоит сдавать экзамен на единых условиях. Казалось, уступки очень невелики. Но в Литве – как в консервативно-либеральных верхах власти, так и на уровне обывателей – эти поправки были расценены как угроза национальной безопасности и страшная опасность для самого существования страны. Правые депутаты Сейма обжаловали приказ министра в суде. По литовским СМИ прокатилась волна недовольства, а консерваторы организовали сбор подписей против грозящей государству беды.

В середине апреля 2013 года президент Литвы – бывшая выпускница Ленинградского университета и в прошлом преподаватель Высшей партийной школы при ЦК Компартии Литвы – Даля Грибаускайте вызвала «на ковер» провинившегося министра образования и науки. Президент заявила министру, что она получила обращение литовской общественности, в котором выражена озабоченность сохранностью литовского языка и неравными требованиями к сдаче экзамена по литовскому языку для выпускников литовских и нелитовских школ. Под обращением стоят 18 тысяч подписей. Это побудило президента подвергнуть приказ министра критике.

Д. Грибаускайте объявила, что литовский язык не может быть объектом никаких споров и политических соглашений. Давая нагоняй министру, она заявила, что неравные условия экзамена неблагоприятны не только для литовцев, но и для детей национальных меньшинств, которые выбрали обучение в литовских школах. «Литва всегда была многонациональным государством, – заявила Д. Грибаускайте, – и такой останется, и все – граждане Литвы, поэтому никаких привилегий ни для кого не должно быть, всем должны быть созданы одинаковые условия, как и предусмотрено Конституцией». При этом президент «забыла», как два года назад 62 тысячи граждан Литвы подали ей обращение с просьбой не ограничивать образование на родных языках проживающих в Литве национальных меньшинств. Но тогда глава государства совершенно не обратила внимания на эти подписи, наоборот, поправки к Закону об образовании, ограничивающие использование языков национальных меньшинств, были демонстративно приняты.

В скором времени и суд признал приказ министра неправомерным. Таким образом, перед выпускниками русских школ встала перспектива в новом учебном году сдавать государственный экзамен по литовскому языку наравне с этническими литовцами. Кстати, у этого экзамена есть еще один не всегда очевидный аспект: выпускники обязаны для сдачи этого экзамена знать полный объем литовской литературы. Если для ее изучения литовцам требуется полный курс средней школы, то, спрашивается, когда, за счет чего изучать ее русским школьникам? Разумеется, только за счет сокращения курса русской литературы. А это значит, что русские школьники в скором времени будут не только не знать не только родной истории и культуры, но перестанут изучать и великую русскую литературу в угоду литовской.

Результаты первого опыта сдачи государственного экзамена по литовскому языку в 2013 году (даже при незначительных допущениях) таковы: экзамен не сдали 9,9 процента

выпускников литовских школ и 11,2% абитуриентов школ национальных меньшинств, а это почти в два раза больше, чем в 2012 году, когда только 6,5% выпускников нелитовских школ не смогли сдать экзамен.

Борьба за сохранение русской школы Литвы будет продолжаться. В настоящее время педагогическая общественность русских и польских школ готовит документы к подаче в Европейский суд по правам человека для обжалования принятых поправок к Закону об образовании и принципов единого экзамена по литовскому языку. Как далее будут развиваться события, покажет время.

Несомненно одно: единственным эффективным очагом и средством воспроизводства и сохранения русской общины Литвы является русская школа. С ее потерей угаснет и активная жизнедеятельность русской диаспоры, «Русский мир» в Литве. Поэтому нет никаких сомнений в том, что усилия властей преследуют одну сознательную цель: ликвидировать возможность образования на русском языке.

ПОЛЯКИ В ЛИТВЕ: ИСТОРИЯ КОНФЛИКТА

Ярослав Скудер, магистр права

Прошло вот уже 9 лет с тех пор, как Литовская Республика является полноправным членом Европейского союза, со всеми сопутствующими членству в этой организации правами и обязанностями. Казалось бы, законодательство Литовской Республики в сфере защиты прав человека вообще и охраны прав национальных меньшинств в частности должно было быть уже давно приведено в соответствие со всеми европейскими нормами, тем более что еще в 2000 году Литва подписала и ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств. На деле же неустанно декларируемая властями Литвы приверженность европейским ценностям и демократии часто является пустым звуком, в особенности когда дело касается прав традиционно на территории Литвы проживающих национальных меньшинств.

Ярким примером, демонстрирующим избирательный подход к европейским ценностям, является положение более чем двухсоттысячного польского национального меньшинства в Литве, являющегося самым многочисленным национальным меньшинством и традиционно компактно проживающего на востоке страны, в Виленском крае.

Основные, так и оставшиеся неразрешенными с момента объявления Литвой независимости, вопросы, это:

– проблема возвращения национализированной в 1940 году земли, когда поляки трактуются как граждане второй категории, а привилегированные позиции часто занимают граждане титульной национальности;

– запись имен и фамилий в документах в оригинале, тогда как имена и фамилии поляков записываются по-литовски;

– проблема двуязычных надписей в местах компактного проживания поляков;

– и вызывающая все больше эмоций в последнее время – проблема функционирования просвещения на польском языке.

Сложившаяся ситуация обусловлена, в первую очередь, решением литовских поляков создать собственную национальную автономию в Виленском крае в то время, когда Литва выходила из состава СССР. Именно отсутствие своей территориально автономной единицы, на которую польское население, исторически проживающее в Виленском крае, имело полное право, и привело к тому, что граждане польской национальности в Литовской Республике зачастую трактуются людьми второго сорта, а законные их требования – игнорируются.

Следует обратить внимание на то, что к моменту выхода Литвы из состава СССР даже самих планов создать польскую национальную автономию и не возникло бы, если бы не угрозы литуанизации населения, традиционно проживающего на территории Виленского края. На заре литовской независимости сами ее идейные вдохновители публично объявляли, что вряд ли в новой, свободной Литве найдется место тому, кто «не захочет говорить по-литовски». Подобные высказывания не оставляли у литовских поляков никаких иллюзий по поводу отведенного им места в возрожденном литовском государстве.

Одновременно усиливались нападки в сторону польского населения. Тогда же из небытия была воскрешена антипольская мифология еще довоенной Литвы о пресловутой «оккупации восточной Литвы Польшей в 1920–1939 годах» и о том, что в Литве нет и никогда не было никаких поляков, а существуют только некие «насильственно ополяченные в период польской оккупации литовцы», которых нужно для их, разумеется, собственного блага немедленно «релитуанизировать» обратно. Средством же этой литуанизации должно было стать полное запрещение на публичное употребление польского

языка, а также ограничение, вплоть до полного запрещения, образования на польском языке на территории восстановившей независимость Литвы.

Показательно, что подобного рода ущемления прав традиционных национальных меньшинств, проживающих в Литве, были немыслимы даже во времена недобрым словом теперь поминаемого советского прошлого.

Но нужно учесть и еще один немаловажный момент, связанный с историей Виленского края, который перед войной входил в состав Польши и который, вследствие пакта Молотова – Риббентропа, в сентябре 1939 года был занят частями Красной армии, а потом, согласно подписанному 10 октября 1939 г. в Москве договору «О передаче Литовской Республике Вильно и Виленской области и взаимопомощи между СССР и Литвой» был передан Литве, включенной летом 1940 года в состав СССР как Литовская Советская Социалистическая Республика. Таким образом город Вильно, который до войны принадлежал Польше и большинство довоенного населения которого составляли поляки (литовцев в городе тогда почти не было), стал столицей советской Литвы – Вильнюсом.

Поэтому, когда в Литве отчетливо проявились тенденции к выходу из состава СССР, начали активизироваться и поляки, которые, несмотря на акции переселения (с 1944-го по 1959 год сотни тысяч поляков из Виленского края были добровольно или принудительно переселены на территорию Польши), на значительной территории Виленского края составляли тогда (и поныне составляют) большинство населения.

В такой атмосфере 6 октября 1988 года Верховным советом Литовской ССР был принят закон о государственном языке. Отныне другим, кроме литовского, традиционно употребляемым на территории Литвы языкам, места больше не было.

Тогда же в среде польского национального меньшинства в Литве назрело осознание того, что единственным выходом, способным гарантировать естественное и незыблемое право литовских поляков на сохранение своей идентичности, языка

и культуры, станет создание своей национальной автономии в Виленском крае, являющемся территорией традиционного компактного проживания поляков.

Сказано – сделано, и уже 12 мая 1989 года в поселке Мицкуны Вильнюсского района состоялся I Съезд народных депутатов Виленского края. На этом съезде из состава делегатов был избран Координационный совет по созданию Польского национально-территориального округа в составе Литовской ССР. На съезде было принято обращение к верховным советам СССР и ЛССР с просьбой поддержать эту инициативу.

Обращение, в числе прочего, гласило: *«Считаем Виленский край неотъемлемой частью Литвы. Судьба распорядилась так, что в данном регионе компактно проживает польское население. На основе диалога, толерантности, взаимного уважения интересов и высокой культуры этот регион, с почти 300-тысячным населением, должен получить особый статус. Уверены, что оптимальным способом решения проблем Виленского края было бы создание здесь автономной польской национально-территориальной единицы».*

В заключение в этом обращении выражалась надежда на то, что данное начинание встретит одобрение и поддержку литовского народа.

Надежды эти, однако, не оправдались. Верховный совет Литовской ССР признал все решения I Съезда народных депутатов Виленского края незаконными и противоречащими конституции, однако так и не смог указать, какие именно статьи конституции Литовской ССР были нарушены. В ответ на это постановление Верховного совета Литовской ССР Координационный совет резонно заметил, что Верховный совет Литовской ССР сам нарушил конституцию СССР, прикрываясь волеизъявлением народа, тогда как жители Виленского края поддерживают именно решения I Съезда народных депутатов Виленского края.

Между тем 6 сентября 1989 года решением совета Солечницкого (Шальчининкского) района Литовской ССР

Солечницкий район стал автономным районом. 15 сентября того же года совет Вильнюсского района принимает аналогичное решение. Уже 21 сентября того же года Верховный совет Литовской ССР признал оба этих решения незаконными. Было объявлено, что эти решения «сеют национальную рознь, а с правовой точки зрения противоречат конституции Литовской ССР». В свою очередь советы Солечницкого и Вильнюсского районов признали незаконным упомянутое постановление Верховного совета Литовской ССР.

Как власти Литвы, так и само литовское общество категорически воспротивились самой идее автономии Виленского края. В это же время начала активно действовать националистическая литовская организация «Вильния», единственной целью которой является тотальная литуанизация Виленского края посредством колонизации его литовским населением и полным запрещением всех традиционных местных языков на его территории.

Одновременно в кулуарах власти начали появляться концепции «окончательного решения польского вопроса» в Литве. Одним из вариантов этого было создание такого административно-территориального деления Литвы, при котором не осталось бы ни одной административно-территориальной единицы, в которой доминировали бы поляки.

Напряжение между тем нарастало. 11 марта 1990 года Верховный совет Литовской ССР провозглашает независимость Литовской Республики.

Вслед за этим, 27 апреля 1990 года, совет Солечницкого района принял решение о том, что на территории района продолжает действовать конституция СССР и Литовской ССР, а сам район будет именоваться Польским национально-территориальным районом. Вскоре аналогичное решение принял и совет Вильнюсского района.

1 июня 1990 года в Завишаньцах, в Солечницком районе, состоялся II Съезд народных депутатов в местные советы Виленского края, который продолжился 6 октября в Эйшишках.

На съезде, было более 200 делегатов, было принято решение создать Польский национально-территориальный край в составе Литовской Республики. Съезд обратился к Верховному совету Литвы с призывом «создать на территории Вильнюсского, Солечницкого районов, а также на части территории Свенцянского, Ширвинтского и Тракайского районов национально-территориальной единицы со своим статутом».

Также съезд обратился к верховным советам СССР и Литвы с обращением признать незаконным договор от 10 октября 1939 года между СССР и Литвой, по которому Виленский край был передан Литве, как следствие преступного Пакта Молотова – Риббентропа. В обращении было упомянуто, что «Договор от 10 октября 1939 года между СССР и Литвой является очевидным нарушением международного права, поскольку был заключен без учета мнения польского населения Виленского края. Следствием его реализации были массовые репрессии по отношению к польскому населению».

Но Верховный совет Литвы опять признал решения этого съезда незаконными.

Хотя Советский союз уже трещал по всем швам, положение непризнанного литовского государства все еще оставалось довольно шатким, отчасти поэтому 29 января 1991 года Верховный совет Литвы принял поправки к закону «О национальных меньшинствах», которые были с одобрением восприняты польской общественностью. Так появилась возможность использования родного языка в государственных учреждениях наравне с литовским там, где компактно проживают национальные меньшинства. Также для национальных меньшинств было признано право на использование двуязычных надписей, образование на родном языке и другое, в том числе право учреждать учреждения образования.

Также было принято решение создать Вильнюсский округ, занимающий территории, населенные поляками. Для этого правительству было дано поручение до 31 мая 1991 года представить Верховному совету проект будущего

административно-территориального устройства, который бы учитывал функционирование упомянутой территориальной единицы. Нужно отметить, что эти действия даже превысили ожидания литовских поляков, так как казалось, что все их требования удовлетворяются. Координационный совет даже внес свои предложения по реализации этих решений. Однако вместе с тем поляки прекрасно отдавали себе отчет в том, что в действительности никакие из этих решений реализованы не будут. Одновременно литовские националисты также подвергли критике эти решения Верховного совета под предлогом того, что это является нарушением территориальной целостности Литвы и предательством национальных интересов.

И чем более упрочнялись позиции независимой Литвы, тем меньшую готовность к диалогу с литовскими поляками она выказывала.

Так и не дождавшись от властей Литвы реализации проекта по обещанному административно-территориальному устройству, поляки решили взять дело в свои руки и 22 мая 1991 года на съезде в Мостишках, в Вильнюсском районе, Координационный совет утвердил окончательное решение по созданию Польского национально-территориального края в составе Литвы. Территория края занимала Вильнюсский и Солечницкий районы полностью, а также части Тракайского, Свенцянского и Ширвинтского районов. Центром автономии должна была стать Ново- Вильня, район Вильнюса, где в национальном составе населения доминируют поляки.

Характерно, что территория этой автономии занимала не весь Виленский край, а только ту его часть, на которой польское население составляло абсолютное большинство жителей, всего около 4930 квадратных километров территории с населением около 215 тысяч человек, из которых около 67 процентов составляли поляки.

На съезде были также утверждены Статут (конституция), флаг и гимн края. Польский, русский и литовский языки на территории автономии были признаны равноправными.

Верховный совет Литвы, как и следовало ожидать, не признал решений этого съезда, а само это решение вызвало очередную волну антипольской истерии в литовском обществе. Все обещания литовских властей так и остались только на бумаге. 18 июля 1991 года Координационный совет в последний раз обратился к Верховному совету Литвы с просьбой выполнить собственные постановления. Опять же безрезультатно.

Зато литовские националисты хором обвинили поляков в государственной измене и нарушении территориальной целостности Литвы. Переломный момент в ситуации наступил в августе 1991 года, после провала путча в Москве. Власти Литвы решились на силовую расправу с Польским национально-территориальным краем.

26 августа 1991 года Польская Республика признала независимую Литву в послевоенных границах со столицей в Вильнюсе, а буквально через 8 дней власти Литвы приступили к силовой расправе с демократически избранными властями «польских» районов. Предлогом для этих незаконных мер была мнимая поддержка районными советами путча в Москве.

4 сентября 1991 года Верховный совет Литвы принял постановления о ликвидации Координационного совета и о прямом управлении Солечницким и Вильнюсским районами, в которые были назначены комиссары правительства с широкими полномочиями. Советы районов были в прямом смысле этого слова разогнаны с применением силы за якобы «антиконституционную деятельность». Самоуправления этих районов были вообще упразднены и не существовали до марта 1993 года, когда были назначены новые выборы в районные советы.

Следует особо отметить, что силовая расправа с демократическим путем избранными советами Вильнюсского и Солечницкого районов и упразднение самоуправлений этих районов были попранием правовых норм самой Литвы, парламент которой недопустимо превысил свою

компетенцию, ликвидируя демократически избранные и законно действующие советы самоуправлений.

Вслед за этим наступила пора репрессий по отношению к местному польскому населению, начиная от увольнения с работы всех «неблагонадежных» по отношению к вновь назначенной местной власти, заканчивая закрытием местных центров культуры и даже школ. Были закрыты редакции польских журналов «Пшиязнь» и «Дзень добры». Излишне упоминать, что было запрещено публичное употребление любого, кроме государственного, языка. Показательные судебные процессы по делу «автономии» тянулись аж до 1999 года и являлись ничем иным, как актом устрашения по отношению к населяющим Литву национальным меньшинствам. Вся деятельность самих комиссаров демонстрировала собой, что власти приступили к окончательному решению «польского вопроса».

Но всё-таки особенно болезненно это отозвалось на проблеме возврата земли, национализированной еще в 1940 году советскими властями и возвращаемой по принятому в 1991 г. уже в независимой Литве закону «О возврате национализированной собственности». С введением прямого управления Вильнюсским и Солечницким районами ускоренными темпами началась фактическая колонизация Виленского края.

На протяжении первых лет независимости Литвы проблемой возврата национализированной земли занимались самоуправления. Но на территории Виленского края они не существовали почти два года независимости: 4 сентября 1991 года Верховный совет Литвы упразднил советы Вильнюсского и Солечницкого районов. Предлогом для этих незаконных мер была мнимая поддержка районными советами путча в Москве.

Обвинение было надуманным и ничем не доказанным. Настоящим же поводом этого незаконного, антидемократического и направленного на традиционно живущие в Литве национальные меньшинства действия было стремление центральных властей исключить участие и даже малейшее влияние поляков на процесс возврата земли.

Процесс бесконтрольно разбазариваемых направо и налево администрацией под руководством назначенных властями комиссаров в Вильнюсском и Солечницком районах земельных участков был поставлен на широкую ногу. Нарушения и всякого рода злоупотребления ими полномочиями были поистине вопиющими. Сотни, если не тысячи сформированных под возврат претендентам земельных участков были отданы не местным жителям, которые и были законными претендентами на возврат этой земли, а лицам «титულიной» национальности, не имевшим к этой земле никакого отношения, но зачастую являвшимся представителями местных или центральных властей, либо лицам, связанным с ними родственными или иными узами.

Зачастую цинизм новой администрации упомянутых районов по отношению к жителям Виленского края в вопросах возврата земли (а фактически – прямого обворовывания людей) переходил все мыслимые границы. Дикая история произошла в деревне Гуделе 27 апреля 1993 года. Началось все с того, что в 1992 году администрация комиссара Вильнюсского района вместо того, чтобы вернуть землю жителям деревни Гуделе, разделила ее на участки под строительство индивидуальных домов и раздала лицам, никакого отношения к этой земле не имеющим – в основном чиновникам из местной и центральной властей и людям из их окружения. Массовые протесты и жалобы местных жителей по поводу столь вопиющей несправедливости были, как и обычно, проигнорированы. Тем временем на участках уже вовсю шли строительные работы. Возмущенные жители пытались этому воспрепятствовать, на что в их адрес следовали угрозы со стороны «новых хозяев» земли, а для устрашения недовольных привлекались и силовые органы. Очередной конфликт вспыхнул 27 апреля 1993 года, когда усмирять местных жителей прибыли армейские подразделения (позднее было объявлено, что якобы там проводились военные учения). Когда стало понятно, что акция устрашения не возымела действия, в сторону протестующих

раздались выстрелы. Чудом обошлось без жертв. На стенах близлежащих домов виднелись многочисленные следы от пуль. Такая вот показательная «демократия по-литовски».

Союз поляков Литвы, польская фракция в Верховном совете Литвы неоднократно обращали внимание на очевидное попрание законов и соответствующих юридических процедур Верховным советом Литвы, призывали отменить эти решения, но на эти призывы так и не последовало никакой реакции.

Доходило до того, поляки лишились возможности даже подавать заявления о возвращении своей земли, так как учреждения Литвы не признавали документов, удостоверяющих права собственности на землю, выданных «иностранным государством» (Польшей). Авторы столь абсурдных положений этого закона даже не потрудились (или не захотели) учесть того, литовское государство попросту не могло на этой территории в межвоенный период выдавать никаких документов, так как его тут просто... не было. Минуло много времени, прежде чем архивы начали выдавать претендентам выписки из документов, подтверждающих права собственности: почти два года они информировали претендентов на возвращение земли, что таких документов у них нет, и отправляли их искать в Белоруссию или Польшу, где они будто бы должны были находиться.

Был принят закон, позволяющий «переносить» собственность. Хотя формально «перенос» земли позволялся только на свободные территории, на которые никто не претендовал, а в первую очередь право на реституцию национализированной собственности полагалось местным жителям, на практике эта очередность никогда не соблюдалась. Как результат, законные претенденты на возврат земли лишились нескольких десятков тысяч гектаров земли в окрестностях Вильнюса.

Подобные методы, не имеющие ничего общего с широко пропагандируемыми «европейскими ценностями» и нормами «демократического европейского государства» вызвали недовольство Варшавы, которая на некоторое время заметно охладила свои отношения с Вильнюсом.

Казалось бы, что шанс на урегулирование польско-литовских отношений, учитывающих стремления и нужды польской общественности в Литве, появится 26 апреля 1994 года, с подписанием на встрече в Вильнюсе президентами обеих стран – Лехом Валенсой и Альгирдасом Бразаускасом – Трактата о дружественных отношениях и добрососедском сотрудничестве между Польшей и Литвой. Польша, проводя свою внешнюю политику, считала Литву своим стратегическим партнером, безоговорочно оказывая ей поддержку на международной арене, но теряя при этом из своего поля зрения проблемы литовских поляков.

Дискриминационная политика литовских властей с течением времени не только не смягчилась, произошло совершенно обратное. Не оправдались и надежды на то, что после вхождения в ЕС Литва начнет соблюдать европейские стандарты и ею же самой ратифицированную Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств.

А поляки Литвы и не просят ничего более, чем соблюдения Литвой обычных европейских стандартов в отношении традиционно на ее территории проживающих национальных меньшинств. Таких же прав, какие гарантированы для национальных меньшинств в любой демократической стране.

И за примерами, демонстрирующими европейский, истинно демократический подход к положению национальных меньшинств, далеко ходить не надо.

Например, в Финляндии шведский язык не только имеет статус официального языка, для шведскоязычного населения создана национальная автономия на Аландских островах, аналогичная национальная автономия создана для немецкоязычного населения в Южном Тироле, в Италии, национальная автономия для каталонцев существует в Испании. В странах с устоявшейся демократией никому и в голову не придет обвинять компактно проживающие на своей территории национальные меньшинства в государственной измене и нарушении территориальной целостности страны, для

сохранения их национальной и культурной идентичности даже создают культурные и национальные автономии. Естественное право традиционных национальных меньшинств в ЕС на сохранение собственной идентичности и собственного языка, вплоть до создания своей национальной автономии, является одной из европейских ценностей и гарантировано в любой стране с устоявшейся демократией.

Широкими правами, гарантированными законом 2005 года о национальных меньшинствах и региональных языках, пользуются национальные меньшинства в Польше на территориях, где они составляют не менее 20 процентов. Так, для литовцев, традиционно компактно проживающих в Польше у границы с Литвой, была сформирована своя фактически автономная единица – Пуньская волость. А на территории с компактно проживающим в Польше немецким национальным меньшинством было сформировано Опольское воеводство.

А между тем 1 января 2010 года в Литве прекратил свое существование действовавший еще с 1989 года закон о национальных меньшинствах. Новый закон пока так и не принят. До сих пор не реализовано практически ничего из того, чего добивается польское национальное меньшинство в Литве. И все же нет никакого сомнения в том, что прогрессивный европейский подход к решению проблем национальных меньшинств неизбежно и неотвратно возобладает и в Литве как в истинно правовом, в полном смысле этого слова европейском государстве, которым она, без сомнения, станет в ближайшем будущем.

И, возвращаясь к событиям 1989–1991 годов, нельзя не упомянуть того, что решимость создать Польский национально-территориальный край стала тем положительным импульсом, благодаря которому поляки в Литве являются сегодня самой консолидированной польской общиной если и не во всем мире, то в Европе – определено.

НАРОД СЕТУ – ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Юрий Владимирович Алексеев, исследователь, Россия

История

Финно-угорский народ сету обосновался на Псковской земле, в области, называемой самим этим народом Сетумаа, задолго до появления в этих местах первых славянских племен. Российские ученые относят возникновение первых поселений народов финно-угорской группы в ареале Псково-Чудского водоема к первому тысячелетию до новой эры. Возникновение первых славянских поселений датируется здесь V веком нашей эры.

К моменту возникновения русской государственности поселения славян и финно-угров в этом регионе перемешались друг с другом. Характерной чертой славянского расселения на Псковщине явилось не выдавливание коренного финно-угорского населения, а совместное проживание людей различных племен на одной территории, с многочисленными контактами, экономическими связями и взаимным проникновением различных культур. Можно с полной уверенностью сказать, что на протяжении всего последнего тысячелетия русские и сету совместно проживали на территории Псковского края.

Изменение политических и этноконфессиональных границ, происхождение и динамика численности сету

Сету ныне проживают в Печорском районе Псковской области (где называют себя «сету») и на восточных окраинах соседних уездов Эстонии, до революции 1917 года входивших в состав Псковской губернии.

Эстонские археологи и этнографы Х. А. Моора, Е. В. Рихтер и П. С. Хагу считают, что сету являются этнической (этнографической) группой эстонского народа, которая сформировалась к середине XIX века на основе чудского субстрата и более поздних эстонских переселенцев, принявших православную религию. Однако более убедительными выглядят доказательства ученых, полагающих, что сету – остаток самостоятельного этноса (автохтона), подобно води, ижорцам, вепсам и ливам. Для подтверждения этой позиции необходимо рассмотреть динамику этнических, политических и конфессиональных границ к югу от Псковско-Чудского водоема начиная со второй половины первого тысячелетия н. э., разбив предварительно этот временной интервал на семь исторических периодов.

I период (до X века н. э.)

До появления славян пограничье современной Эстонии и Псковской земли заселяли финно-угорские и балтийские племена. Провести точную границу между районами расселения финно-угорских и балтийских племен достаточно трудно. Археологические находки свидетельствуют о существовании балтийских (в частности, латгальских) элементов к югу от Псковского озера вплоть до X–XI веков, когда на этой территории уже жили славянские племена кривичей.

Заселение славянами южного и восточного побережий Псковского озера началось предположительно в VI веке. На рубеже VII–VIII веков они основали городище Изборск в 15 км к югу от Псковского озера. Изборск стал одним из десяти древнейших русских городов, первое упоминание которого относится к 862 году. К юго-западу от Псковского озера, где проходила граница колонизированных славянами земель, ассимиляция почти не затронула местное прибалтийско-финское население. Славянский Изборск оказался как бы

вклиненным в земли, заселенные прибалтийской чудью, став самым западным городом псковско-изборских кривичей.

Политическая граница, обязанная своим становлением созданию Древнерусского государства – Киевской Руси, прошла несколько западнее этнической границы. Граница между Древнерусским государством и чудью-эстами, сложившаяся при Святославе к 972 году, в дальнейшем стала очень стабильной, просуществовав с небольшими изменениями вплоть до начала Северной войны (1700 год). Однако в конце X – начале XI века границы Древнерусского государства временно отодвинулись далеко на запад. По древним источникам известно, что Владимир Великий, а затем Ярослав Владимирович брали дань со всей «лифляндской чуди».

II период (X – начало XIII века)

Это был начальный период славянско-чудского взаимодействия при наличии политических, этнических и конфессиональных границ (христианство на Руси, язычество у чуди). Часть чуди, оказавшаяся на территории Древнерусского государства, а затем Новгородской республики, начала воспринимать элементы материальной культуры соседей – псковских кривичей. Но местная чудь оставалась частью чуди-эстов, противопоставление псковской чуди собственно эстам (эстонцам) проявляется позднее. В этот период можно говорить скорее об анклавной чуди на русской территории.

Отсутствие в этот период четкого этноконфессионального и политического барьеров позволяет сделать предположение, что уже тогда существовала русско-чудская этноконтактная зона к юго-западу от Псковского озера. О наличии контактов чуди с псковичами свидетельствуют сохранившиеся отдельные элементы раннерусской культуры в религиозных обрядах сету – потомков псковской чуди.

III период (XIII век – 1550-е годы)

Политическими событиями этого периода стали образование в Прибалтике в 1202 году немецкого ордена меченосцев, а в 1237 году – Ливонского ордена и захват орденами всех эстонских и латышских земель. Почти весь данный период существовала Псковская вечевая республика, которая уже в XIII веке вела независимую от Новгорода внешнюю политику и только в 1510 году была присоединена к Московскому государству. В XIII веке на юге современной Эстонии началась экспансия ордена меченосцев, а на севере – датчан. Псковичи и новгородцы вместе с эстами пытались противостоять агрессии немецких рыцарей еще в начале XIII века на территории современной Эстонии, но с потерей последнего оплота эстов – Юрьева в 1224 году русские войска оставили их территорию.

К 1227 году земли эстонских племен были включены в состав ордена меченосцев. В 1237 году орден меченосцев был ликвидирован, а его земли вошли в состав Тевтонского ордена, став филиалом последнего под именем «Ливонский орден». Эсты были обращены в католичество. В городах Эстонии стали оседать группы немецких переселенцев. В 1238 году северные земли Эстонии перешли к Дании, но в 1346 году были проданы датским королем Тевтонскому ордену, который передал эти владения в 1347 году в залог Ливонскому ордену.

Политическая граница между Ливонским орденом и Псковской землей превратилась в конфессиональный барьер. На землях эстов немецкие рыцари насаждали католичество, западным форпостом православной веры являлся город-крепость Изборск.

Особенностью государственной и одновременно конфессиональной границы являлась ее односторонняя проницаемость. С территории Ливонского ордена на Псковскую землю переселялись эсты, стремящиеся избежать религиозного и политического гнета немецких рыцарей. Были и переселения

больших групп эстов на русские земли, например, после восстания 1343 года в Эстонии. Поэтому отдельные элементы католической религии, в частности религиозные праздники, проникли на территорию, заселенную псковской чудью. Существовало одновременно три пути такого проникновения: 1) через контакты с родственным эстонским населением; 2) через новопоселенцев с запада; 3) через посредство католических миссионеров, действовавших на этих землях вплоть до конца XVI века. Северная часть псковской чуды, проживавшая к западу от Псковского озера, некоторое время находилась под властью ордена и была причислена к католической церкви.

Большая часть псковской чуды все же сохранила языческую веру. Многие дохристианские элементы культуры сохранились у сету и в наше время. Этноконфессиональная граница между псковской чудью и русскими не была непреодолимым барьером: между ними происходил интенсивный культурный обмен.

IV период (1550-е – 1700-е годы)

Наибольшее значение имели первые десятилетия периода, особенно 1558–1583 годы (Ливонская война). В это время псковская чудь окончательно приняла православие, тем самым обособившись в культурном отношении от эстов. В результате Ливонской войны 1558–1583 годов территория Эстонии была поделена между Швецией (северная часть), Данией (Сааремаа) и Речью Посполитой (южная часть). После поражения Речи Посполитой в войне 1600–1629 годов вся материковая часть Эстонии отошла Швеции, а в 1645 году от Дании к Швеции перешел также остров Сааремаа. На территорию Эстонии, преимущественно на острова и побережье Балтийского моря (особенно в Ляэнемаа), стали переселяться шведы. Население Эстонии приняло лютеранскую веру.

Еще в 70-е годы XV века вблизи русско-ливонской границы был основан Псково-Печерский (Свято-Успенский) монастырь. В середине XVI века, во время Ливонской войны, монастырь становится крепостью – западным форпостом православия Российского государства. В начале Ливонской войны, до 1577 года удачной для русской армии, монастырь распространял православие в занятых русскими войсками областях Ливонии.

Государство придавало большое значение укреплению мощи Псково-Печерского монастыря, предоставив ему «пустопорожные земли», которые, по сообщению летописей, монастырь заселил пришлым людом – «беглыми эстонцами». Нет сомнения в том, что христианство по греческому обряду приняло и коренное население – псковская чудь. К тому же беглых было явно недостаточно, чтобы ими можно было заселить все монастырские земли.

Однако псковская чудь, по причине непонимания русского языка, долгое время не знала Священного писания и за внешним обликом православия фактически скрывала язычество. Русские сомневались в истинности православной веры у «псковских эстов» и не случайно издавна называли сету «полуверцами». Только в XIX веке, под нажимом церковных властей, исчезли древние общинные ритуалы. На индивидуальном уровне языческие обряды стали исчезать лишь в начале XX века, с распространением школьного образования.

Таким образом, главным признаком, отделившим сету от эстонцев, стала религия. И хотя вопрос о предках сету неоднократно дискутировался, большинство исследователей сошлось на том, что сету – коренное население, а не пришлые эстонцы из Вырумаа, бежавшие от гнета немецких рыцарей. Впрочем, признавалось, что часть «полуверцев» все-таки ведет свое происхождение от переселенцев из Ливонии XV–XVI веков.

По окончании Ливонской войны в 1583 году южная часть Ливонии отошла к Речи Посполитой. Государственная граница вновь восстановила конфессиональный барьер, размытый в годы войны. Между предками сету и русскими активизировался обмен элементами материальной культуры (жилые постройки, одежда, вышивка и др.).

В первой трети XVII века значительная часть Ливонии (Лифляндия) перешла к Швеции, и здесь вместо католичества было введено лютеранство. Эстонцы, приняв лютеранскую веру, утратили почти все католические обряды, чего нельзя сказать о сету, сохранивших в обрядности более значительный католический элемент. С этого времени протестантскую и православную религию разграничивал фактически непроницаемый барьер: исследователи отмечали отсутствие у сету элементов лютеранской духовной культуры.

В пределах этноконтактной зоны начиная с XVI века, и особенно в XVII веке, появились новые этнические компоненты – первыми были русские переселенцы из центральных областей России (о чем свидетельствовал акающий говор), бежавшие в пограничные районы и даже в Лифляндию, спасаясь от солдатчины и крепостной зависимости. Они поселялись на западном побережье Псковско-Чудского водоема и занимались рыболовством. Хотя первые поселения славян появились здесь еще в XIII веке, вплоть до XVI века эти земли так и не были колонизированы русскими.

Во второй половине XVII века, после раскола в русской православной церкви, начались массовые переселения старообрядцев (секты поморцев и федосеевцев) на побережье Псковско-Чудского водоема. Район расселения сету оказался отрезанным от Псковского озера русскими переселенцами-рыбаками. С юга русские поселения вклинивались на территорию сету, почти разделив ее на две части: западную и восточную. В вершине треугольника русских поселений располагался Псково-Печерский монастырь.

У период (1700-е годы – 1919 год)

Северная война (1700–1721 годы) внесла значительные изменения в этно-культурные контакты. В ее ходе территория Эстонии вошла в состав Российской империи. Северная Эстония составила Эстляндскую губернию, южная – вошла в состав Лифляндской губернии. На территорию Эстонии стали интенсивно переселяться русские, занимая земли по берегу Чудского озера и в бассейне реки Нарвы. Здесь они пополнили группы русского населения, обосновавшиеся в западном Причудье в XVI–XVII веках. Однако в северном Причудье давние водские, ижорские и русские переселенцы были к тому времени почти полностью ассимилированы, создав группу так называемых ийсакских эстонцев. Большинство русских поселений возникло в восточной Эстонии в XVIII–XIX веках, и основу русского старожильческого населения здесь составили старообрядцы, бежавшие от преследования официальных властей.

Ликвидация политической границы не привела к разрушению конфессионального барьера. Он продолжал существовать, несмотря на то что граница между Лифляндской и Псковской губерниями (провинциями, наместничествами) не всегда соответствовала ему. Главную роль в сохранении конфессионального барьера сыграл Псково-Печерский монастырь, поддерживавший православие в своих приходах, независимо от изменений политико-административных границ.

Тем не менее, благодаря исчезновению государственной границы связи эстов двух прибалтийских губерний с сету Псковской губернии значительно облегчились. Однако конфессиональные и культурные различия привели к тому, что сету воспринимались эстами как «люди второго сорта». Поэтому проникновение элементов эстонской материальной культуры в область Сетумаа было затруднено, зато сету выступали в качестве экономических (торговых) посредников между

эстонскими и русскими землями, занимаясь перепродажей в русских губерниях тряпья и старых лошадей, купленных за бесценок в прибалтийских губерниях.

В середине XIX века почти полностью прекратилось переселение русских на западное побережье Псковско-Чудского водоема. К этому времени средневеликорусские черты в культуре поселенцев были вытеснены северовелико-русскими благодаря последним переселенцам из северной России и экономическим связям с ней.

После отмены крепостного права, в 70-е годы XIX века, в Сетумаа начали переселяться латыши и эстонцы, которым псковские помещики распродавали наиболее неудобные земли. Именно тогда появились хутора, основанные латышами и эстонцами. Хутора богатых русских и сету появились лишь в 1920-е годы, тогда как в XIX веке сету не могли покупать даже сравнительно дешевую землю.

К концу XIX века процесс унификации культуры охватил все русское и эстонское население приграничных районов. Исключение составили сету, которые благодаря специфическому сочетанию этнических и конфессиональных факторов развития сохранили многие архаичные формы материальной и духовной культуры. К примеру, народный календарь сету является результатом трех конфессиональных напластований, всего же в верованиях сету можно найти шесть исторических пластов.

Многовековые контакты сету и их предков с русскими привели к заимствованию значительного количества русских слов, однако лингвистическое влияние русских на сету было небольшим. Язык, на котором говорят сету, близок к южноэстонскому диалекту (вырусскому поддиалекту) эстонского языка, который заметно отличается от литературного эстонского языка и почти забыт в самой Эстонии. Поэтому нередко сами сету называют свой язык самостоятельным, отличным от эстонского языка.

В самом начале XX века, когда на вырусском поддиалекте еще говорили на юго-востоке Эстонии, делали вывод о тождественности языка, на котором говорили сету, с эстонским языком. Но когда на юге Эстонии стал распространяться литературный эстонский язык, сету, сохранив старое наречие, стали рассматривать свой говор как самостоятельный диалект эстонского языка. При этом молодежь сету, начиная с 20-х годов XX века, предпочитала говорить на литературном эстонском языке.

Общее число «полуверцев» в 80-е годы XIX века оценивалось в 12–13 тысяч. Согласно переписи населения 1897 года, численность сету составляла 16,5 тысячи. Наиболее быстрый рост численности сету пришелся на конец XIX – начало XX века. По данным эстонских источников, их число к 1902 году составило 16,6 тысячи, а в 1905 году превысило 21 тысячу, то есть достигло своего максимального значения за весь период существования. Вследствие столыпинской реформы, вызвавшей значительный отток сету во внутренние губернии России, их число в Сетумаа стало уменьшаться. К 1908 году численность сету в Псковской губернии сократилась до 18,6 тысячи.

В этот период сету основали свои колонии в Пермской губернии и в Сибири – например, к востоку от Красноярска (Хайдак, Ново-Печоры и др.). В 1918 году в Красноярском крае проживало 5–6 тысяч сету.

VI период (1920–1944 годы)

Во вновь образованном государстве – Эстонской Республике вопросу сету придавалось большое значение. При заключении в 1920 году Юрьевского мирного договора земли, на которых проживал народ, впервые за всю историю отошли к Эстонии. По мнению специалистов, цели заключения договора у сторон были различными. Если Эстония хотела закрепить свой статус новообразованного государства, то

большевистский режим стремился при помощи эстонцев покончить с Северо-Западной армией генерала Юденича, которая представляла непосредственную угрозу их власти в России. В то же время не следует забывать того, что эстонская армия на момент начала переговоров по Юрьевскому мирному договору находилась далеко за границей земель, заселяемых народом сету, даже занимала часть города Пскова. Так что можно с полным правом заявить, что международные авантюристы Адольф Иоффе и Исидор Гуковский, подписавшие от имени большевистского правительства Юрьевский мирный договор, расплатились помимо 15 миллионов «царских» рублей и землями народа сету, в том числе и за уничтожение этого крупного воинского формирования.

По Юрьевскому мирному договору между Эстонией и Советской Россией, заключенному 2 февраля 1920 года, весь Печорский край отошел к Эстонии. На этой территории был создан уезд Петсеримаа (от эстонского названия Печор – Петсери). Другое название уезда, сохранившееся на юго-востоке Эстонии до сих пор, – Сетумаа.

Вместе с сету на территорию Эстонии попало и все русское население Печорского края, так как новая граница между Эстонией и Россией не соответствовала этнической. При этом русское население Петсеримаа значительно преобладало над сетуским и эстонским. По оценкам эстонских ученых, в 1922 году сету насчитывалось 15 тысяч человек, то есть четверть населения уезда Петсеримаа. Русские составляли 65% населения уезда, а эстонцы – 6,5%.

По переписи 1926 года, численность сету и эстонцев составляла около 20 тысяч человек, но и тогда их суммарная доля лишь немного превышала треть населения Петсеримаа. С 1920-х по 1940-е годы эстонцами была предпринята попытка ассимиляции как русских, так и сету. Согласно переписи населения 1934 года, общая численность эстонцев и сету в уезде Петсеримаа почти не изменилась по сравнению

с 1926 годом, но численность сету уменьшилась до 13,3 тысячи человек (на 22%). При этом эстонцы составляли более половины населения г. Печоры (Петсери), а сету в нем насчитывалось менее 3%. Печоры стали рассматривать как в средней степени обэстоненное поселение.

Надо сказать, что эстонцы никогда не относились к сету как к самостоятельному народу. До сих пор в эстонской науке бытует мнение, что сету произошли от эстонцев, которые бежали в XVI веке на территорию России от насильственного крещения в лютеранскую веру. Поэтому уже в 20-х годах прошлого столетия началась массовая эстонизация сету.

На II Конгрессе сету в 1930 году в городе Печоры председатель парламента Эстонской Республики Карл Эйнбунд сказал: «Сету должны превратиться в эстонцев, в полноценных граждан государства». После этого начальное и среднее школьное обучение для народа сету стало вестись на эстонском языке. Надо отметить, что язык народа сету имеет очень много общего с эстонским языком. Но все же это два отдельных языка.

VII период (с 1945 года)

23 августа 1944 года на базе Псковского округа Ленинградской области была создана Псковская область. 16 января 1945 года Указом Президиума Верховного Совета РСФСР в Псковскую область вошел Печорский район, организованный из 8 волостей и г. Печоры, входивших ранее в состав Эстонии. Территория двух эстонских волостей вошла в состав Качановского района, а в 1958 году, после его ликвидации, была передана Печорскому району.

Граница между РСФСР и Эстонской ССР рассекла область расселения сету, создав для разных групп сету различные условия для культурного развития. Было разорвано культурное единство Сетумаа. Ускорились процессы ассимиляции сету уже с двух сторон: со стороны эстонцев – в северной и

западной частях, со стороны русских – в восточной и южной частях Сетумаа.

Разделение района расселения сету на две части было вызвано желанием проведения границы между РСФСР и ЭССР по этническому признаку. Но четкой этнической границы между эстонцами (вместе с сету) и русскими, как обычно бывает в этноконтактных зонах, не существовало. Поэтому за основу проведения границы было взято преобладание русского населения. Но если до 1917 года во всей области Сетумаа русское население преобладало, то за 1920–1930-е годы соотношение в северной и частично западной частях Сетумаа изменилось в пользу эстонско-сетуского населения. Вместе с этими землями к ЭССР отошли и некоторые русские поселения, расположенные внутри этнических эстонских территорий. Одновременно некоторые русские поселения на побережье Псковского озера оказались отрезанными от Печор эстонской территорией.

Расколота на две части, Сетумаа не получила культурной автономии, как это было до 1917 года. В псковской части Сетумаа численность сету в 1945 году уже была меньше 6 тысяч и стала быстро сокращаться в дальнейшем, в том числе и за счет обрусения части сету. В это время в ЭССР продолжался процесс эстонизации сету.

В советской статистике сету не выделяли в качестве самостоятельного народа, относя их к эстонцам, поэтому о численности сету можно судить лишь косвенно, полагая, что они составляли подавляющую часть «эстонцев» в Печорском районе. В середине 1960-х годов в Печорском районе Псковской области проживало уже не более 4 тысяч сету, а по данным переписи 1989 года – лишь 1140 «эстонцев», в том числе, предположительно, 950 сету.

После возвращения в 1945 году Печорского района в состав России основным фактором динамики численности сету Печорского района стал миграционный отток сету в

ЭССР. Так, за период с 1945 по 1996 годы общая численность сету в районе сократилась с 5,7 тысячи до 720 человек, то есть почти на 5 тысяч человек. При этом суммарная естественная убыль за это время составила всего 564 человека, то есть механическая убыль за весь период приближалась к 4,5 тысячи человек.

Наибольший спад численности сету пришелся на конец 1960-х годов и на 1990-е годы. Миграционный отток сету из Печорского района в период с 1945 по 1959 год достигал почти 100 человек в год, а в 1960-е годы – уже 200 человек в год. Очевидно, что причинами массового оттока сету в Эстонию в это время были и разница в материальном уровне жизни, и практика обучения сету в школах на эстонском языке. В 1970-е годы отток сету из Печорского района стал замедляться. В период с 1989 по 1996 год был отмечен минимальный отток сету из России.

Главным фактором резкого сокращения миграционного оттока сету в первой половине 1990-х годов стало установление государственной границы «барьерного типа», которая почти полностью изолировала печорских сету от своих родственников в Эстонии. Однако становление государственной границы привело к новой постановке вопроса об этнической самоидентификации сету. В итоге выбор был сделан в пользу Эстонии, а период первой половины 1990-х годов стал лишь временной отсрочкой перед началом новой миграционной волны, пик которой пришелся на 1997–1998 годы.

По абсолютным значениям миграционный отток сету из России в Эстонию в 1998 году приблизился к уровню 1950-х годов, а по своей интенсивности (т. е. доле выбывших ко всему населению сету в Печорском районе) превзошел примерно в три раза даже самые неблагоприятные в этом отношении 1960-е годы.

В целом же в последнем десятилетии XX века численность сету в Печорском районе сократилась настолько, что можно

уже говорить не только о депопуляции, но и об исчезновении сету, о потере сету как этнокультурной единицы. В начале 2001 года общая численность эстонцев и сету в Печорском районе составляла 618 человек, в том числе сету среди них можно было оценить не более чем в 400 человек, что едва превышало 1,5% населения Печорского района. Всероссийская перепись населения 2002 года зафиксировала лишь 170 сету, среди которых 139 человек проживают в сельской местности и 31 человек – в г. Печоры. Однако согласно итогам той же переписи, в Печорском районе проживает 494 эстонца, из них 317 – в сельской местности. Следует принять во внимание то обстоятельство, что перепись населения России 2002 года – первая и пока единственная в мире после Второй мировой войны перепись, фиксировавшая сету как самостоятельный этнос. Очевидно, что часть сету по традиции, идущей с советских времен, причислила себя к эстонцам. Поэтому реальная численность сету в Печорском районе несколько больше, чем показала перепись населения, и ее можно оценить примерно в 300 человек. Тем не менее, нужно признать, что интенсивный миграционный отток сету из России на рубеже XX–XXI веков уже привел к почти полному исчезновению данного этноса на российской территории.

Таким образом, в заключение историко-этнодемографического обзора следует сделать вывод, что уже к началу XXI века сето-русская этноконтактная зона на территории Печорского района Псковской области фактически полностью растворилась. Сохранился только западный сегмент некогда единой этноконтактной зоны, расположенный ныне в Эстонии и представляющий теперь уже не сето-русскую, а сето-эстонскую этноконтактную зону. В Эстонии сето-эстонская этноконтактная зона охватывает территорию восточных частей уездов Пылвамаа и Вырумаа, до 1917 года входившую в состав Псковской губернии. Впрочем, по официальной статистике, такой этноконтактной зоны не существует,

так как в Эстонии сету рассматриваются лишь в качестве этнографической группы эстонского народа.

Отметим, что с 1995 по 2000 год правительством Эстонии проводилась специальная программа переселения сету на территорию Эстонии. В это время и произошло массовое переселение народа сету из России в Эстонию. Всем сету, прибывшим туда на постоянное место жительства, выплачивались значительные денежные средства, оказывалась помощь в строительстве домов. Эти действия рекламировались как достижения национальной политики Эстонии, на фоне политической и национальной дискриминации русскоговорящего населения страны. Но вместе с тем в Эстонии не было признано право на существование народа сету как самостоятельного этноса.

При переписи населения, проводившейся в Эстонии в 2002 году, народ сету не исчислялся как самостоятельный, а сами сету были записаны как эстонцы.

Современность

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, численность сету в России составила 214 человек (городское население – 50 человек, сельское – 164).

По данным переписи 2011 года, в Эстонии проживает 12 000 носителей языка сету, из них половина на исторической родине, остальные разъехались по стране – это в основном эмигранты из Печорского района.

В настоящее время основные усилия по поддержанию сетуской культуры как в России, так и в Эстонии, предпринимаются самими сету. В России уникальная культура сету пока поддерживается энтузиастами посредством совместных празднований основных сетуских этнокультурных праздников Кирмаш (Успение Богородицы), Рождество, Пасха, Кунингрийгипяйв (День королевства), а также День пожилого человека и 8 Марта, которые проводятся на ограниченных

площадях школы № 2 (эстонской) в Печорах. Указанные даты празднуются с использованием элементов материальной (национальные костюмы, украшения) и нематериальной (традиционные песни, традиционные ритуалы) культуры, что помогает сету поддерживать собственную идентичность. В Печорском районе существует районная общественная организация «Этнокультурное общество сету» («ЭКОС»), действующая с 1993 года, члены которой и занимаются сохранением и популяризацией сетуской культуры. При ней существует хор и детский хор, которые участвуют в праздниках, фестивалях и т. д.

В Печорском районе существует уникальный музей-усадьба народности сету – в д. Сигово, единственный государственный музей сету на территории Российской Федерации, который является филиалом Государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск». Он находится в 14 км от Изборска по шоссе Псков – Рига и расположен в сохранившейся традиционной усадьбе сету конца XIX – начала XX века. До недавнего времени музей-усадьба располагался в зоне компактного проживания сету, однако, начиная с 90-х годов XX века, когда наблюдался мощный отток населения в Эстонию, музей оказался в стороне от основных административных и культурных центров, а также в стороне от основных туристических маршрутов. В подобном положении находятся ряд этнокультурных объектов в Печорском районе. В частности, Мальский монастырь – еще один из культурно-религиозных центров в зоне компактного проживания сету. Там находится сетуское кладбище. Отсутствие нормальной дороги затрудняет там проведение традиционных обрядов сету.

Современное расселение сету позволяет говорить о необходимости развития двух-трех этнокультурных центров сету в Печорском районе и в самих Печорах, где помимо

эстонской школы находится сетуская Варваринская церковь (православная служба ведется в том числе на сетуском диалекте), деятельность которых была бы направлена на поддержание их идентичности и сохранения культуры. Сохранение культурных особенностей сету требует больших усилий и государственной поддержки. Желание российского государства сохранить на своей территории коренной народ и его уникальную культуру сету выразилось во включении сету в перечень коренных малочисленных народов России и разработке целевой программы по поддержке сету в Печорском районе. Программа рассчитана на 2010–2014 годы и направлена на создание условий для сохранения и дальнейшего развития мест поселения народности, сохранности культуры и традиционного уклада жизни. Реализация программы предполагается по нескольким направлениям: туризм, развитие малого и среднего предпринимательства, сельское хозяйство, дорожно-транспортная сеть, культура и образование. С 2008 года в конце августа в деревне Сигово в Печорском районе проходит международный этнокультурный фестиваль народа сету «Сетумаа. Семейные встречи». Организаторами мероприятия выступают Государственный комитет Псковской области по культуре и Государственный музей-заповедник «Изборск». Традиционно фестиваль направлен на содействие реализации этнокультурной политики в Псковской области, активизацию межкультурной межэтнической коммуникации народов, пропаганду и популяризацию культуры и традиций малого народа сету.

В программе фестиваля, в котором принимают участие представители сету из России и Эстонии, – богослужение и крестный ход в честь празднования Успения Пресвятой Богородицы, концерт творческих коллективов Псковской области и Эстонии, народное гуляние Кирмаш, ярмарка декоративно-прикладного творчества; конкурс-дегустация блюд сетуской кухни, а также насыщенная экскурсионная программа.

Выводы

Народ сету, наверное, один из первых в постреволюционной России, подвергся ассимиляционному давлению более крупного народа – эстонцев. В межвоенный период правительство «буржуазной Эстонии» было заинтересовано в быстрой и окончательной ассимиляции сету. Это позволяло полностью и окончательно закрепить за собой никогда не принадлежавшие эстонцам земли Печорского района. Такая же политика, но в более завуалированной форме, продолжалась и в период существования Эстонской ССР. Но после 1991 года ситуация изменилась кардинальным образом. Теперь существование народа сету, в основной своей массе проживавшего уже на территории Эстонии, явилось обоснованием территориальных претензий на тот же Печорский район. После того как политическая элита Эстонии поняла, что все требования к России о «возвращении» Печорского района под любым предлогом окажутся бессмысленными, работа эстонских государственных органов по линии сету стала сворачиваться. Были закрыты некоторые сетуские газеты и радио, прекращены льготы и финансовые преференции, которые выделялись сету – переселенцам из России. Сегодня сету Эстонии «варятся» в своем котле, все более и более эстонизируясь, теряя свои этнокультурные связи. По мнению многих «русских» сету, язык сету в Эстонии практически забыт. Восстановить былую популяцию сету на территории России невозможно. Прекратить ассимиляционные процессы в Эстонии также нереально. Остается только одно – наблюдать, как исчезает один из интересных малочисленных народов России.

* * *

При работе над статьей были использованы материалы, опубликованные в книге Ю. Алексеева и А. Манакова «Народ сету: между Россией и Эстонией» (Москва. Издательство «Европа», 2005 год), и публикации о народе сету в российских СМИ.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>А.В. ГАПОНЕНКО.</i> Этнические конфликты в постсоветской Балтии: содержание, формы, механизм формирования, внешние факторы влияния	9
<i>М.Ю. РОДИН.</i> Этнополитические конфликты и национальная идентичность в Латвии	27
<i>В.В. БУЗАЕВ.</i> Национальные меньшинства Прибалтики как жертва избирательного оружия массового поражения	61
<i>А.В. СОЛОПЕНКО.</i> Историческая память в электоральном поведении жителей Латвии	73
<i>К.К. МАТВЕЕВ.</i> Правовое регулирование межэтнических отношений в европейских странах и в Латвии	90
<i>М.Д. ДРАГИЛЕ.</i> Опыт защиты русских ценностей с использованием современных гуманитарных технологий	102
<i>Е. КРИВЦОВА.</i> Стратегия победы в деле Казакова. Действие юридических механизмов этнического доминирования	116
<i>Е.В. БАЧИНСКАЯ.</i> Опыт организации правовой поддержки референдума о статусе русского языка в Латвии	126
<i>А.С. ЛОБОВ.</i> Взгляд на Эстонию: политизированность и статистика как инструмент определения приоритетов в борьбе с дискриминацией	143
<i>А.ТУРЛАЙ.</i> Краткий очерк история латгалов в составе различных государственных формирований	157
<i>М.Ю. РУСАКОВ.</i> Дискриминация в Эстонии	187
<i>М.В. РЕВА.</i> «Бронзовые ночи» в Эстонии – этническая подоплека событий	217
<i>С.Н. СЕРЕДЕНКО.</i> Гуманизм versus национальное государство	231
<i>А.В. ФОМИН.</i> Борьба за русскую школу в Литве	239
<i>Я. СКУДЕР.</i> Поляки в Литве: история конфликта	272
<i>Ю.В. АЛЕКСЕЕВ.</i> Народ сету – история и современность	285

